

фантастическая
история

Константин Костинов

Сектант

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Константин Костинов

Сектант

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523715
Сектант: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1174-0

Аннотация

1925 год. Ни войн, ни катаклизмов, ни революций – годы созидания, надо строить, а не воевать.

Справится ли с этой задачей житель двадцать первого столетия Сергей Вышинский, сумеет ли обрести себя? Поймет ли он, где очутился? Ведь до того, как провалиться в прошлое, он был самым обычным, не обремененным историческими знаниями менеджером по продажам, участником ролевки, случайно активировавшим найденный в сельском музее магический артефакт.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Константин Костинов

Сектант

Все действующие лица произведения (за исключением исторических персонажей) являются вымышленными, так же как и город Песков, клуб исторической реконструкции «Вьюга лезвий» и Институт истоков фольклора.

Пролог

Вжжии-иих...

Клинок, сверкнув кровавым отблеском, пронесся над головой противника. Неудача...

Красное закатное солнце смотрело сквозь ели на поляну, которую взрывали калигами двое бойцов. Уже поползли по земле длинные тени, тянуло сыростью от ближайшего ручья, только сражающимся было жарко...

Вышата принял на щит удар топора, взмахнул мечом, надеясь достать до ноги, однако Ингвар был слишком опытен, отпрыгнул в сторону и попытался еще раз поразить недруга. Ух... Еле успел отбить щитом. Все-таки Вышата умелым бойцом не был. Опытным – да, уже семь лет как взял в руки меч, отчаянным – да, но вот умения ему всегда недоставало.

Махнул мечом, отскочил. Снова попробовал полоснуть

острым железом ворога. Не попал – уклонился... Дело даже не в умении, наверняка здесь, как и в любом ремесле, нужен талант, который дается Богом, и если уж его нет... То быть тебе вечным середняком. Как и всегда. Как и во всем.

Нет никаких сомнений – бой проигран, дальше сражаться – только оружие тупить. Зрителям, окружившим место турнира, уже стало скучно. Вот и Конунг наконец поднял длинный меч:

– Бой выигран Ингваром!

Бойцы опустили оружие. При других обстоятельствах славянская группа загнула бы, что Конунг подсуживает викингам. Только сейчас преимущество Ингвара было ясно видно всем. Да и солнце уже почти село. Хватит, в самом деле. Если бы и вправду сошлись в смертельной битве захватчик-викинг и доблестный славянин, тогда Вышата (в миру – Сергей Вышинский, менеджер мелкой фирмочки) не сдался бы так легко... Впрочем, будь это настоящий бой, Вышата уже лежал бы с раскроенным черепом. Все-таки правила турниров клубов исторической реконструкции не позволяли оттачивать клинки до боевой остроты. Иначе так и без участников можно остаться. Кто тогда на следующий турнир поедет?

Сергей опустился на чурбан. Меч воткнулся в землю рядом, вода, громко булькая, полилась из фляжки в пересохшее горло. Дернул завязку, удерживавшую волосы в хвосте. Передохнуть, перекусить (от костра пахло пшенной кашей с тушенкой, блюдо не средневековое, однако сытное) – и в

палатку... ан нет. Знакомый из соседнего поселка, работающий в местном музее, пригласил на позднюю эксклюзивную экскурсию для ознакомления с сокровищами местного края. Зачем только согласился? Теперь из чистой вежливости придется тащиться несколько километров в эти Загорки, смотреть на ржавые плуги и гильзы, откопанные деревенскими энтузиастами.

– Держи!

На колени плюхнулась глиняная миска, полная желтой ароматной каши, курящейся паром. Сергей вытащил из-за голенища собственноручно вырезанную когда-то чуть кривоватую ложку и начал сноровисто забрасывать пищу в рот, стараясь не размазать ее по длинной бороде.

Выскребя посудину и облизав ложку, он поднял глаза. Энергия поднималась из приятно тяжелого желудка... А что это все так уставились?

– Вышата, – медленно проговорил Гюрята, здоровенный увалень, в реале – Гриша, автослесарь, где-то в Мытищах, – как тебе кашка-то?

– А что?

– Вку-сная? – запнулась повариха отряда Любава (Люба, студентка четвертого курса).

– Ну вы же знаете, мне – лишь бы съедобно, а смолотить я могу все. Что случилось-то? – Сергей рассмотрел, что, кроме него, кашу не ел никто, миски стояли полные.

– Да просто наша хозяйюшка, – при этих словах Гюряты

Любава вспыхнула и затеребила край фартука, – бухнула в котел полную пачку соли.

То-то каша показалась солоноватой. Была у Сергея особенность почти не различать вкуса еды, частенько пугающая непривычных людей. Вот как сейчас.

– Да расслабьтесь, задумался, не обратил внимания...

Народ немного успокоился, перестал глазеть, как на чудо морское, и поразбрелся по своим делам. Сергей хихикнул, вспомнив, как в свое время, студентом, пожарил и съел сосиски, летом неделю пролежавшие в тумбочке и пахшие весьма неприятно. Ничего, не умер же...

– Ну что, солеед, – хлопнул его по плечу Ингвар, – пойдём в деревню?

Ах да, музей... Сергей с тоской глянул в сторону палатки, тихо посетовал на свою доброту и неумение отказать и поднялся. Будь прокляты все музеи, и деревенские в первую очередь!

– Вышата, стой!

Сзади подошел Конунг, на турнире – грозный и авторитетный вождь, в Москве – глава клуба исторической реконструкции «Вьюга лезвий», в который семь лет назад занесло скупающего студента Серегу. Конунг держал меч в ножнах.

– Вышата, можно попросить тебя? – Будь Сергей в группе викингов, Конунг бы просто приказал, однако последнее время славяне обособлялись и, возможно, в скором времени выделятся в отдельный клуб. Поэтому глава не давил на

них. – Завтра у нас показательные выступления.

Ну да, ну да... Жонглирование ножами, метание в цель, стрельба из лука и тому подобное. На фестивалях такими трюками развлекают публику, а на турнирах, где собираются разные клубы, – меряются понтами и хвастаются бойцами...

– Хаук, – мотнул головой в темноту, прятавшую палатки, Конунг, – сегодня повредил руку...

Правильно, Хаук (Сергея Соколов, омоновец из Питера) на двобое неудачно подставил руку, и мечом ему перебило два пальца. Хорошо еще, что турнирные мечи затуплены, а то остался бы инвалидом.

– ...а завтра он должен был рубить капусту и метать ножи...

– Хочешь меня попросить? – перебил Вышата.

Конунг поморщился. Он не любил суетливости.

– Да. Остальные ребята либо заняты в других выступлениях, либо недостаточно обучены мастерству. А ты более-менее...

Вот именно. Более-менее. Вечный середняк. Даже в умении метать ножи, которым Сергей втайне гордился, он не был первым во «Вьюге лезвий».

– Ладно, согласен. Давай.

Конунг протянул меч, в отличие от турнирного отточенный на совесть, хлопнул по плечу и ушел.

Отнести в палатку на другой стороне лагеря или взять с собой? В борьбе разума и лени победила лень. Сергей за-

кинул ножны с мечом за спину и направился к нетерпеливо притоптывающему Ингвару (Игорь Гарин, преподаватель вуза).

Соль можно не почувствовать, но организм не обманешь, и все время, пока они шли вчетвером (Сергей, Ингвар-Игорь и две девчонки, то ли Катя и Люда, то ли Лена и Клава) по темной лесной дороге до музея, пить хотелось, как верблюду после недельного перехода. Такое ощущение, как будто вся соль выступила на языке и покрыла его толстой шершавой коркой. Да и меч, в наказание за лень, тяжелой гирей оттягивал плечо и периодически бил по спине. Да где этот...

А вот и обещанный музей... Ух ты! Огромный домина, изогнутый буквой «П», темнел за яблонями сада на окраине Загорок. Да он же как минимум двухэтажный! Под одинокой лампочкой на крыльце в торце одной из ножек буквы скучал Денис – местный учитель истории, давно знакомый с половиной участников турнира и проводивший новичкам экскурсии по музею. Говорили, интересно...

Ночной экскурсовод (черт его возьми, не мог днем собрать) скоренько пожал руки Сергею и Ингвару, чмокнул девчонок и загремел ключами.

– На первый этаж мы не пойдем, – говорил он через плечо, – вам навряд ли будут интересны кадки, сохи и прочие маслобойки. Сразу на второй...

Дверь бесшумно распахнулась.

– Велком ту зе пати, – сделал приглашающий жест рукой

Денис.

Где ты видел настоящие пати...

– На первом этаже у нас повседневная жизнь села. – Денис повел их внутрь по темному коридору, одновременно начиная экскурсию. – Вот здесь у нас...

Одна из девчонок пискнула в темноте и шлепнулась, как кошка со шкафа.

– ...ступеньки. Потом – налево и по лестнице.

Отряд потянулся по скрипучей темной лестнице. Сергей плелся следом, цепляясь мечом за перила и размышляя над загадкой: почему чертов гид не включает свет или хотя бы фонарик? Или экспонаты будем рассматривать в темноте?

Версия оказалась ошибочной. Защелкали выключатели, и ослепительные после ночного мрака лампочки осветили широкий коридор. А в нем... Висело на стенах, проглядывало в застекленных стеллажах и витринах... Что? Да все что угодно. Оружие, холодное и огнестрельное, тщательно очищенное, в идеальном состоянии. Россыпи разнообразных монет, от светло-серых до кислотно-зеленых. Наборы касок, от советских до вермахтовских. И многое-многое-многое... Или все это богатство копилось не один десяток лет, или же все местные жители с утра до позднего вечера промышляют в роли «черных копателей». Прямо напротив проема, в котором замерли от удивления экскурсанты, стояла непонятная металлическая конструкция, больше всего напоминавшая мини-танк, с пулеметом в квадратной неповоротной ба-

шенке и на санных полозьях вместо гусениц. Взгляд, ошалело блуждающий по коридору, выхватывал отдельные мелочи: офицерский планшет, клинковый штык от автоматической винтовки системы Симонова, английский пистолет-пулемет «Стэн» (если верить табличке), красноармейские петлицы и немецкие погоны. А также множество гильз от патронов и снарядов. И вот такое сокровище в каком-то замшелом деревенском музее?! Во рту бы пересохло, если бы там и так не обосновалась пустыня Сахара. Сразу захотелось курить.

– Наш музей был основан при загорской школе в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, – профессиональным голосом завел Денис, – когда учениками было принято решение о создании комнаты памяти Гражданской войны...

«Ага, – съязвил Сергей, размышляя, можно ли здесь курить, – знаем мы, как ученики принимают такие решения: учителя сказали, несчастные детки и решили...»

– А что это за броневик? – Катя и Лена обошли странную фиговину, присели сзади. – Дверцы...

– Это, – с готовностью переключился Денис, – так называемая бронированная огневая точка – БОТ, нечто вроде маленького передвижного дота...

Если останавливаться возле каждой железяки, то они застрянут надолго...

Сергей машинально похлопал себя по бокам (наличие карманов в средневековой одежде не предусматривалось), вздохнул и шагнул к Денису:

– Слушай, у тебя закурить есть?

Денис, оторвавшись от рассказа о том, как именно металлического выкидыша танка таскали на позиции, охлопал себя и протянул початую пачку.

– Я покурю на крыльце. – Сергей утащил сигаретку.

– О'кей, – согласился Денис, – только недолго, а то пропустишь много интересного.

Ага, из какого болота вы все это натягали? В какой-то деревне и музей?! Есть чем гордиться, подумаешь...

Сергей курил, выпуская дым в свежесть уже летнего вечернего воздуха. За деревьями сада проглядывали огоньки деревни: уличные фонари, свет окон. Музей, как он успел расслышать, разместился в здании старой школы, после того как где-то в конце восьмидесятых построили новую. Нормальные люди продали бы все мало-мальски ценное, а они волокли сюда. Может, предложить Денису?..

Сергей загасил окурок, прицелившись, кинул его в железное ведро, стоящее в двух метрах. Попал, конечно. Ладно, попробую...

Голос Дениса доносился со стороны одной из комнат (бывших классов, надо полагать). Сергей проскочил туда, мимоходом пытаясь подсчитать стоимость того, что находится здесь... хотя бы части... Да хоть чего-нибудь! Никогда не интересуясь ничем таким (даже историю в школе и институте сдал на тройки), он затруднялся определить, редкость ли перед ним или какая-нибудь банальщина, ко-

торулю любой понимающий антиквар высмеет, стоит только развернуть сверток (в мыслях он почему-то приносил трофей в магазинчик завернутым в брезент, старый и выгоревший). Вот, например, снаряд от катюши... Блин, здоровенная дура! Нет, для примера надо что-то попроще и поменьше. Вот пистолет на стене висит... Если верить табличке... Ага, «Тульский-Токарев», а так это «ТТ», любимое оружие киллеров... Нет, тоже не подходит, торговля оружием – это как-то не то, о чем Сергей мечтал ночами. Заметут, и закончится бизнес где-нибудь в лесах знойной Колымы. Нет, Сергей, конечно, хотел бы пойти по стопам олигарха, но не Ходорковского же! Нет, так, с бухты-баряхты, антикварным королем не станешь. Сначала с Денисом поговорить, намекнуть на возможность сотрудничества, а потом, может, вместе сообразим...

Из комнаты донеслись восхищенные взвизги девчонок и криканье Ингвара. Чего они там делают? Сергей заглянул в проем.

Ингвар с напряженным лицом стоял посередине комнаты, почти не двигаясь, окруженный стальным облаком, вокруг него свистела и металась шашка, которую он крутил, перебрасывая из руки в руку.

– Оп! – Тяжело дыша, Ингвар остановил жуткую выюгу (воистину выюгу лезвий) и опустил руку с зажатым в ней оружием.

Очарованные девчонки заплодировали. Даже Денис хоть

и улыбался скептически, однако покачал головой с явным уважением. Сергею стало завидно. Почему он так не умеет? Пробовал, конечно, и даже немного научился, вот только дальше требовались тренировки, а времени как-то не находилось... Так и не осилил он это умение...

– Вот это оружие! – Ингвар в чувствах поцеловал клинок. – Настоящая, казачья! У меня дед такой немцев рубил. Откуда она у вас?

– Подарили, – гордо ухмыльнулся Денис. – Старик-ветеран приезжал, воевал у нас. Посмотрел и сказал, что детки не сберегут, а у нас хоть память о нем останется. Сказал, видит, что у нас историю хранят...

– Да уж, – начал приводить в действие свой план Сергей, – такую коллекцию хоть в Москву, а то здесь ее практически и не видит никто, кроме коров...

– Да ты что, – Денис обиделся, – у нас же постоянно туристы! Я потому ночью вас и вожу: днем здесь не протолкнешься. К нам со всей России приезжают и из-за границы: немцы, финны, норвежцы...

Дальше Сергей слушать рекламу Загорского музея не стал. Диагноз ясен: Денис – ярый патриот своей деревни. Убедить такого продать хоть один экспонат из музея... Да легче уговорить гаишника на дороге отпустить тебя без последствий и оплаты, когда он поймал тебя пьяного и без документов на встречной полосе!

Черт! Такая возможность начать свой собственный биз-

нес накрылась. Сергей уже давно мечтал о том, чтобы прекратить работать на чужого дядю и начать свое дело. Правда, всегда что-то мешало: то отсутствие денег, то недостаток знаний. Короче, до сих пор все мечтания таковыми и оставались. А тут такая возможность и на тебе: на пути встал деревенский учитель со своим замшелым патриотизмом. Может...

Обдумав вкравшуюся в голову мысль, Сергей отверг ее как неприемлемую: кража привлекала его еще меньше торговли оружием. Одно дело – сесть за продажу раритетного пистолета, какого-нибудь «манлихера», можно сказать благородная статья, и другое дело – если тебя поймали за руку при попытке утащить из деревенского музея ржавый плуг, на котором еще в тыща девятьсот каком-то году подписали указ о создании колхоза «Сорок лет без урожая»... Да к черту! Садиться Сергей не собирался по любой статье.

– Денис, – не пришел он к окончательному выводу, – можно я прогуляюсь сам, просто посмотрю...

– Да можно, конечно, – отмахнулся тот.

Ингвар снял со стены уже две шашки и медленно раскачивал их, явно собираясь показать класс. Девчонки заняли свои позиции у стенки и перешептывались, не обращая ни на Дениса, ни на Сергея никакого внимания. Ну почему ни одна из девушек не смотрит так на него, Сергея?! Чем он хуже Ингвара?! Не умеет крутить мечи, сабли, шашки и прочий холодняк? Непрестижная работа? Что не так?!

Сергей вылетел в коридор, горя жаждой устроить что-нибудь такое... такое... Ну чтобы все ахнули! Ага! Не нужен мне чистоплюй Денис! Воровать плохо? ХА! Все состояния нажиты воровством! Закон жизни!

«И пока ты сидишь за воровство, твоё состояние прогуливают наследники. Закон Фостерс», – съязвило не вовремя проснувшееся подсознание, склонное у Сергея к циничным шуткам.

Ну уж нет! Не такой я дурак, чтобы попадаться. Сегодня только высмотрю что-нибудь ценное (если, конечно, смогу отличить ценное от бесценного... тьфу, неценного... малоценного... дешёвки, короче!). А потом, может, через годик приеду ещё разок и упру! Продам, разбогатею, открою собственное дело, куплю квартиру, машину... Вот тогда посмотрим, девочки, на кого вы будете глядеть: на меня, всего такого крутого-продвинутого, или на Ингвара, у которого из мебели только кафедра в институте.

Сергей остановился посередине коридора. Медленно огляделся, как алкоголик, попавший на винный склад: всё твоё, поэтому некуда торопиться, можно посмаковать сам момент выбора и только потом уже насладиться вкусом вина, а поскольку внимательно он пока не присматривался, то ценным казалось всё. Сергею раньше не приходило в голову заниматься антиквариатом, а поэтому он и не знал, что будет поценнее. Может быть, какие-нибудь фашистские регалии? Вдруг на этом деревенском складе рухляди отыщутся сек-

ретные бумаги, подписанные Гитлером или там Сталиным? Они ценнее всего остального будут. Или, скажем, медальон обер-лейтенанта Отто Ларинголога, пропавшего без вести еще в сорок первом в этих краях. Сентиментальные немцы неплохо платят за такое. Ладно, хорош мечтать, пора выбирать...

Ближе всего находилась крашенная белой масляной краской филенчатая дверь. На ней красовалась деревянная резная табличка: «Уголок суеверий». Сергей повернул ручку, тусклую, латунную. Дверь открылась бесшумно, щелкнул выключатель. Уголок оказался небольшой комнаткой, в которой во времена школы наверняка располагался не класс, а какое-нибудь подсобное помещение. Застекленные стены на стенах, несколько витрин. Все. Ценного тут, похоже, немного... Ну, надо же с чего-то начинать.

Видимо, при создании музея в довоенные времена суеверием считалось православие. По крайней мере, только с той поры могли сохраниться вон те небольшие иконки, деревянные, картонные. Даже бумажные... Было еще несколько медных, покрытых толстым слоем зеленой окиси. Раньше здесь почтительные прихожане, может быть, прятали от большевиков большие иконы из какой-нибудь разрушенной церквушки. Но сейчас остались только эти, представляющие чисто исторический интерес.

На другом стенде на темном выгоревшем бархате красовалась россыпь нательных крестиков, среди которых Сергей

увидел даже алюминиевый, точно такой же, с которым крестили его самого. Каждый экспонат был снабжен маленькой табличкой, пояснявшей, откуда он взялся. Под одним крестиком, тоже алюминиевым, только грубой работы, с неровными краями и чуть-чуть кривоватым, табличка гласила, что раньше он принадлежал лейтенанту (фамилия неразборчиво) и был сделан им самостоятельно из дюралья его же самолета, сбитого немцами... Дальше выгорело окончательно.

Висел в углу здоровенный булыжник с дыркой посередине, рядом прилагалась табличка: «Куриный бог».

В одной из витрин стояли стеклянные баночки с сушеной травой и любопытными табличками: «одолень-травя», «плакун-травя».

Во второй витрине находились еще более занимательные вещи. Темный комок с табличкой: «Сорокадневный ладан». Непонятная «Рябиновая свеча». «Осиновая зола» в баночке из-под майонеза... А это что?

В витрине у правого края лежала темная, судя по цвету медная, пластинка, величиной с книгу средних размеров и толщиной примерно такая же. «Артефакт неизвестного назначения» – вот что было написано на табличке. Оно и понятно: уяснить, для каких надобностей можно использовать эту фиговину, было практически невозможно. Сергей наклонился пониже.

В центре пластины находилось углубленное изображение ладони в натуральную величину, окруженное стертým рас-

тительным орнаментом. Такой же (а может, и несколько другой, растения все похожи) узор вился и по краю. Все пространство вокруг было испещрено буквами, по виду – старославянскими, мелкими и тоже основательно потертыми.

Сергей не был силен в славянских культах, несмотря на свое увлечение реконструкцией. Хватит с него и того, что он знает, как владеть мечом, и носит одежду, сделанную по старинным технологиям (на турнирах, конечно). Не хватало еще насиловать собственный мозг язычеством и прочей лабудой.

Но вот что это за хрень? Сергей о таком никогда не слышал. А что это означает? Что вещь эта очень редкая. А редкие вещи что? Правильно, студент Вышинский, очень дорого стоят. На церковную принадлежность не похожа, а значит, может оказаться, что сделали ее еще до крещения Руси, отсюда следует, что ей лет под тысячу. Понятно, деревенские «историки» определить это не смогли и добавили вещицу к своему хламу...

На табличке под названием мелкими буквами была напечатана история нахождения: «Обнаружен в 1940 году в ходе земляных работ в лесу у с. Загорки местным жителем колхозником С. С. Донцовым». Колхозником, ну конечно...

Мысленно Сергей уже аккуратно укладывал в дорогой кожаный дипломат пачечки новеньких оранжевых купюр, которые ему протягивал некий смутный коллекционер, искавший эту фиговину всю свою жизнь. Впрочем, если пока неиз-

вестному собирателю только сказать, где лежит артефакт, то вместо кучи бабок получишь только пламенное спасибо. Нет, нужно принести, положить на стол и только тогда... А значит, нужно...

В глубине души Сергей, конечно, понимал, что ни воспитание, ни характер не позволят ему действительно украсть артефакт и все ограничится сладкими мечтами. Сама мысль об этом была рождена обидой на Ингвара и особенно на девчонок, которые не обращали на него, славянского воина Вышату, никакого внимания (причем не только эти и уже давным-давно...). Но так приятно воображать себя крутым грабителем музеев, вроде мужского варианта Лары Крофт! И ведь так просто: открыл витрину, достал, спрятал за пазуху... Тут скептицизм взял верх: пластина была величиной с книгу и, возникло подозрение, весила столько, что из-за пазухи провалится прямо в... штаны (нижнего белья Средневековье также не знало). Это подсознательно мозг считает, что предметы одного размера одинаково и весят. В реале же плотность никто не отменял.

Как можно установить вес артефакта? Ответ: опытным путем. Та-ак...

Крышка витрины долго сопротивлялась, как будто... блин, да не как будто, она действительно надежно приколочена гвоздями! Но как-то же они стирают пыль и тому подобное! Сергей присел... Ага! В витрине было сделано выдвижное дно, вроде как в ювелирных магазинах. Попробовал вы-

тащить, но только чуть не сломал ноготь. Хитрые музейщики, предвидя возможность приезда излишне любопытных, вывинтили ручки, оставив от них только круглые дырки. Но дно явно не закрыто на замок и не заколочено: если понажимать его пальцем, оно явственно качается. Чем бы таким острым поддеть?.. Ничего под рукой... Вот болван! За спиной висит целый меч, а он: «Ничего острого, ничего острого!» Выругав себя за недогадливость, Сергей вытянул меч. Чувствуешь себя героем квеста: чтобы достать артефакт, нужно применить меч. Направил кончик клинка... Так, теперь поправим...

Блин!

Забыл, что меч не его, а всученный Конунгом для завтрашней показухи с рубкой капусты! А значит... блин... острый как бритва! Палец распорол в мгновение, хлынула кровь. Вышата Кровавая Рука, блин! Больно!

Другой бы уже плюнул на проклятую штукину и занялся самоврачеванием, но Сергея препятствия только злили и включали упорство, больше похожее на тупое упрямство. Обмотав раненый палец полрой рубахи (один черт стирать), он все-таки подцепил мечом ящик с экспонатами и со скрипом вытащил его из витрины. Закинул меч в ножны. Артефакт теперь можно было рассмотреть поближе... Черт! Да он весит килограммов восемь! Сергей машинально подхватил его второй рукой и этим разбередил рану. Не упустившая момент кровища хлынула по новой, заляпав весь треклятый

артефакт. Сергей мысленно плюнул, зажал палец в ладони, надеясь хоть так приостановить кровотечение, и поднял пластину.

Сверху прямо над углублением в виде ладони (левой) в растительный орнамент было вплетено слово «Туда». Остальная надпись была основательно потерта плюс выведена такими заковыристыми древними буквами, что можно было разобрать только отдельные слова: «руда», «сталь», «ночь» и, пожалуй, «судьба». Остальные буквы либо совершенно не распознавались, либо складывались во что-то неудобочитаемое: «Гдь», например. Или «рць».

– Ну и что это должно означать? – спросил Сергей в странство.

Никто не ответил.

Он поставил пластину на ребро и заглянул с обратной стороны. Там находилось то же самое, только ладонь впечатана была правая и сверху написано: «Обратно».

– Туда и обратно, или Приключения хоббита, – перефразировал с усмешкой Сергей.

Опустил пластину на ящик, она глухо бумкнула.

Блин, она же вся залита кровью! Сергей потерял ее ладонью, полой рубахи, но добился только того, что кровь, исчезнув с выпуклостей узора и букв, притаилась в углублениях. Ну и фиг с тобой. Все равно незаметно.

Кровь удалось убрать только из углубления, неожиданно тускло заблестевшего в свете лампочки.

Сергей усмехнулся: больше всего пластина походила на кодовый замок, сканирующий отпечаток ладони. Он представил, как какой-нибудь колдун (сказалось давнишнее увлечение фэнтези, занимайся он историей, и представил бы рыцаря, викинга или короля) подходит к двери в своем черном, страшном замке, прикладывает руку к бронзовой пластине на двери, и огромные ворота с шипением раздвигаются в стороны, пропуская хозяина.

Он вытащил меч из ножен, принял картинную позу и торжественно возложил левую руку на пластину, как раз в углубление.

В комнате негромко хлопнул воздух, устремляясь в пустоту. Так, как это происходит, когда внезапно, оставляя после себя только вакуум, исчезает какой-нибудь предмет.

Например, человек.

* * *

Вжи-и-их...

Сергей Вышинский лежал.

Ревнителю чистоты русского языка и учителя грамматики могут придаться к этим словам: мол, предложение не закончено, непременно нужно уточнить, на чем лежал Сергей. Согласимся. Эта фраза, действительно, неточна. Однако сообщить, где он лежал, мы тем не менее не можем. Потому что под ним (а также над ним и вообще вокруг него) нахо-

дилось ничто. А сказать, что он лежал на нигде, нам не позволят те же самые ревнители.

Почему же мы отметили, что фраза неточна? Дело в том, что мы сказали: «лежал». А Сергей не лежал, он «начал лежать». Конечно, в таком виде наше утверждение и вовсе доведет любого учителя до припадка: уж больно оно походит на «упала вилка на пол и начала валяться». Но, к нашему глубочайшему сожалению, и здесь мы сказать иначе не можем. Как же тогда изобразить словами состояние, когда человек, только что не лежавший, начинает лежать? «Он лег»? Неверно. Так можно сказать в том случае, если упомянутый нами человек перешел в лежачее состояние из какого-то другого. Ну, например, сначала он стоял или сидел, а потом лег. А наша ситуация несколько иная: Сергей появился в нашем «нигде» уже лежащим, а до этого его здесь не было вовсе. Значит, что? Значит, он именно начал лежать. Так что мы правы. Более того, несмотря на то, что Сергей лежал неподвижно, он при этом двигался. Куда? Скоро мы вам расскажем.

Говорят, когда человек умирает, перед его глазами проносятся вся его жизнь. Увы, с Сергеем такого не наблюдалось. Наверное, потому что он не умирал.

Правда, если бы жизнь действительно решила пронестись перед ним, то просмотр много времени бы не занял.

Уж так получилось, что жизнь Сергея была очень скучной. Большая доля вины за это лежала конечно же на нем самом. Согласитесь, трудно обнаружить что-либо интересное в жиз-

ни человека, не прилагавшего никогда никаких усилий.

Родился он в 1985 году, чем родители очень гордились, они называли его ровесником перестройки. До того самого времени, пока перестройка не сдохла вместе с Советским Союзом.

Когда он учился в школе, его звали Сережей (отец), Сереженькой (мама), Серым (друзья) и Вышинским (учителя, когда он не мог ответить урок, то есть практически постоянно). Несмотря на то что его родители были людьми воспитанными и где-то даже интеллигентными, сынок их учился очень плохо. Может быть, потому, что его школьные годы пришлись на заливчатские девяностые, когда быть умным казалось чем-то неприличным, самыми богатыми и уважаемыми людьми стали бандиты, бизнесмены (то есть те же бандиты, только старавшиеся выглядеть респектабельно), проститутки и модели (между которыми тоже особой разницы не наблюдалось). По этой причине вместо того, чтобы получать знания, Сергей предавался мечтаниям о том, как он вырастет и разбогатеет, после чего станет покупать все, что захочет, и ездить на шикарной иномарке, за которой длинным шлейфом будут бежать все те девчонки, что не обращали на него внимания, умоляя простить. Правда, в мечтах момент получения богатства почему-то подробно не просматривался, поэтому Сергей был уверен, что он как-то разбогатеет сразу после выпускного.

Примерно классе в восьмом к сказочным планам разбо-

гатеть (путем обнаружения клада или как-то так) добавилось острое желание завести подружку. Но подружки вели себя совершенно как старый «запорожец», то есть не заводились. Вероятно (как был уверен Сергей), потому что у него не было денег, одежды и самоуверенности, или (как думали девчонки) потому, что он был хорошим и симпатичным мальчиком, который почему-то не проявляет абсолютно никакой инициативы. Наконец одна из одноклассниц, может, и не самая красивая, зато достаточно активная, пригласила его поиграть в компьютер, вечерком, когда ее родители уехали на дачу. Так у Сергея появилась подружка. Подружка была слегка повернута на магии, каковая зараза перекинулась и на Сергея. Правда, развилось у них это в разных направлениях: если подружка после школы открыла магический салон и сейчас ездила на той самой машине, которую в мечтах видел Сергей, то сам он пристрастился к чтению фэнтези, поглощаемой им в невероятных количествах, и ездил на метро. Это привело к двум следствиям: мечты трансформировались из нахождения клада в обретение некоего магического прибамбаса, позволяющего исполнить все желания (или конкретные, в зависимости от того, чего Сергею на момент мечтания остро не хватало). Вторым следствием стало вступление его во «Вьюгу лезвий». Историческая реконструкция его разочаровала, так как ни в фехтовании, ни в стрельбе из лука, ни в других боевых умениях (кроме разве что метания ножей, на что у Сергея, видимо, был врожден-

ный талант) достичь мало-мальски заметных результатов не удалось. Может, из-за отсутствия старания или из-за желания достичь всего и сразу...

От армии его отмазали родители. Больше, правда, старалась мама, чем папа. Отец, в свое время отдавший долг Родине в мотострелках, ругался матом (интеллигенты тоже способны на это) и кричал, что не позволит. В конце концов, мама его уломала, и «несчастливого сыночка» пропихнули в экономическую академию, открытую неизвестно кем и закрывшуюся аккурат через год после того, как Сергей успел получить диплом. Даже с учетом либеральности тамошних преподавателей диплом был полон троек, как щука икрой, что объяснялось вольностью студенческой жизни, дешевизной алкоголя и травки и нежеланием напрягаться, если за экзамен можно и заплатить.

После академии пришлось искать работу, потому что родители (за время его учебы успевшие родить ему маленького братика) предоставили ему полное право решать свою судьбу самому. Работа нашлась в маленькой фирмочке, которая торговала всем: от белорусского сахара, крайне похожего на тростниковый (хотя, казалось бы, откуда там сахарный тростник?), до спичек. Работа менеджера по продажам, с одной стороны, не приносила большого дохода, с другой – позволяла бездельничать, шарить в Инете, играть в игрушки на компьютере и клеиться (безуспешно) к девчонкам-коллегам. Впрочем, первое было прямым следствием второго. Квартит-

ра была берлогой старого холостяка, мысль о женитьбе и тем более о детях приводила в ужас, постоянной подружки не было. Не было даже друзей. Нет, конечно, имелись хорошие знакомые обоего пола, но даже очень хорошие знакомые еще не друзья.

Стараться, чтобы изменить свою жизнь и приблизить ее к мечтам, Сергею не хотелось. Мысленно он называл себя человеком ненужным. Согласимся с ним, именно таким он и был. Не в том смысле, что он кому-то мешал или вредил.

Просто он никому не был нужен.

Кому нужен человек, не делающий ничего и всю жизнь плывущий по течению? И еще...

Что он будет делать, если попадет в водоворот?

* * *

Нас могут спросить о том, что же за таинственный предмет нашел Сергей и почему он заставил его исчезнуть, хотя, несомненно, до него артефакт крутил и рассматривал не один десяток человек.

Вопрос резонный. Но ответить мы на него не можем.

Мы ответим на другой вопрос, который пришел бы в голову не каждому: только ли Сергею предназначено было воспользоваться артефактом и исчезнуть или же такая участь постигла бы любого? Не избран ли он судьбой, пророчеством или же чем-то подобным? Мы выразимся иносказательно: по

старому, гнилому мосту могут пройти сто человек, а сто первый упадет в пропасть. Не потому, что он – избранный. А потому, что не повезло. Не надо ходить по гнилым мостам. Точно так же, как не надо трогать предметы, чье предназначение вам неизвестно.

Могут еще спросить, где находится таинственное «нигде», в котором оказался Сергей. Ответ на этот вопрос крайне прост: нигде.

Остается еще один вопрос, ответа на который вы не получите: кто такие «мы», рассказывающие эту историю?

* * *

Вжи-их.

Сергей очнулся.

В живот ему тут же отчаянно впилося что-то огромное и зверски острое.

Он открыл глаза. Прямо перед носом находилась залитая ярким светом светло-серая каменная стена. Замуровали, демоны, вяло подумал он и, кряхтя, как столетний дед, начал подниматься.

Никто его, конечно, не замуровывал. Сергей лежал на земле, лицом к нехилых размеров каменюке. В живот, как выяснилось, упирался маленький несчастный сучок. Ну и где это он?

Сергей сел, опершись спиной о камень. Вокруг камня на-

ходилась лес. Сосны, пригорки, мох, хвоя. И все.

Зашибись. Это как же я вчера нажрался. – Голова болела так, что хотелось ее ампутировать. – И ведь не собирался. Думал чинно, благородно сходить в музей... Блин, до музея все помню, в музее, помню, хотел какую-то штуку спереть. Потом – как отрезало. И где я? Как меня в лес занесло?

Как ни хотелось прилечь обратно, а надо все же идти искать своих. А то второпях уедут, и как добираться до Москвы? Ни денег в карманах, ни мобильника, ни кредитки. Ни даже самих карманов... Один меч. Кстати, почему он в руке? Может, убил кого-нибудь? Усмехнувшись, Сергей осмотрел меч. Холодок пробежал по спине. Кровь на лезвии... Неужели... Тыфу ты, вспомнил! Сам же вчера себе руку в музее разрезал, вон, до сих пор палец болит, ранка еле затянулась. Меч скользнул в ножны. Блин, нужно трогаться...

Охнув от боли, прострелившей голову от виска к виску, Сергей поднялся с земли. Для того чтобы присесть на камень. Для начала нужно сориентироваться. Так как вокруг лес, нужно определить направление, чтобы прийти к населенному пункту или хотя бы к дороге. А то забуришься в болото или такую лесную глухомань, где тебя найдут только археологи двадцать пятого века. И то случайно. Вот прикол будет: человек с мечом из двадцатого века. Сенсация! Сколько, интересно, версий придумают?

Из области ориентирования помнилось только то, что вбили в голову на уроках природоведения: мох на деревьях

всегда растет на южной стороне. Только как это может помочь в данной ситуации? Разве что идти все время на юг, юг, юг... И рано или поздно выйдешь к Черному морю. Шутки шутками, а что делать? Ладно бы какие-нибудь следы на хвое были видны, сообразил бы, откуда пришел (или откуда тащили). А то абсолютно ничего. Можно подумать, инопланетяне на летающей тарелке привезли и сбросили!

Черт, так ведь можно по лесу неделю плутать, пока к людям выберешься. Ладно... Будем рассуждать логически. Я, Сергей Вышинский, не в Сибири, где на пятьсот километров ни одной живой души. Я – в районе села Загорки. То бишь в относительно густонаселенной местности, здесь на каждые десять километров по две деревни и десять хуторов. Вполне возможно, до ближайшего села не так далеко, и если прислушаться, можно различить звуки. Собачий лай, к примеру.

Сергей старательно напряг слух. Сначала до него доносились только типичные звуки леса: шум ветра, щебет птиц, скрип деревьев. Потом начали выделяться шумы, похожие на деревенские: стуки, скрежет, гудки... Еще через несколько минут усиленного внимания что-то напомнило отдаленные голоса. Сергей понял, что еще немного – и он отчетливо расслышит голос мамы, зовущей его домой, поест супчику. На фиг, только звуки леса, а все остальное – слуховые галлюцинации и выдача желаемого за действительное. Еще варианты?

В итоге Сергей пришел к старому военному решению:

«Что тут думать, трясти надо». В смысле изобретать способы ориентирования можно и в движении, а перемещаясь, больше шансов наткнуться на деревню, дорогу или случайных грибников.

Проклиная алкоголь (или курнули какой-нибудь необычной травы?), Сергей поднялся с земли, с сожалением оторвавшись от удобного камня. С трудом затолкал назад рванувшийся на волю желудок. На всякий случай запомнил внешний вид валуна. Если, как говорят, начнет ходить кругами и выйдет обратно, так, по крайней мере, точно скажет, что здесь уже был.

По счастью, камень был необычный: больше всего он походил на огромное светло-серое яйцо, наполовину закопанное в землю под углом. Плюс какой-то былинный богатырь огромным мечом-кладенцом отсек у яйца верхушку, оставив ровную плоскую площадку.

Продолжив придумывать проклятья изобретателю спирта (Менделееву, если склероз не изменяет), Сергей брел по лесу по прямой. По крайней мере, он надеялся, что по прямой, а не кругами. Изменений в ландшафте не наблюдалось: сосны, пригорки, хвоя, мох. Грибы и ягоды не попадались. Следы человека тоже. И тут...

– Вот болван, – самокритично охарактеризовал себя Сергей, глядя на огромную березу, торчавшую на самой верхушке холма.

Действительно, почему сразу не сообразил? Влез на дере-

во – и все окрестности как на ладони. Тем более береза явно выше всех остальных деревьев. Вот только...

Интересно, задумался Сергей, а смогу ли я вскарабкаться на эту громадину? Ведь опыт древолазания у меня такой маленький, что в принципе можно признать его нулевым. В детстве лазил. Кажется. Вроде бы. То есть сейчас я даже не вспомню, как это делается.

Карабканье осложнялось тем, что береза примерно метров на пять от земли не имела ни одного сучка. Повезло, по крайней мере, что это не сосна, на тех сучья начинались на уровне метров десяти. Ну и как на нее взбираться? Вспомнить школьные уроки физкультуры и лазанье по канату? Извините, береза – не канат, она толще раз в ...дцать. Вот лестницу бы... «Ага, лифт», – съязвил внутренний голос. Сергей оглянулся. Нет, никто лестницу ему в подмогу не забыл. Зато...

Через минуту Сергей, надрываясь, волок на холм к березе валявшийся неподалеку сосновый ствол, достаточно тонкий, чтобы тащить одному, и достаточно толстый, чтобы послужить импровизированной лестницей. Где-то на середине пути он понял, что переоценил либо толщину ствола, либо расстояние. Силы кончились, и тащить пришлось на одном упрямстве.

Уф! Шваркнув проклятушую лесину, Сергей похлопал себя по бокам и вспомнил, что, во-первых, в средневековой одежде, в которую он облачен, карманов как не было, так и

нет, а, во-вторых, табак появился в Европе только после открытия Америки, то есть после окончания Средневековья. Следовательно... Сигарет нет!! Блин!

Сразу резко захотелось курить. Посидев немного на приращенном бревне, Сергей налил злостью до такой степени, что забыл про усталость и головную боль. С нечленораздельным рычанием он поднял макушку сосны до уровня нижних сучков березы. И рухнул на землю...

А-а! Долго лежать не пришлось: у муравьев было свое мнение о том, что нужно делать с теми, кто перегораживает их законные трассы. Сергей поднялся, пообещал кусачим букашкам найти и разворошить их муравейник. Вяло пожалел, что нет курева. Ладно, вот тебе мотивация: чем быстрее залезешь на дерево, тем быстрее найдешь деревню, где наверняка можно стрельнуть сигаретку.

Вздыхнув, Сергей начал карабкаться.

Вот и нижний сук. Добраться до него оказалось не так-то легко: сосна все же не лестница и так и норовила прокрутиться и сбросить оседлавшего ее человечка. Дальше пошло легче, береза таких склонностей не имела. Главное, не ухватиться за гнилой или сухой сук...

Через несколько минут игры в обезьяну Сергей поднялся по стволу выше уровня леса и мог оглядеться. Здорово! Правда, следов человека не видно, но все равно красиво: огромное зеленое море колышется под ногами. Сергей глянул вниз. Ух ты! Верно, метров двадцать: лесина, прислонен-

ная к стволу, кажется спичкой. Всегда ему нравилась высота. На первом курсе знакомые уговорили Сергея взлететь на воздушном шаре. Вот это был класс! Почти как сейчас.

Впрочем, хватит воспоминаний. Красота красотой, но отсюда ни черта не видно, нужно лезть выше. Сергей поднялся еще метров на пять, пока сучья не стали слишком тонкими, чтобы доверить им свою драгоценную персону. Ну что? Смотрим внимательно, не отвлекаясь на романтику. Что видим?

В общем-то лес.

Нет, конечно, вдалеке видны то ли поля, то ли луга, ну, какое-то пространство без деревьев. Но это далеко. А на каком расстоянии? Может, там все двадцать – тридцать километров. Это по трассе на машине не расстояние. А на своих двоих да по лесу... Не хочешь? Смотри внимательнее!

Ну-ка, ну-ка...

А точно! Вон там левее виднеется в зеленой каше этакая проплешинка. И кажется, несколько тоненьких дымков... Нет, точно. Над проплешинкой поднимались маленькими хвостиками клубы дыма. А дым – это что? Правильно, студент Вышинский, это огонь, то есть люди. К тому же если присмотреться внимательнее, то справа налево по направлению к тому самому месту в лесу наблюдается некая морщинка, складка... Слишком прямая, чтобы быть случайной тропинкой или даже рекой. Скорее всего, дорога. Значит, нам туда. Потому что до проплешинки далеко, пока будешь ид-

ти, того и гляди промахнешься, а другой такой удобной древесины можно и не найти. А вот миновать дорогу будет потруднее. Плюс до деревни несколько километров, а дорога проходит метров... ну, максимум в двухстах. Так, определим направление... Солнце светит в затылок. Значит, так и пойдём. И побыстрее: слева на небе наблюдается нехорошая тучка, синяя, почти черная.

Вниз, вниз, вниз... А-а...

Подлая сосна все-таки дождалась момента, когда он утратил бдительность, и резко крутанулась. Каким-то чудом (нет, не тем, что Штирлиц из анекдота) Сергей смог удержаться, повиснув на руках метрах в трех над землей. Поборов желание спрыгнуть (все-таки не асфальт, попадешь на гнилой сук или острую ветку, повредишь ногу и каюк) и противный холодок в животе, Сергей, цепляясь всеми конечностями за дерево, сполз вниз. Черт...

Нет, скорей, скорей к дороге, к людям, а затем в Москву, в Москву. Ну ее, к лешему, эту природу, дайте мне город, с пробками и загазованностью, зато с мобильниками, такси и круглосуточными магазинами, где продаются СИГАРЕТЫ! Так, солнце в затылок... Ага, наш путь – туда...

– Туда нам надо! – прохрипел Сергей, изобразив Тугарина из мультика, и тронулся.

Правда, через минуту пришлось стукнуть себя по лбу и бежать назад, за мечом, благополучно забытым под деревом. Закинув его за спину, Сергей ломанулся через лес, предвку-

шая встречу с людьми и табаком. Может, даже повезет и подберет попутка с курящим и нежадным водителем...

* * *

Нет, не повезло...

Желанная дорога оказалась какой-то лесной колеей, которая еле протискивалась между деревьев. Судя по глубоким колеям, ездили по ней часто, а судя по следам – в основном на лошадях. Блин, пейзаже... Не могли нормальную дорогу проложить и ездить на машинах!

Ладно, попутки тут явно не дождешься. Значит, придется пешкодралом... Вон туда. Уж телефон, по крайней мере, на здешнем хуторе должен быть. На месте ориентируюсь. Идем? Идем! Вот только... Что с мечом делать?

В Москве можно было бы пройти с мечом за спиной по улице. До первого милиционера, конечно, но зато всем прохожим было бы плевать. В Москве и не такие придурки живут. А вот здесь, в сельской местности... Как-то не хочется неадекватных реакций. Одежда еще ладно: кожаные калитки, холщовые штаны с рубахой, узкий кожаный ремешок... В принципе ничего такого уж необычного. В конце концов, может, я бомж? Или хиппи, или сектант.

Наконец Сергей решился, снял рубаху (оставшись только в нижней, белой) и аккуратно замотал в нее ножны с мечом, обвязал ремешком и сделал нечто вроде ручки, чтоб удобнее

было нести. Меч превратился в неопознаваемый сверток, которым трудно напугать прохожего. Но на всякий случай рукоять меча Сергей не замотал, а просто накрыл подолом рубахи... Мало ли что... От волков до маньяков. Как-то сразу вспоминается «Техасская резня бензопилой».

Малодушная мысль бросить меч в лесу, чтоб не тащить лишнюю тяжесть, была откинута именно по этой причине. А также потому, что «настоящие воины оружие не теряют». Именно так скажет Конунг, прежде чем прибить его за потерю.

Дальше Сергею повезло. Не прошло и десяти минут, как за спиной послышались тяжелые шаги, и из-за поворота выползла вальяжно заплетавшая ноги лошадка, везущая хвосту воз.

На самом деле везла она не воз и не хворост. Темно-рыжая (интересно, лошадь именно такого цвета называется гнедой или как-то по-другому?) кобыла тащила поскрипывающую телегу, на которой лежала охапка сена и восседал первый местный житель, встреченный Сергеем за сегодня. Радоваться как родному Сергей не стал, все-таки не успел соскучиться по обществу до такой степени. Да и мужичок как-то не вызывал желания брататься. Какой-то он был потертый и потасканный.

Впрочем, может, все дело в предвзятости Сергея, который ожидал увидеть машину с нормальным водителем, а не этого кобыльего шофера, от которого можно получить разве что

самокрутку с махоркой вместо нормальных сигарет. Так уж мужичок выглядел... Светло-русые волосы, спутанные колтунами, редкая бородака с сединой. Штаны, немногим лучше тех, что на Сергее, разве что крашенные в синий цвет. Когда-то. Сейчас штаны от пыли и грязи были прямо-таки сизые. Темно-серая рубаха, и такого цвета, скорее всего, не от производителя, а от той же пыли и грязи. Больше всего поражали ноги, свисавшие с телеги: босые и черные. Да... Деревня спивается...

Сергей махнул рукой, мужичок дернул вожжами, лениво прикрикнул: «Тпру, скотина», лошадь с готовностью остановилась. Рука извозчика что-то нашарила под сеном. Похоже, верой в доброту человечества он не отличался.

– Отец... – Ничего себе, выхлоп от папани – самогон с луком как минимум, да еще процеженный через портянки. – До Загорок далеко?

– До Загорок? – Дед задумался, как будто умножал в уме тридцать семь на сорок три. – Да верст с дсятков будя, – махнул он рукой вперед.

Вот черт! Как же меня так далеко отнесло-то? Прогулялся...

Была у Сергея привычка «прогуляться» после чрезмерно большого количества выпитого. И занести во время такой прогулки его могло черт знает куда... Нет, но десять километров!

– Бать, а ты, часом, не в Загорки едешь?

– Я? – Дед опять задумался. – Не, я не туды, я домой еду.
И замолчал.

– А где дом-то? – надоело ждать продолжения Сергею.

– А тама. – Дед опять вяло махнул вперед рукой.

И снова замолчал... Сергей пожалел, что не выбросил меч. Он как никогда оказался близок к смертоубийству.

– Там – это где? – терпеливо переспросил он.

– В Козьей Горе.

Это чего, название деревни?! Хорошо, подумал Сергей, что я там не живу. Представляю, спрашивают меня, вы: мол, откуда, а я – из Козьей Горы. Козий горец, так сказать. Финиш!

– А далеко до нее? До Горы вашей?

– Версты две.

Ага, и три аршина.

– Подвези хоть до деревни, дальше я до Загорок своим ходом доберусь.

– Сидай, – не стал ломаться дед.

Сергей, хрустя сеном, запрыгнул в телегу.

– Выпили мы вчера с друзьями многовато, – сразу предупредил он возможные расспросы: кто ты, мил-человек, да откуда, да чего это в таком виде странном по лесам шастаешь? – Они уехали, а меня забыли. Вот и добираюсь.

– А цего ж, бывае, – не стал ни спорить, ни развивать тему дедок. Видимо, он сам страдал после вчерашнего, продолженного сегодняшним...

Повозка тронулась. Сергей сидел, болтая ногами. Настроение улучшилось, по крайней мере, он сориентировался в пространстве. Сейчас доедем до Козьей Горы (ну и название!), а там либо какого-нибудь тракториста запрежем, либо позвоним ребятам, пусть подскочат, либо (если уж совсем глушь и ни тракторов, ни телефонов) часика за три доберусь до Загорок пешочком. Отъезжаем все равно только поздно вечером, а сейчас... Сергей глянул на солнце. Судя по нему, где-то часов одиннадцать утра. Ну, максимум час дня... Успеет.

Лошадка мирно трюхала, телега поскрипывала. Дед, похоже, задремал. Кстати, не такой уж и дед, на вид ему лет пятьдесят, не больше. Просто борода, потертая и даже немного пожеванная одежда и общая неухоженность старили его лет на двадцать...

С чего же я так набрался? Сергей перешел к самоанализу, пытаясь изгнать из головы проснувшуюся боль. Вроде уже не студент, чтобы отмечать первую пятницу на этой неделе. Вернее, понедельник. Сегодня же понедельник? Ну да, четырнадцатое число, понедельник... Вроде никаких дней рождения, свадеб, похорон и прочих торжеств не планировалось. Разве что сегодняшнее отбытие по домам с турнира... Ой, мама...

Сергея пронзил острый холод. А сегодня ли сегодня!? В смысле, может, уже завтра! Может быть, сегодня не понедельник, четырнадцатое июня, а вторник, пятнадцатое? Ведь

в памяти нечего из вчерашнего дня не осталось! Что, если события развивались так: вернулся он в лагерь из музея (музей – последнее воспоминание), а там уже гудят в честь окончания турнира (кто-то празднует победу, кто-то заливает горечь поражения), он, естественно, присоединяется. Где-то ближе к утру, основательно нагрузившись, господин Вышата по своей милой привычке отправляется прогуляться по лесу, забредает в глушь и засыпает у какого-то валуна, где благополучно и проводит весь понедельник, пропускает отправку и остается один, без денег, документов и мобильного! Или это все – напрасные тревоги? И сейчас он приедет в Загорки, сядет в автобус и вернется к цивилизации. Где не ездят на конях, не пьют самогон и повсюду люди. Или все-таки вторник?

– Отец... – Сергей понял, что еще немного – и его начнет колотить. – А какой сегодня день?

– Воскресенье, – дал точную справку мужик, похоже, даже не открывая глаз.

Так. То есть как это воскресенье? Воскресенье вчера было! А сегодня понедельник! Или вторник.

– Точно воскресенье? – задал не самый умный вопрос Сергей.

– Куды уж точнее, – хмыкнул дед. – Воскресенье, Иванов день. У племяша моего именины.

По-видимому, дед так основательно принял на именинах, что проспал день. И сегодня понедельник. Или два. Тогда

вторник... Один источник информации, и тот заблудился во времени хуже самого Сергея! Оп-па... Авария...

Жуткая катастрофа, по местным меркам: на обочине дороги стояла накренившаяся еще одна телега, почти с такой же лениво отмахивающейся хвостом от мух лошадь. Вокруг суетились два мужичка, один примерно возраста нашего возницы, второй – чуть помоложе. Издалека они казались одного возраста из-за того, что у обоих были бороды. По одежде пострадавшие не очень отличались от деда. И тоже босые.

Неужели сектанты? – с беспокойством подумал Сергей, нащупывая рукоять меча. Хоть чем-то отмахаться... Конечно, может, это обычные деревенские жители... Вот только чего они тогда одеты одинаково в домотканину и при бородах? Куда меня занесло?

– Тпру, – тормознул у аварии дед. Спрыгнул и пошел к одному из бородачей.

Сразу завязался разговор, в котором второй участия не принимал. Сергей тоже слез размять ноги. Ну и там помочь, если что... Второй оживился и подошел к нему. Сергей на всякий случай от меча далеко отходить не стал.

– Здорово, – сразу взял быка за рога мужчина с всклокоченной бородой. – Закурить ням?

– Не-а, – вздохнул с сожалением Сергей, – сам с утра страдаю.

– Куды это ты с Кузьмичом?

Точно, вылитый Кузьмич из «Особенностей националь-

ной охоты». Пьяный и ничего внятного ответить не может.

– В Загорки. Чего там у вас случилось?

– Да... Цеку потяряли.

– Понятно, – глубокомысленно покачал головой Сергей (что еще за цека?), – бывает.

– Ага, – потерял интерес к разговору второй и собрался уходить.

Подошел путаник Кузьмич, порылся в сене, достал какую-то железяку и двинулся обратно. Кстати...

– Погоди, – успел остановить повернувшегося спиной второго Сергей. Сейчас мы тебя, алкаш старый, разоблачим... – Слушай, а какой сегодня день?

Второй удивленно выкатил глаза:

– Воскресенье. Иванов день...

Приехали...

– Точно? – побил рекорды тугоумия Сергей.

– Конечно. Вон, у Кузьмичова плямянника именины сегодня. Кузьмич, с утра уехав, сяйчас возвяртается...

Вот это да! Как это воскресенье? Не может этого быть! С другой стороны, не могли же эти двое сговориться пошутить над случайным прохожим. Но и целую неделю проваляться в лесу Сергей никак не мог! Что, черт побери, происходит?

– Эй... – робко подозвал Сергей второго.

– Ну цего? – Того уже явно раздражал надоедливый незнакомец.

– Я тут с друзьями того... Перепили. Немного.

– С энтим к батюшке, ён усе грехи отпустит.

– Да я спросить хотел... А какое сегодня число?

– Так я же говорю, Иванов день!

Собеседник запнулся, что-то подсчитал на пальцах:

– Сядьмое! Хорошо вы пярэбрали! – развернулся и ушел.

– Да уж... – пробормотал раздавленный новостью Сергей.

Седьмое?! Это не неделя, это больше трех недель! Как это... Невозможно... Сергей со злостью стукнул кулаком по борту телеги и взвыл от боли. Еще и палец разрезанный! Палец... Ха! А вот я вас и поймал, шутники доморощенные! Палец-то вот он! Разрезал я его вчера мечом в музее. И рана до сих пор свежая, уж никак не трехнедельная! Так что не надо ля-ля! Седьмое!..

Кузьмич запрыгнул в телегу, шлепнул кобылу вожжами, телега двинулась дальше. Мимо проплыли кряхтевший под увечной телегой мужичок, понурая кобылка, кусты... Ага! Сергей смотрел внимательно, после разговора с ним второй не подходил к Кузьмичу. Он вообще поперся куда-то в лес, что-то посмотреть или отлить. Значит, сговориться по поводу даты шутники не могли. Правда, пока неясно, как объяснить воскресенье...

– Кузьмич, – окликнул Сергей опять опустившего нос на грудь возницу.

– Ась? – очнулся тот.

– Какое сегодня число?

– Я же говорил, Иванов день...

– Число какое? – закрипел зубами Сергей.

– Так сядьмое. Я же говорю, Иванов день...

Дался им этот Иван! Так, нужно обдумать новую информацию. Черт, голова разламывается... Собраться! Два человека, независимо друг от друга сказали, что сегодня седьмое число. И какой отсюда следует вывод? Или они решили устроить какой-то глобальный розыгрыш, или... Или сейчас действительно седьмое число. А значит, для него прошел день (вернее, ночь), а для всех – три недели. Дурдом какой-то... Это невозможно! Хотя...

Если отбросить версию розыгрыша, то что у нас остается? Один из тех случаев, о которых частенько рассказывал товарищ, с которым в свое время жили в комнате в общежитии. Товарищ был основательно повернут на всякой чертовщине и аномальщине, о чем любил потрепаться. В общей массе историй о барабашках, инопланетянах, ведьмах, бесах и прочем были и такие истории. Якобы есть (и даже в России) такие особые места: заходит туда человек, попадает в какой-то туман (или даже просто гуляет по лесу), выходит обратно через полчаса и с изумлением узнает, что товарищи его уже трое суток разыскивают с собаками. А для него прошло полчаса. И по часам так. Как-то эти аномальные зоны называются, но не суть. Что, если в здешнем лесу такая же зона? И он, пока шатался пьяный, ненароком в нее забрел? И заснул? Неужели правда?

Прикольнo, конечно, будет что рассказать... Погодите...

Зря он вспомнил про аномальщину... Ой, зря...

Сергея потихоньку охватывал страх, сильный, леденящий.

А три ли недели прошло? Какой сейчас месяц? Июль ли?

– Отец... – Как там его? – Кузьмич!

– А? – вскинулся тот.

– А какой месяц сейчас?!

– Ня пей больше, сынок... – вздохнул тот. – Июнь сячас.

Вспомнил?

– В... Вс... Вспомнил...

ИЮНЬ? Седьмое июня? Сколько же времени прошло?

Год? Или больше?

Нет, спрашивать, какой год я не буду, решил Сергей, иначе Кузьмич окончательно примет меня за психа. Может, все-таки розыгрыш?

Версия насчет розыгрыша, устроенного неизвестным шутником, была очень уж шаткой: какова вероятность того, что, очнувшись, он пойдет именно в сторону дороги, что начнет спрашивать насчет даты (мог ведь и просто продремать всю дорогу)... Разве что у здешних деревенских такая традиция: пугать похмельных прохожих, называя им неправильные даты. Как можно определить месяц, никого не спрашивая? По приметам? По каким?

Тут, как будто ответив на его немой вопрос, проплыла мимо телеги, прямо у носа, такая примета. Калиновый куст. На ветке, повисшей над дорогой, еле завязавшиеся бутоны. А

ведь в начале июля она уже должна цвести полным ходом. Сергей это помнил точно: у него во дворе дома рос огромный старый куст. Значит, все-таки июнь? Или в этом году калина цветет позже? Нет, в деревне, мимо которой они проезжали на турнир, точно помнится, калина цвела всюю. Может, этот куст просто нетипичный, поздноцветущий? Слабо верится... Но лучше уж верить в поздноцветущую калину и деревенских шутников, чем в то, что он провалился в будущий год. Если не на пару лет... Сейчас приедешь в Загорки, а там – 2012 год. Или 2015... И президентом опять Путин. Или вообще у власти фашисты.

Ладно, хлопнул себя по коленям Сергей, примем как рабочую версию, что сейчас действительно седьмое июня: слишком много говорит за это. А вот как теперь определить год?

В нос шибануло ядреным, прямо-таки ядовитым дымом: Кузьмич свернул себе самокрутку и теперь дымил, как пароход. Постой-ка... Глядя, как медленно пропадают у тлеющего кончика буквы газетного обрывка, из которого возница соорудил свою кошмарную сигару, Сергей понял, как можно определить год. Газеты!

– Отец, – вот привязалось! – а у тебя свежей газетки не найдется?

– А тебе для чего? – пыхнул тот. – Поцитать? Али для каких других нужд?

Шутник, блин... А правда, как объяснить?

– Да так, посмотреть, буквы знакомые вспомнить.

– А-а... – понимающе протянул Кузьмич, порылся в сене.

Из появившейся на свет холщовой сумки извлек газету.

– Дяржи, – вручил прессу Кузьмич, – свежая, только вчя-ра из городу в Загорки привязли. Плямышу возил, ён грамотный, да как-то... это... запамятовал отдать...

Сергею было не до склероза Кузьмича. Руки немного подрагивали. Первым делом он увидел заголовок: «Песковский набат», в голове еще успела промелькнуть мысль, что заголовок остался с советских времен. В следующую секунду Сергей увидел дату...

Шестое июня.

Тысяча девятьсот двадцать пятого года!

Сергей задрал голову. Это что же получается? Не будущее, а прошлое? Большевики? Сталин? Репрессии? Господи, сделай так, чтобы это был розыгрыш!

Часть первая

Деревня

Розыгрыши бывают разные. Банальные и свежие, глупые и умные, простенькие и хитрые, многоходовые. Ничего не требующие, кроме чувства юмора, как знаменитое: «У вас вся спина белая». И сложные, затратные, вроде тех, что показывают в своей программе Валдис Пельш и его грудастая спутница. На телевидении вообще любят передачи с подставками ничего не подозревающих людей. Что, если в светлую голову какого-нибудь телеумника пришла именно такая идея: взять человека и сделать так, чтобы он подумал, что попал в прошлое?

От телевизионщиков всего можно ожидать.

Однако по зрелом размышлении такая заманчивая версия (ну как же: не в прошлом, в родном времени, да еще и по телику покажут) проигрывала. Во-первых, как упоминалось ранее, слишком много случайностей – он, Сергей, мог пойти в любом направлении и выйти из поля зрения замаскированных телекамер. Не повесили же они по камере на каждое дерево? Во-вторых, он мог и не спросить ни у кого сегодняшнее число. Упал бы на сено и дрых до самых Загорок. Неинтересная бы получилась передача. В-третьих, что-то шутка затянулась. Уже второй час ничего не происходит. Зачем так

затягивать, если потом все равно вырезать при монтаже? Да и мелкие признаки настораживают...

Например, калина. Откуда таинственные телевизионщики могут знать, что он обратит на нее внимание? А если калина не подставная, почему она не цветет? Плюс самолеты. Они проводили турнир недалеко от Пескова, над которым скрещиваются воздушные трассы из Москвы в Европу и из Питера на юг. Все дни, пока проходил турнир, не было момента, чтобы над головой не пролетала серебряная искорка авиалайнера или не таяли бы два-три инверсионных следа. Сейчас – ничего.

Но и верить в то, что ты оказался в далеком прошлом, тоже не хотелось. **ОЧЕНЬ** не хотелось...

Двадцать пятый год... Кто из нормальных людей помнит, что происходило в этом году? У власти в стране большевики. Советский Союз. Революция была недавно... Дедушка Ленин, который хороший вождь... кажется, уже умер... Значит, на смену ему пришел Сталин, который устроит раскулачивание, репрессии и расстрелы. Тридцать седьмой год, точно. Еще впереди война с немцами... Ну, до нее еще шестнадцать лет. Что еще? Блин, надо было историю учить! Ну кто ж знал, что вся эта ерунда про большевиков когда-нибудь не просто пригодится – станет жизненно необходимой. Ага, еще вспомнил! Этот... который на площади стоял... Дзержинский! Кажется, основатель ЧК – что-то вроде тогдашнего («Для тебя – нынешнего», – капнул на рану внутренний

голос) ФСБ. Еще из уроков смутно вспоминается товарищ с забавной фамилией Бухарин, но кто он такой и чем славен, скрывается в тумане забвения...

Телега заскрипела и наклонилась вперед – дорога спускалась в глубокий овраг. Густой кустарник, росший до сих пор в некотором отдалении, сейчас незаметно подкрался вплотную и норовил задеть ветками лицо. Сергей насторожился. Кузьмич, до сих пор вроде бы спокойно дремавший, как-то заерзал. Правая рука потянула из-под сена коричневую рукоятку топора.

– Шалят тут... – зашептал Кузьмич. – Говорят, уркаганы какие-то. Грабят проезжих. На днях...

Что там произошло на днях, Сергей не узнал.

– Стой! – раздался из кустов противный голос с ленцой.

От такого голоса сразу похолодело в животе. Уж больно он походил на голоса гопников, отбирающих мобильники...

Из зарослей выскочило непонятное существо и ухватило лошадь под уздцы. Существо было мелким, замурзанным, в каком-то тряпье и настолько лохматым, как будто последние несколько недель подрабатывало трубочистом. Пол существа не определялся.

– Стой, караси! Руки вверх! – опять раздался ленивый голос. Затрещали ветки, выползли еще два... хм, человека.

Подростки. Оба лишь чуть-чуть почище того, что вцепился, как клещ, в уздечку кобылы. По крайней мере, можно понять, что это мальчишки. Первый, повыше, щеголял на-

детым на голое тощее тело добротным темно-серым пиджаком, слегка испачканным на рукаве смолой. Второй отличался отчаянной рыжиной, просвечивающей сквозь слой грязи, а еще болотно-зеленой вязаной кофтой, явно женской.

Кузьмич обреченно выпустил топор (чего вообще хватался?) и мешком сполз с телеги. Сергей полез следом. В животе бродил противный холодок страха. Малолетки, как известно, могут быть очень жестокими и, как грабители, гораздо страшнее взрослых. Те просто ограбят, а пацанам может захотеться самоутвердиться...

– Чего хорошего имеем при себе? Денюшки, табачок? – хрипло поинтересовался Рыжий.

Кузьмич и Сергей молчали, находясь в ступоре жертв.

Почему очень часто человек, которого грабят вот такие волчата, не сопротивляется? Страх? Но от страха люди иногда творят такие вещи: наткнувшись в лесу на медведя, в секунду влезают на дерево, вытаскивают из пожара неподъемные сундуки и рояли, выпрыгивают из окопа в атаку на немцев... Почему же жертва ограбления не кричит от страха, не пытается убежать, наконец, вступить в драку? Просто стоит, пока шустрые малолетки выворачивают ее карманы. Почему? Все дело в ступоре, вызванном отсутствием опыта нахождения в таких обстоятельствах. Разум человека, ранее не попадавшего в экстремальные условия (то есть практически девяносто процентов населения), просто не может в первые секунды сообразить, как вести себя. Ситуация-то незнако-

ма, опыт ничего не подсказывает. А для грабителей ситуация как раз прекрасно знакома, опыт выработан десятками подобных случаев, что делать – известно. Стоит жертва – грабь, пытается рыпаться – припугни, достает пистолет – беги. Поэтому жертва и нападающий изначально в неравных условиях.

Рыжий уже приближался к телеге, высокий стоял на холмике в позе Наполеона, Чумазый болтался на уздечке – лошади не нравился запах, и она мотала мордой. Еще минуту – и напавшие, очистив телегу от более-менее ценного и вывернув карманы Кузьмича и Сергея (хотя у Сергея их и не было), скрылись бы в лесной чаще. Но, видимо, Сергей показался им потенциально опасным. И грабители совершили первую ошибку.

Они достали оружие.

Из кармана Рыжего появилась черная полукилограммовая гирилка на засаленном шнуре, высокий вынул из-за пояса здоровенный, тускло блестящий тесак (штык от австрийской винтовки, но Сергей этого не знал).

Этим они перевели ситуацию в совершенно понятную и стопроцентно знакомую Сергею! Противник с кинжалом, противник с кистенем. Да бой с ними не раз проводился в клубе! Сразу стало ясно, что делать. Сергей резко крутанулся, отбросил подол рубахи со свертка, меч со свистом покинул ножны и, блеснув на солнце, уставился острием на грабителей. Вот тут зависли нападающие. Ситуация стала незнако-

мой им, опыт не подсказывал ничего. Проявился порок рефлексов: при резкой трансформации ситуации любой человек обычно продолжает выполнять ранее начатую программу, не пытаясь приспособиться к изменениям. Поэтому гопники повели себя так, как привыкли поступать при сопротивлении жертвы: бросились на Сергея. Это была последняя ошибка.

– Арцы! – крикнул Длинный.

Рыжий привычно, но неграмотно махнул самодельным кистенем снизу вверх. Свистнул меч, Рыжий едва успел отпрянуть, перерубленный ремень щелкнул его по плечу, гирька взмыла вверх по крутой параболе и с треском упала за спиной Сергея. Полуоборот, меч лязгнул, парируя удар ножом в живот, и с размаха ударил в шею Длинного. В тренировочном бою или на турнире Длинный заработал бы серьезный синяк, если бы не успел увернуться. Он не успел. Отточенный до остроты меч рассек шею до середины и остановился на позвоночнике. Кровь плеснула широким веером. Длинный захрипел и, хватаясь за рану, рухнул в траву. Рыжий наконец осознал, что ситуация вышла из-под контроля, и замер в том самом ступоре, в какой привык вгонять жертв. Не помогло. Сергей, выплескивая адреналин, выполнил упражнение до конца. Прыгнул вперед, Рыжий шарахнулся, искривив лицо, и рухнул на спину. Сергей вонзил клинок в грудь...

– А-а!

Сзади подлетал Чумазый, отчаянно визжа и выставив вперед острия зажатых в обеих руках шил. Прыгнул на Сергея... И удивленно захрипел, наткнувшись на выставленное вперед лезвие клинка. Упал на колени, сжался в комок и затрясся. Потом затих. Из-под него потекла черная кровь.

Тяжело дыша, Сергей остановил свое смертоносное движение и оглянулся. На холмике лежал на спине Длинный с разрубленной шеей. Мертвый. Рядом распластался Рыжий. Мертвый. У ног скорчился Чумазик. Мертвый.

Сознание начало медленно абстрагироваться от реальности...

– Парень...

Подойди Кузьмич немного раньше, когда Сергей был еще в запале схватки, одним покойником стало бы больше.

– Парень, а ты кто?

– Кузьмич... давай я тебе потом объясню...

Ноги наполнились ватой, Сергей стал опускаться на землю...

– Эй, погоди-погоди, – подхватил его Кузьмич, – сначала давай-ка этих поглыбже затащим. Потом мужицков с дярвени кликну, похороним по-человечески, чтоб звярь не обьело...

...Сергей отпустил воротник пиджака Длинного, и голова того с глухим стуком упала на землю. Рядом Кузьмич уронил Рыжего. Чумазик уже лежал здесь. Все три неудачливых налетчика были стащены в яму за кустами. Черта с два кто

найдет. А потом еще и закопают...

Я убил. Трех человек. Подростков. Судя по написанному в книгах, меня должно тошнить и трясти от ужаса содеянного. А вместо этого я чувствую вялое любопытство. Мол, будут ли меня судить или все обойдется? Судя по спокойствию Кузьмича, ничего не всплывет. Черт его знает, двадцать пятый год... Как тут к человеческой жизни относились? И все-таки почему я такой спокойный? Может, все дело в том, что люди нашего времени слишком привыкли к крови и убийствам благодаря ужастикам, боевикам и компьютерным играм? Моральная очерствелость, что ли...

– Не... – неправильно понял его размышления над телами Кузьмич. – Что с них взять-то? Шпана. Нищего путного с собой нет, нябось пропивали все... Разве что нож... Так я его уже подобрал...

– Ага, – протянул Сергей и наклонился, привлеченный странным предметом.

Из одежды Длинного торчал уголок светлой кожи, Сергею показалось, книга. Но нет, здоровенный кошелек из новенькой желто-песочной кожи. Щелкнул кнопочкой. Ого!

Внутри были деньги. Много денег. «Удивительно! – съязвил внутренний голос. – В кошельке – и деньги! Кто бы мог подумать!»

Похоже, совсем недавно ребята сорвали солидный куш. Или Длинный, явно вожак, не доверял сотоварищам и всю казну таскал с собой.

Толстая пачка странных бумажек: судя по гербу – совдеповских, вот только герб не очень похож на советский (земного шара нет, и колосья редковаты) и вместо рублей на купюрах ясно напечатано: один червонец, пять червонцев... Странно... Больше всего купюры походили на деньги из магазина приколов – штука бабок... Разберемся потом. В карманчике звенела мелочь: серебряная и медная. А в потайном отсеке... Да, повезло... Там, аккуратно обернутые в полупрозрачную бумагу, лежали золотые монеты. Семь штук. Можно жить. Вот только как?

* * *

Поставьте себя на место Сергея. Вы провалились в прошлое. Знаний о нем у вас так мало, что практически, можно сказать, их нет. Вам нужно общаться с людьми. Кем вы представитесь? Задумались? То-то.

Героям книг легко: либо их засылают в прошлое с надежным комплектом документов и легендой, либо им почему-то верят на слово, когда они представляются графами и прочими дворянами. Самые везучие оказываются в теле жителя того времени, что снимает все проблемы с натурализацией. А что делать тому, у кого надежных (да хоть бы и липовых) документов нет, легенды нет... Врать? На слово-то, может, и поверят... А потом? Легенду ведь придется подтверждать. А кем можно назваться, если ни на одного из местных жи-

телей ты элементарно не похож и знаний о здешней жизни не имеешь?

Кто я? Крестьянин? Достаточно на руки посмотреть и понятно, что трудился ты только на компьютере, от которого мозоли не появляются. Рабочий? То же самое. Военный? Где воевал и с кем? А из всех полководцев Гражданской в голове, как назло, только Колчак. А нет, вспоминаются Котовский и Чапаев. Спасибо кинематографу. Вот только трудно назваться военным, если не знаешь, с какой стороны садиться на коня, как правильно перезаряжать винтовку (и какие винтовки тут вообще есть) и тем более где воевали товарищи Котовский с Чапаевым. Да, и Буденный. О, не так уж и мало я помню. Но все равно, военным не прикинешься. Чиновник? Чиновник чего? Ни одного названия местных ведомств я не знаю, гусиными перьями писать не умею. Попы, дворяне не рассматриваются: тогда («Сейчас», – въедливо уточнил внутренний голос) у власти были большевики, а они ни тех ни других не любили. Представлять, как ты попал в прошлое и поимел кучу приключений, – легко. А вот попади сам... И придумывать надо быстрее. Деревня уже близко...

Сергей трясся в телеге, ведомой рыжей (вернее, все-таки гнедой, как выяснилось по кличке Гнедко) кобылой (то есть меринком – все же некоторые элементарные вещи были неизвестны нашему герою). Кузьмич сидел на прежнем месте, неудобно повернувшись боком. Как сначала показалось Сергею – чтобы следить за кустами. Когда же в ответ на

резкое движение Сергея Кузьмич дернулся, как ужаленный, и ухватился за топор, стало ясно, что он просто боится повернуться к непонятному попутчику спиной. Срочно нужно придумывать легенду, пока в деревне осмелевший Кузьмич вместе с соседями не скрутил и не сдал властям. Или не закопал в лесу...

Хорошо, обратимся за опытом к коллегам-попаданцам. В истории таковые неизвестны, значит, вспомним все книги с таким или похожим сюжетом. Должна же быть польза от всей той прочитанной макулатуры с мечами и магией!

Сразу отбросим те книги, где герой попадает в другое тело. К сожалению (или к счастью), мое тело при мне. Не надо мучительно привыкать, что тебя отныне зовут каким-нибудь Жирятой или Зуркарнароном. Можно также вычеркнуть те произведения, где героя отправляют в прошлое из института времени или чего-то подобного, а также те, где в прошлом оказываются во исполнение некоего пророчества и за попаданца сразу берутся учителя и помощники. Что у нас в сухом остатке? Немного. Герои всего остального всплывшего в памяти массива книг появляются в другом мире в неких экстремальных ситуациях. Либо идет война и всем все равно, откуда взялся непонятный тип – бери винтовку (или меч) и в бой. Либо несчастный сразу попадет в тюрьму, как бродяга, откуда умудряется сбежать, как бы легализовавшись. Не надо такого счастья: не повезет, и будешь сидеть десять лет. Либо (последний вариант) находится кто-то добрый, как

правило, старик, который помогает бедолаге найти свое место в мире. Так, уже хорошо. Старик есть. Остается только объяснить ему, почему я ничего не знаю об окружающей действительности, и уговорить стать моим сенсеєм... Погодите-ка.

А зачем притворяться кем-то, кого легко могут разоблачить «сослуживцы»? Надо найти роль человека, который и не может знать ничего из происходящего вокруг. Подумаем. Самый простой вариант – амнезия. Мм... Не подходит. Не похож я на потерявшего память – ни следов травм, ничего. Да и память придется «возвращать», иначе запрут в дурку. А какие здесь психушки, бог его знает. Может, хуже тюрьги. Еще вариант – иностранец. Опять мимо. Большевики всех иностранцев считали шпионами. И опять-таки наткнешься на земляка, а ведь из всех иностранных языков знаю один английский, и тот на уровне «Ландон из зэ кэпитэл оф Гр-эйт Бритн». Так, что еще? Кто не может знать ничего из происходящего вокруг? Ну кроме пришельца из будущего? Ха, пришелец с другой планеты! Нет, тоже не вариант. Инопланетяне еще не в моде, и, значит, снова дурка. Тогда кто? Тот, кто просидел всю жизнь взаперти? Зэк? А где тюрьма находилась, какие порядки в здешних тюрьгах? Мимо. Отшельник? Всю жизнь в келье... Опять, где келья, какие знаешь молитвы? Мимо. Плюс еще нужна личина, вроде бы всем известная, чтобы не возникало вопроса: «А это кто?» Иначе представишься престиджитатором и замучаешься объ-

яснять, чем ты занимался. Плюс (желательно) образ должен вызывать жалость, но не презрение. Русские люди (крестьяне в особенности) хорошо относятся к несчастным и убогим и с удовольствием помогут. Так, что мы имеем с гуся в остатке?

Человек, всю жизнь прошедший взаперти не по своей воле (чтобы жалче было), понятия не имеющий, где находилось место заточения... Кто это? Зэк с амнезией. Уже было. Не подходит. Так, думаем... Человек провел всю жизнь взаперти... Значит, с самого детства... Значит, не по своей воле... Похищенный ребенок! Так-так-так... уже что-то вырисовывается... Похищенный кем? Цыгане? Не пойдет, они все время кочуют, что я, до двадцати пяти лет с ними тусовался? Тогда кем? Кто еще крадет детей? Извращенцы? НЕТ! Жертвой извращенцев я даже представлять себя не хочу! Ну кто, кто еще? И не просто похитили, воспитали в своем духе, с мечом научили обращаться... Кто же это такие? Стоп-стоп-стоп... Ух ты, придумал! Секта!

Идеально! Все секты никто не знает, тем более они скрываются. Значит, можно придумать какую-то новую, совсем уже тайную, никто и не заподозрит неладное. Держат своих членов в секретном месте, значит, где оно находилось, сказать не могу. Так, держали взаперти – ничего из происходящего не знаю. Так, учили обращаться с мечом, молитвам не учили... Ну вот такая странная секта. Так, украли в детстве... нет, продали родители (так жалостнее)... никуда не выпускали, поили наркотиками... Жалость хлещет через

край, все плачут! Идеально!

Так Сергей из менеджера по продажам и члена «Вьюги лезвий» превратился в жертву неизвестных сектантов.

* * *

Дорога за время, пока Сергей рассказывал свою историю ошалевшему Кузьмичу, раздвоилась, и теперь колеса телеги мешали грязь в узком коридоре из кустов, смыкавшихся над головой. Сергей, сначала мучительно подбиравший слова, в конце концов разошелся (уж в чем в чем, а в умении плести всякую чушь люди XXI века равных себе в истории не знают), да так, что приходилось иногда притормаживать самого себя.

Секта, в которую его продали родители, бедные крестьяне (Сергей четко помнил, что рано или поздно придется столкнуться с большевиками и крестьянская родословная будет лучше, чем графская в иных фантоманах), называлась Белое братство и возглавлялась великой и ужасной Марией Дэви Христос (Сергей подумал, что лучше не придумывать свое, а взять уже известное). Купленных детей держали в непонятном здании в глухом лесу (здание и окружающая природа были взяты из воспоминаний о детском лагере), учили сражаться на мечях и называли Последней армией Бога (название всплыло из глубоко забытого фэнтезийного романа). Где находилась сектантская база, Сергей сказать не

мог, так как их никогда не выпускали и периодически поили зельем, от которого шумело в голове и хотелось смеяться (симптомы наркотического опьянения известны в наше время любому студенту по личному опыту). Несколько дней назад их собрали, сказали, что время Последней битвы наступило, после чего угостили ударной дозой вышеупомянутого пойла. Очнувшись в темном фургоне, Сергей явственно осознал, что участвовать в битве с нехорошим названием он не хочет, выкатился из телеги, заполз в кусты и потерял сознание. Что произошло после прихода в себя, Кузьмич уже видел, рассказывать это было лишним. Тем более что дорога наконец-то выползла из сырых зарослей, обогнула огромный куст, который, похоже, всем было лень вырубить, чтобы спрямить путь, и вот она деревня Козья Гора во всей своей красе.

Гора действительно была козья. Сразу за кустом дорога так резко рванула вверх, что стала похожей на стену. Как на нее лошади взбираются? На этом косогоре и начиналась деревня. Мерин шустро поднялся по откосу. На верхушке холма дорога круто переломилась и не менее отвесно рухнула вниз. Только для того, чтобы опять лихо взмыть к небу. Вот на этих буераках и жили люди.

Деревушка была не из больших, на пять изб. Одна под горой, остальные разбросаны по обе стороны улочки на косогорах. Впрочем, особой косины там, где стояли избы, не наблюдалось. Дома были выстроены на один манер: три окна

обращены к улице, вокруг выстроен забор, за которым виднеются постройки. Очевидно, свинарник, коровник... Что там еще? Курятник? Тут и там – квадраты огородов, обнесенных хлипкими заборами из двух параллельных жердин. Между всем этим – пустыри с привязанной скотиной, кусты, деревья... Стены некрашеные, различные оттенки черного и темно-серого, сразу видно, что дома не один год стоят под солнцем и дождем. Крыши крыты, судя по всему, бурой прошлогодней соломой. Разве что вон та изба, стоящая на дальнем краю у леса, заполучила серую крышу из оцинкованного железа... Да... Нищета...

Сначала Козья Гора показалась Сергею, привыкшему к многолюдству и толчее, вымершей. Даже собаки не лаяли...

Стоило только подумать – и тут же из первого дома выкатился меховой шарик и голосисто залаял.

– Ну, Тимка, ня балуй! – прикрикнул Кузьмич добродушно.

Тимка, отработав положенную программу оповещения хозяев, резиновым мячиком запрыгал вокруг.

Телега свернула вправо и остановилась у дощатой калитки небольшой избушки, казалось вросшей в землю.

– Хозяйку поищу, – сполз с телеги Кузьмич, – поесть собьрет...

Сергей, по дороге выпросивший табачку (курить хотелось, аж уши пухли), неловко свернул самокрутку и чиркнул спичкой... Мама! Яд... кха... ядреный табачок... Клубы ды-

ма повалили изо рта, как у Змея Горыныча. Но лучше уж эта отравка, чем совсем без курева. Самокрутка дотлела наполовину, но хозяин с хозяйкой как сквозь землю провалились. И Тимка убежал.

– А обещали покормить...

– Дядя, а ты кто? – слышалось сзади.

Сергей обернулся. Неподалеку от него стоял малец лет семи, одетый в замызганную рубашку и черные штаны.

– Прохожий. Шел мимо, дай, думаю, зайду к Кузьмичу в гости.

– Бреешь, – резонно заметил пацан, – ты с Кузьмичом приехал.

– А ты живешь здесь? – сменил тему разговора Сергей. Можно предположить, что рассказ о том, кто он такой и откуда взялся, и так сегодня придется повторить не один раз. Незачем впустую натирать язык.

– Ага, – широко кивнул мальчонка. – Вона мамка моя.

По улице действительно прошла женщина. На вид лет сорока, в темной юбке, кофте, с цветастым, хотя и блеклым платком на плечах. Она усиленно делала вид, что незнакомцы в бродяжьей одежде по деревне ходят прямо-таки отрядами и ей ну совершенно неинтересны. Казалось, она даже спиной ухитряется рассматривать Сергея.

– А любопытно, где пропал Кузьмич?

– Сяргей, – выглянул из-за калитки Кузьмич, – проходи, цего сядишь?

Сергей мимоходом потрепал по макушке мальчишку и пошел к входу. Навстречу ему выскочила и устремилась куда-то по улице невысокая старушка. Надо полагать, жена Кузьмича. Тоже усиленно делавшая вид, что Сергей ей надоед так же, как вон тот столб.

Вот, блин, обреченно подумал Сергей, она же побежала народ собирать. Ладно, если просто рассказать придется, кто я такой... И то страшно: мало ли какие нестыковки могут всплыть. А еще хуже, если здесь просто не любят чужаков и интервью берут с помощью паяльника... ну или с учетом специфики – раскаленной кочерги. Может, бечь, пока не поздно?

– Идем, идем, – поторопил Кузьмич.

Сергей покорно шел следом, рассуждая о том, что будут пытаться или нет, неизвестно, а вот если он сейчас сдернет, то, догнав, его затопчут просто из спортивного интереса.

Прошли калитку, вот двор с бегающими курами, низкие сараюшки с карликовыми входами: чтобы туда войти, нужно не то что наклониться, а просто пролезать, как в окно. Все это проплыло перед глазами Сергея, как в тумане. В животе нехорошо холодело...

Скрипнули серые доски крыльца, взвизгнула дверь (да что здесь, про смазку не слышали?). Прихожая (или как там она называется в избе?) была завалена разными очень нужными вещами, там имелись: бочка деревянная, длинные палки, видимо, черенки для вил, лопат, грабель, в общем, кре-

стьянский инвентарь, еще покосившийся буфет. На противоположной стене вырезано маленькое окошко величиной с портсигар и прибито множество полок, заставленных посудой: горшками, тарелками...

– Сюда, сюда...

Слева открылась дверь, низкая, но широченная, практически квадратная. Терзаемый нехорошими предчувствиями, Сергей с провожатым, наклонившись, вошли в жилище...

Почему, интересно, так места мало? Вроде бы строй не хочу...

Избушка, действительно, не удовлетворила бы даже измученного хрущевкой горожанина. Метраж где-то квадратов двадцать вместе с кухней. Еще четверть пространства съедала огромная печь, разинувшая пасть справа. Потолок сразу за дверью был крайне низкий, прямо тер макушку не такому уж и высокому Сергею. К счастью, немного погодя поднимался до приемлемого уровня. Хотя рукой до него можно было достать без проблем. Антресоль? Как здесь вообще живут?

Было довольно чисто.

– Проходи, присаживайся... – В голосе Кузьмича ничего настораживающего, но Сергею сейчас везде мерещилась засада. А куда тут присесть можно?

Наискось от печи под полочкой с иконами стоял массивный стол из гладких некрашенных досок. От двери до угла и оттуда вдоль окон протянулась врезанная в стену широчен-

ная лавка из толстых досок.

Сергей присел на лавку на углу стола, прямо рядом с открытым окном, низким – подоконник на уровне колена – и маленьким, где-то в четверть нормального пластикового окна. Кузьмич тут же исчез за дверью, чем только усугубил нехорошие подозрения. Но не убежать же в самом-то деле? Сергей стал осматриваться.

Печь со своей полукруглой пастью походила на неизвестное прожорливое чудовище, по бокам у нее были проделаны небольшие квадратные ниши, похожие на глаза. Рядом стояли огромная кочерга на деревянной палке (как она не обгорает, интересно?), несколько рогулёк, которыми, как знал Сергей, достают горшки из печи. Вот только как эти фиговины называются, он не знал. Еще возле печи на полках, на скамейках и просто на полу стояли разнокалиберные горшки и чугуны. Низкий потолок над дверью действительно оказался чем-то вроде антресоли: настил, с которого свисают то ли тряпки, то ли шубы... Интересно, блохи здесь не живут?

Пол был чистый, даже вроде бы струганный. В запечном углу виднелся люк – очевидно, подвал. Еще за печью стояла бочка... А может, и не бочка, те с выпуклыми боками, а непонятная емкость напоминала усеченный конус и служила, похоже, рукомошкой: над ней свисал на веревках с потолка глиняный пузатый чайник. На стене висели многоярусные полки из некрашеных (краски вокруг вообще не было ни капли) досок, на которых размещалась посуда: тарелки,

миски, кружки...

– Привет, – раздалось из окна. В нем, как кукушка в старых ходиках, торчал встреченный раньше мальчишка, сын любопытной мамы. Уродился он, судя по всему, в нее.

– Привет, – не стал перекладывать на невиноватого парнишку свои черные мысли Сергей. – Как дела?

– Хорошо. А ты кто? – Мальчишка прямо-таки извивался от нетерпения.

В окно Сергей увидел, что за спиной любопытного из открытой калитки выглядывают еще несколько круглых рожц. Мальчонка, уже имевший опыт общения с загадочным незнакомцем, выступал разведчиком.

– А ты кто?

– Я? Мишка.

– А я Сергей.

– А...

Мальчонка исчез. За окном прошли ноги в сапогах. И еще пара. И еще...

* * *

Кузьмич с молчаливой супругой сначала жаловались: мол, в доме шаром покати, на стол нечего поставить. Однако поискали в своей кладовой, часть притащили соседи, и само собой организовалось неплохое пиршество. Посередине стола дымился чугунок тушенной с мясом картошки, одурительно

пахли ломти свежеиспеченного хлеба на огромном блюде, а вокруг стояли тарелки с салом, солеными огурцами, квашеной капустой, мочеными яблоками... В миске рядом с Сергеем лежали соленые грибы, неизвестные по виду: рыжие, круглые, пахнувшие укропом и немного елкой. Наконец, посредине стола утвердилась здоровенная, литров на пять, бутыл мутного самогона, заткнутая оструганной деревяшкой.

В небольшой и тесной, казалось бы, избенке собралось, без преувеличения, население всей деревни. Кроме детей, чьи мордочки торчали в окнах. Притом что в деревне насчитывалось ровно пять домов, народу собралось человек пятнадцать: шесть мужиков, считая дедушку Афиногена, и то ли восемь, то ли десять женщин, постоянно перемещавшихся туда-сюда и по этой причине не поддающихся точному подсчету.

– Что, Ленька, – шумел слегка захмелевший дедушка Афиноген – местный аксакал, которого привели за руки почитительные дочери, две бабенки с усталыми лицами, – как же ты оборол паразитов?

Сперва, когда в избу Кузьмича повалил народ, Сергей с некоторым испугом решил, что весь сыр-бор начался из-за него. Мол, чтобы познакомиться с новым человеком. Однако потом выяснилось, что затеял это все Кузьмич, празднуя свое чудесное избавление от гибели, в качестве которой выступали три беспризорника, по рассказам не такие уж и безобидные детишки. Так, недавно они зарезали мужика из За-

горовок вместе с женой, а на днях – непонятного Сергею «заготовителя»... А вот роль чудесного избавителя пришлось играть Сергею. Рассказ о своей нелегкой сектантской судьбине он повторил аж три раза: один раз на бис для запоздавших и еще разок – для проспавшего первые два дедушки Афиногена. Меч рассмотрели все, уважительно цокая языками. Еще внимания удостоились калиги (оказавшиеся для двадцать пятого года слишком уж средневековыми). Большинство мужиков пришло в сапогах, явно надетых в честь общего собрания, да дедушка Афиноген в валенках. В лаптях не было никого.

– Богатый стол по ныняшним временам, – повернулся к Сергею Анисим Никитич.

Крепкий мужик в черном пиджаке был хозяином того самого дома под железной крышей, стоящего у леса, и одним из двух, кого все звали по отчеству. Кузьмич был дальним родственником всем и каждому, да, кроме того, отличным печником, а Анисим Никитич оказался пасечником, держащим почти сотню ульев и заколачивавшим неплохие деньги. Его жена, тоже молчунья, быстро скооперировалась с Кузьмичевой, и сейчас они общались у печи шепотом и чуть ли не жестами.

Сидел Анисим Никитич вместе с Кузьмичем в самом углу, под иконами. Сергею казалось, что место довольно неудобное, однако из слов он уяснил, что это «красный угол» – самое почетное место. Сам он поместился по левую руку от

Кузьмича, вроде как спаситель... Около пасечника опять задремал дедушка Афиноген, клонясь на Прохора, своего сына, нестарого мужика, обладателя роскошной бороды, блестящей и аккуратной. За ним поместились еще двое: совершенно седой Матвей, лет сорока, с не менее седой бородой, фасоном немного похожей на ту, что носил Дамблдор, – длинный узкий клин, и Андрюха – парень лет тридцати с красным шрамом через лицо. Тихо расспросив Кузьмича, Сергей узнал, что шрам тот получил в боях. Вот только в каких именно, он уточнять не стал.

С другой стороны стола расположились женщины, периодически отбегавшие, а то и выбегавшие из избы по своим делам. Из-за этого мельтешения Сергей не только имен не запомнил, но и не очень ориентировался, кто из них кем кому приходится. Присутствовали две старушки, к которым уважительно относились все, так что Сергей так и не разобрался, чья они родня. Может быть, и всех, как Кузьмич. Две усталые женщины, дочери дедушки Афиногена, были сестрами Прохора. Куда делась жена последнего, опять-таки никто не уточнял. То ли две, то ли три сестры, одна из которых была женой Матвея, крутились, как юркие змейки, вокруг стола, иногда присаживаясь и тут же вскакивая. Все три (или две), темноволосые, стройные, действительно напоминали змеек. Особенно Сергею приглянулась одна, самая юная и гибкая... Одна молодая девушка была женой Андрюхи. Ее взгляд откровенно настораживал, какой-то он был по-

тухший и безжизненный. Впрочем, сам Андрюха тоже живо-
стью не отличался. Хотя что можно было ожидать от обита-
телей мест, где всего пять лет назад прокатилась война?

Единственное, что не нравилось Сергею, – это женская
одежда. Если мужчины были одеты примерно так, как и мож-
но было ожидать от деревенских, – сапоги, пиджаки, подпо-
ясанные рубахи разных цветов, кепки немного странные, с
околышем, то вид женщин прямо-таки вызывал сочувствие.
Особенно на взгляд москвича XXI века.

Длинные темные юбки, глухие кофты, шерстяные (это ле-
том-то!), у всех на головах платки. Из всего тела видны толь-
ко лицо и руки. Даже молодые женщины были одеты так же,
хотя Сергею казалось, что деревенские девушки должны но-
сить платья. Такие легкие (ситцевые, во!) с цветочками, до
колена... Фиг. Глухо до самого пола.

Самогон – штука небезобидная, поэтому через некоторое
время в голове, и без того больной, зашумело. Игривые мыс-
ли толкались в мозгу. Захотелось представить здешних мо-
лодков в современной одежде. Для эксперимента Сергей мыс-
ленно раздел одну, жену Андрюхи, и последовательно одел
в бикини, мини-юбку, деловой костюм... В итоге пришел к
выводу, что лучше всего она смотрелась бы в обтягивающих
джинсах и коротеньком топике. Можно даже полупрозрач-
ном.

Занятый модельерными идеями, он не сразу заметил
окончание празднования: народ постепенно вылезал из-за

стола, попрощался с хозяевами. Интересно, а куда ему теперь деваться? Навряд ли его пустят на постой и будут кормить бесплатно. Сейчас подойдет Кузьмич, скажет: «Ну, что, гостенек, пора и честь знать. Дуй куды хошь». И что? Куда пойдешь? Пешком до Загорок? А там его тоже не ждут, подпрыгивая от нетерпения...

– Сяргей, – присел рядом на лавку Анисим Никитич, – ты куда собяраешься податься?

– Ага, – включился задремавший было Кузьмич, – где родня-то твоя жила хоть помнишь?

– Не помню, – с горечью протянул Сергей, – ничего не помню. Один остался.

– Ня грусти, – обнял его за плечи Кузьмич, – ня пропадешь. Такой парень, как ты, да штоб пропал? Как ты их, мазуриков – вжик, вжик...

...Ага, уноси готовенького. Тут вспомнились убиенные, и все съеденное и выпитое чуть не оказалось на полу.

– Кузьмич, – глухо, как через вату, послышался голос Никитича, – ты цего? Парень молодой, в боях не бывал, можа, энто у няго и вовсе первые...

«Первые покойники», – договорил неделикатный внутренний голос, и Сергея все же стошнило на пол. Вернее, на землю, потому что Кузьмич с Николаичем... тьфу, Никитичем... успели вывести его на улицу. Стало полегче. Правда, вернулась заглушенная было самогонкой головная боль.

– Ты, Сяргей, не унывай, – усадил его на лавку под стеной

Кузьмич, – цем смогу – помогу. Хошь – до Загорок довязу, хошь – до Пяскова, если ты свою родню вспомнишь. А хошь – у нас в Козьей Горе оставайся...

...Сергей Вышинский – козий горец. Пошутил тогда над названием...

– ...девку тебе найдем, парень ты здоровый, завядете хозяйство. Да вон хоть...

– Погодь, Ляонтий, – тормознул его Никитич, – человек еще в себя не пришел, а ты его уже оженить хочешь. Не видишь, больной он...

Голоса куда-то уплыли, затем вернулись.

– ...у мяня. Слышишь, Сяргей, – потряс за плечо Кузьмич, – говорю, у меня перяноцуешь сягодня. А потом...

Голос опять уплыл.

– Что... потом... – И язык тоже отказывается служить... Нет... Это не самогон... Наверное, и вправду заболел... Ночь отлежать в лесу на сырой земле – это тебе не хухры-мухры...

– Сяргей, Сяргей. – Теперь за плечо тряс Николаич... Никитич... – Ты у нас в дяревне остаться не думаешь?

– Можно. – Язык вернулся в подчинение. – Только кому я тут нужен?

Кому ты вообще ЗДЕСЬ нужен?

А ТАМ ты кому нужен-то был?

– Пахать я не умею. Ничего не умею...

– За это не пярживай, – хлопнул по плечу Никитич, – я

же говорил, надумаешь – научу.

– Чему?

– Как цему? Ты што, не слышал? Я же говорил, помощник мне нужен. Я-то староват уже становлюсь. А батрака нанять по ныняшним временам...

Батрак – это вроде бы наемный сельхозрабочий...

Никитич замолчал.

– Да, – покивал Кузьмич, – по ныняшним временам это...

– В батраки, значит, зовете?

Славная карьера – от менеджера по продажам в деревенские чернорабочие. Репу выращивать до старости.

– Да не в батраки, беспонятливый!

А чего тут не понять. По факту – батрак, а по документам – нет. Зарплату в конвертиках платить будешь, Никитич?

– Не в батраки, в помощники. Што наработаем – по-цестному. Я думал, сын помогать будет, а он...

Понятное дело. В город, за лучшей жизнью.

– Уехал?

– Ага, уехал, – неожиданно зло стукнул кулаком по колену Никитич, – в Могилевскую губернию.

Почему в Могилевскую?

– Казаки Булак-Балаховича его порубали. Еще в девятнадцатом.

– Так ты меня в сыновья взять хочешь?

– Счас! Сын у меня один... Был. Походишь в плямянниках. Двоюродных.

– Арте...

БАМ!

– ...факт! Блин! Блин-блин-блин!

Как голова болит! Мало того что болела весь день, так теперь резко подскочивший Сергей с размаху въехал в низкий потолок.

– Что? – ухнул с печи проснувшийся Кузьмич.

К вечеру полил дождь, похолодало, гостеприимный хозяин закричал, пожаловался на боль в суставах и устроился спать на теплой лежанке.

– Сергей, што случилось?

– Ничего. Сон плохой приснился.

– А-а... – протянул Кузьмич и заворочался, засыпая.

Сергей заснуть не смог. Он лежал на выделенном ему спальном месте – тех самых антресолях над дверью, называемых полатами, укрытый толстой овчинной шубой – тулупом (такое чувство, как будто не в России, столько слов новых и непонятных). Прямо над головой нависал потолок. От тулупа густо пахло кожей и шерстью. Но спать мешало другое. Артефакт!

Сергей наконец-то вспомнил, что предшествовало его пробуждению в лесу. Он был в музее, затем попытка спереть медную пластину, меч, разрезавший руку, кровь, залившая

узоры... Затем он кладет руку в углубление. И все. Дальше он приходит в себя в лесу. Значит, виной всему именно тот медный артефакт. Получается, он забросил Сергея в прошлое (если это все же не розыгрыш). Видимо, артефакт, обнаруженный в музее, где лежали колдовские прибабасы, действительно оказался магическим. Ни о чем подобном, в смысле о предметах, магически перебрасывающих в прошлое, Сергей не слышал, но это не значит, что таких предметов не существует. Многолетнее увлечение фэнтези не то чтобы заставило верить в существование магии, но сделало ее чем-то вполне возможным.

Сергей лег поудобнее и начал размышлять. Ситуация, в которой он оказался, имела по крайней мере четыре объяснения. А значит, его дальнейшие действия могут иметь четыре направления.

Первое, самое простое: он спит и ему снится сон. Выпил, покурил, вот и мерещится ему, что он в прошлом. А на самом деле лежит, тихонько похрапывая, у костра, и, чтобы вернуться в настоящее, достаточно проснуться. Однако при тщательном анализе предположение пришлось отбросить – Сергей посчитал, что если человек во сне поймет, что он спит, то проснуться для него – плевое дело. Однако вот что-то не получалось.

Второе, неприятное: он не спит, он просто сошел с ума. Версия, похожая на «сонную», но объясняющая, почему он не может проснуться. Психи из собственного бреда так лег-

ко не выныривают. Значит, все окружающее – его собственная галлюцинация, а он сам – в дурдоме, в палате с мягкими стенами. К счастью, против подобного (Сергей, как и любой нормальный человек, панически боялся сойти с ума) было три обстоятельства. Во-первых, как помнилось, сумасшедший никогда не считает себя сумасшедшим. А раз он считает себя сумасшедшим, значит, он не сумасшедший. Правда, с другой стороны, может быть, он как раз сумасшедший, который считает себя нормальным на том основании, что он думает, что он сумасшедший... Хватит! А то и правда заплетешь себе извилины в морской узел. Вторая причина не быть психом: реальность окружающего. Мозг человека не может сочинить подробную картину мира. А все вокруг слишком реально: от пахучего тулупа до лягушачьего концерта, доносящегося с пруда. Наконец в-третьих, человек обычно сходит с ума на том, чем увлекается. Вот если бы он попал в фэнтезийно-магический мир, тогда версия сумасшествия была бы основной. Но большевиками Сергей никогда не увлекался и не видит причин, с чего бы его перемкнуло именно на двадцать пятом году. Значит (фу-ух!), он не псих.

Третье, чуть менее неприятное: все-таки розыгрыш. Может быть, какой-то безумный миллионер именно таким образом развлекается: построил деревеньку (правда, видок у нее довольно старый, но, может быть, он давно забавляется) и периодически заманивает в нее несчастных прохожих, чтобы следить за их потугами выбраться из прошлого. Так, по-

думаем... Его вырубил сразу после прикосновения к артефакту. Как это можно объяснить в рамках версии с розыгрышем? Ну, скажем, Денис работает на того самого миллионера и заманивает жертв в музей. В артефакте спрятана тоненькая игла со снотворным – дотронулся и отключился. Невозможность предугадать, куда он пойдет? Скажем, ловко упрятанный жучок-маячок. Следили за ним на экране пеленгатора и, как только он вышел на дорогу, выпустили Кузьмича. Уж больно вовремя тот появился. Агент Кузьмич запудрил мозги жертве и притащил ее сюда, в Козью Гору, деревню, населенную сплошными актерами и наверняка напичканную видеокамерами. Как в этом фильме с Джимом Керри, как там его... А, «Шоу Трумана»! Реальная версия? Ну... Если честно, то очень сильно притянута за уши. В ее рамках невозможно объяснить смерть беспризорников (если допустить, что они тоже актеры). Вернее, не столько смерть, сколько реакцию Кузьмича. А именно ее отсутствие.

Ну и наконец, четвертое: он действительно в прошлом, в двадцать пятом году, и с этим нужно как-то жить. А вот как?

Сергей ничего не знал о крестьянской жизни, кроме того, что была она очень тяжелой и беспросветной. В принципе этого достаточно. Прожить остаток жизни батраком хитрого Никитича? С утра до вечера пахать землю? Не-эт, не о такой судьбе он мечтал всю жизнь. А с другой стороны, что делать?

Сравнивая свою судьбу с книжными историями про провалившихся во времени, Сергей пришел к выводу, что ему

крайне не повезло. В какое-то зверски неинтересное время его перенесло. Обычно попаданцы либо оказывались в прошлом где-то незадолго до Роковой даты, то есть двадцать второго июня сорок первого года, и успевали прорваться к Сталину. После чего русские выигрывали войну с меньшими потерями, герои становились ближайшими советниками и чуть ли не лучшими друзьями всех известных исторических личностей. Либо попадали в совсем уже дикие времена, где моментально варили порох из подручных средств, строили заводы, фабрики, мануфактуры, ковали в деревенской кузнице радио и запускали спутники в космос. И опять-таки становились либо вождями, королями, адмиралами, либо людьми, глубоко уважаемыми всем окрестным народом за мудрость, храбрость, изобретательность и прочее. Это герои книг. А он?

До войны еще добрых шестнадцать лет. Правда, Сталин уже пришел к власти, но все равно слишком уж большой промежуток. Просто не поверит. Все равно что где-нибудь в восемьдесят четвертом году подойти к молодому разведчику Володе Путину и сказать, что через шестнадцать лет он станет президентом России. Пристрелит, как провокатора. Это Путин. А уж у Сталина тем более не заржавеет...

Учить по примеру многочисленных книжных последователей местных жителей уму-разуму? А чему, собственно, он, Сергей Вышинский, менеджер-недотепа и реконструктор-неудачник может их научить? Как землю пахать? Ха-ха.

Как мечом махать? Два ха-ха. Сразу вспоминается эпизод из Индианы Джонса. Ну, тот, где перед Индианой машет саблей одетый в черное выпендренник, после чего следует выстрел, мечемашец падает мертвым, а Индиана прячет пистолет и идет по своим делам. Ну, что еще ты знаешь полезного? Как впарить покупателю партию сахара? Как играть в «Дум»? Как ползать по Интернету? Ха-ха, ха-ха, ха-ха... Ни черта ты, любезный друг, полезного для здешних жителей не знаешь. Даже из истории не вспомнишь ничего путного, потому что и в школе, и в академии историю ненавидел (как и все остальные предметы). Даже неизвестно, что здесь уже изобретено, а что еще нет. Вот телевизор. Изобретен? А впрочем, даже если и нет, что можно рассказать о его устройстве? То, что у него есть экран и кнопки?

Сергей подумал, потормошил свою большую голову, но не смог вспомнить устройство ни одного более-менее значимого предмета. Кроме степлера. И то только потому, что один раз от скуки разобрал его на части. Наверяд ли местных крестьян заинтересует степлер. Или хоть кого-нибудь.

Как бы отвечая на мысли, на печи крякнул и заворочался Кузьмич. Неграмотный, кстати. Нет, не заинтересует...

Даже напряги Сергей извилины и вспомни что-нибудь техническое, и что? Кому ты будешь предлагать устройство автомата Калашникова? Кузьмичу? Никитичу? Или будешь ходить по улицам и орать: «А вот чертежи автомата! Недорого! Кому-у?!»

Никакой от тебя пользы, Сергей Аркадьевич. Будешь ты пахать и пахать, причем в буквальном смысле этого слова. А не так, как ты привык «пахать» в офисе с кондиционером и компьютером...

С такими трагическими мыслями Сергей заснул.

Попытался заснуть.

Как только приходил сон, вместе с ним появлялись беспризорники. Стоял на пригорке Длинный с наполовину перерубленной шеей. Кривлялся Рыжий в залитой кровью кофте. Чумазик с отчаянным визгом опять мчался на него, выставив блестящие шилья. И добежал. В тот момент, когда острия вонзались ему в живот, Сергей выныривал из огромного тулупа, орал и врезался головой в потолок. На третьей побудке Кузьмич начал материться уже во весь голос.

* * *

– Ну, как там мой новый плямянничек? – Никитич выглядел до отвращения бодро. По крайней мере, для Кузьмича, чувствовавшего все свои пятьдесят лет. И даже еще пару десятков лишних.

– Шальной какой-то. – Кузьмич сидел на крыльце. – Всю ночь орал и головой о потолок стучался. Спать не давал.

– Ну орал... Положи трех, да яще первый раз – не так заорешь. А сейцас где? Спит?

Солнце уже встало, так что для деревенских продолжать

спать – признак крайнего лентяя.

– Да не. Всю ночь не спал и поднялся ни свет ни заря. Вон, в туалете страдает.

– Так ён же сяктант. Нябось не то что самогона, вообще спиртного не пил.

– Не скажи. Сяктант не сяктант, а самогон вчера глотал, как воду. Да и вообще...

– Што? – насторожился Никитич. Получить зависимого работника, да еще почти бесплатного (за еду и ночлег) – чертовская удача, и не хотелось бы омрачать ее.

Может быть, думал он и не совсем такими же словами (как-никак крестьянин двадцатых годов), но все дело в том, что точно передать человеческие мысли сложно (а часто и невозможно), так какая разница – перескажем мы их с соблюдением крестьянской лексики или так, чтобы понятнее было...

– Да посмотрел, как ён ест.

– Ну?

– Да никак.

– Не ест, што ли? Я же видел, ел он вцера.

– Ест он странно. Как будто солому жуе. Никакого выражения на лице.

Никитич подумал:

– Да и бог с ним. Привяредничать не буде.

– Тосций он какой-то. – Кузьмич прислонился головой к столбу крыльца. Не то, ох не то уже здоровье... Сначала

именины, потом встреча с странным парнем, беспризорники, опять самогон... Ох...

– Ницего. – Никитич уже решил, что работник ему достался хороший. А что сектант... Да хоть иллюзионист! Деваться ему все равно некуда – ни родни, ни знакомых. – Тощий, да жилистый. Лишь бы работал. Сейчас работы много... Потихоньку обучится, а потом... Потом и к торговле подключится...

– Ну да, ну да... – страдальчески поморщился Кузмич.

Из распахнувшейся двери туалета показался сектант Сергей. Бледный, почти зеленый, пошатывающийся.

«Одежку ему сменить надо, – хозяйским глазом прикинул Никитич, – а то выглядит как... Как сектант. И подстричь. Со своими патлами и бороденкой больше на попа похож, чем на нормального человека».

Сергей подбрел поближе и рухнул на завалинку (этого слова он еще не знал и считал, что сидит на фундаменте).

– Доброе утро, – прохрипел Сергей и забился в выворачивающем внутренности кашле.

«И подлечить. На тиф вроде бы не похоже. Простыл, может...»

* * *

Все-таки в своих расчетах ушлый Никитич малость промахнулся. Не успев добрести до его дома (да и то с поддерж-

кой), Сергей свалился с непонятной болезнью. Его колотило, как неисправный миксер, тошнило не то что от еды – от любого запаха. Про понос и говорить нечего.

Вот и сейчас, вернувшись из туалета, он дополз до лавки и трясся, накрытый огромным тулупом.

Никитич и его жена собрали консилиум на кухне.

– Можя, тиф? Или холера? – Пасечник уже начинал сомневаться в полезности своего неожиданного приобретения.

Пока что толку мало, а возни много.

– Нет, – в третий раз отрезала жена. – Не похоже.

– Можя, сглазил кто? Можя, к Алене отвязти? – Никитич не столько спрашивал жену, сколько размышлял вслух.

– Нет, – опять прошелестела та. – Не похоже.

– Тогда што это с ним? Третий день несе, как с худого вядра – со всех концов.

– Зелье, – промолвила жена.

– Зелье? Какое? Зелье...

А ведь верно! Молодец жена. Сергей же говорил, что их поили какой-то дрянью. А перед тем, как повезти на какую-то сектантскую битву, еще и накачали сонной отравой. Вот она из него и выходит. Видать, сильная штука.

– Так и што делать?

– Што и делаю. Поить. Пока не очистится от отравы.

Сергей период болезни вообще не запомнил. Он даже не смог бы сказать, сколько дней прошло. Они все слились в краткие промежутки нездорового сна между приступами

тошноты и посещениями туалета, каждое из которых было маленьким подвигом. Его поили горькими отварами трав, от которых вязало во рту, пичкали тягучим медом с почерневшей деревянной ложки. Еще из глиняной кружки, крынки, Сергей пил литрами простоквашу, по крайней мере, так назвала напиток тихая старушка – жена Никитича, его нового начальника («Хозяина», – даже очнувшийся внутренний голос язвил как-то тускло). Простокваша, которую он покупал иногда в магазине, была густая и однородная, несколько не похожая на те кислые студенистые комочки, которые пришлось пить здесь.

Но все в этом мире заканчивается, в том числе и болезни (иногда, правда, смертью, но Сергеем повезло). Где-то через неделю, проснувшись ранним тусклым утром, он с некоторым удивлением обнаружил, что организм не хочет ни в туалет, ни к тазику (который здесь заменяла плоская деревянная тара, похожая на разрезанную пополам бочку, – лохань). Не трясет, не колбасит, не ломает. Хочется встать.

Сергей сел на лавке. Помещение внезапно побежало каруселью, и что-то сильно ударило в затылок. Второй раз Сергей приподнимался уже более осторожно, тихонечко. Все-таки неделя болезни чувствовалась – тряслись руки и ноги. В итоге Сергей опять рухнул на лавку. Плюнул и осмотрел помещение, в котором ему довелось провести уже неделю.

Первое впечатление – чисто. Гораздо чище, чем, скажем, у того же Кузьмича.

Закончив рекогносцировку, Сергей сделал еще одну попытку подняться. О чудо! Получилось! Сел! И не упал!

Ноги, конечно, немного подкашивались, но не было той выматывающей дурноты и ощущения, что в твоём животе поселились лягушки, скользкие и непоседливые.

За стенкой-загородкой скрипнула кровать, и между занавесками просунулась слегка сонная физиономия Никитича, одетого в белые кальсоны и рубаху. Блин, чем плохо быть крестьянином – просыпаешься уже на работе, и начальство всегда рядом...

– О, плямянничек! Никак выздоровел? Ну тогда поедим, да и за работу. Сенокос!

Блин... Хорошо иметь домик в деревне...

За занавеской зашуршала и выскочила на свет уже полностью одетая жена Никитича, немедленно метнувшись на кухню. А нет, ошибся. Женщина (как ее зовут-то?) уже вернулась и опустила на лавку около Сергея сверток с одеждой. Без обуви. Кстати, а как ходить? Это у здешних туземцев, как успел рассмотреть Сергей, ступни как подошва. А он-то – житель городской, босиком ходить непривычный. Ладно, может, Никитич чего придумает.

Так, что здесь за мода?.. Сергей только что рассмотрел, что сидит в коротких просторных портках, явно не его. Кто, интересно, переодевал?

Итак, штаны... Черно-серые, местами заплатки, но аккуратные, практически незаметные.

Сергей хихикнул, вспомнив, как его знакомому добрая мама пришила заплатку. Аккуратную, круглую, красную. На ярко-голубые джинсы. На ягодицу. Парень был без комплексов, поэтому преспокойно ходил в них, не обращая внимания на прозвище «В зад раненый»...

А вот карманов почему-то нет. Кстати, нужно поинтересоваться у хозяина, где трофейный кошелек с денежкой? Или, не дай бог, здесь имущество батрака переходит во владение хозяина?

Дальше шла рубашка-косоворотка с потертой вышивкой по краю ворота. Тоже без карманов. К ней прилагался аккуратный пояс, плетенный из веревки.

Натянув на себя предложенное, Сергей стал выглядеть... Ну, примерно так же, как и в реконструкторской одежде. Вот страна, за тысячу лет одежда не изменилась!

Пошевелил пальцами босых ног. Что все-таки обувать? Сапоги? Или эти... лапти?

– Пойдем. – Никитич хлопнул по плечу задумавшегося Сергея. – Жена поесть поставила.

Парень увидел перед собой чугунок (хоть что-то он знал по наименованию), полный мелкой картошки, варенной в мундире. Тарелки не предполагались. Осторожно присев на лавку (стульев здесь не имелось, похоже, нигде), Сергей понаблюдал за Никитичем.

– Ешь, ешь, – махнул тот рукой.

Сергей осторожно вытащил картофелину, очистил и про-

глотил. Потом вторую. Третью.

– Сярежа... – Никитич чуть не подавился.

– Что... Анисим Никитич? – Лучше побыть вежливым.

– Вкусно? – Хозяин выглядел несколько обалдевшим.

– Ну да. Уже идем?

– Ты ешь, ешь...

«Вот это да, – подумал Никитич, – работник достался. Голоую картошку без масла и соли ест и вкусной называет. И ведь не врет. Правда Кузьмич сказал, «как солому жует»...»

– Сярежа, – осторожно спросил он, – а ты вообще вкус понимаешь?

Ну и как ему объяснить?

– Вкус понимаю. А вот вкусно или нет – понять не могу.

Ем и ем. И чувства голода у меня нет.

«Хороший работник, – решил Никитич, – ест все. Посмотрим, как работает».

– Ну, – хлопнул он себя по коленям, – пойдем!

На дворе (кстати, тоже более чистом и просторном, чем Кузьмичевый) Никитич вручил Сергею обувь. Что бы вы думали? Конечно же лапти! Хотя сам Никитич назвал их броднями. Потом они с Сергеем полчаса учились наматывать портянки – онучи. Сергею все больше казалось, что он вообще попал не в Россию, а в неизвестную страну, где язык на первый взгляд похож на русский, а на второй – просто черт знает что!

Обутому в бродни Сергею хозяин вручил косу, которая,

как ни странно, косой и называлась, прилагаемый инвентарь, и парочка – хозяин и батрак – отправилась на сенокос.

* * *

Покос был неблизко.

Два косаря опустили косы.

– Ну вот, Сярежа, наш покос.

Зашибись. Огромный луг, конца которого не видно. В тумане терялся. Да его косить месяц!

Никитич, нисколько не пугаясь размеров рабочего места, ловко выхватил из висящей на поясе берестяной кобуры узенькую дощечку, облитую черной липкой массой и обсыпанную песком. Упер косу концом в землю, вскинул лезвие над головой... Стал немного похож на Смерть – раньше косу Сергей только в руках Смерти в разнообразных фильмах и видел.

– Смотри, упираешь косовище... – Блин, еще одно незнакомое слово. Да я за раз столько новых слов даже на уроках английского не слышал. – Косу держишь аккуратненько, вот так... и песчанкой, раз-раз-раз-раз...

Никитич быстро застучал песчанкой (еще одно!) по косе, затачивая ее.

Сергей достал свою дощечку, покрутил в пальцах, вздохнул (Никитич стучал уже у самого острия, значит, сейчас закончит, а его терпение не безгранично). Провел с против-

ным скрипом по лезвию с одной стороны, с другой. Принцип ясен. Примерно, как точить кухонный нож оселком, стоя на голове. Правда, так быстро, как у, кхм, хозяйина, не получится – поотхватываешь пальцы. Так... Раз, раз, раз... Хм, получается. Раз-раз-раз-раз. Коса звонко запела, вдоль лезвия пополза блестящая серебристая полоска отточенной остроты. Получается! Раз-раз-раз-раз!

Закончил точку, провел пальцем по бритвенно-острому лезвию. Получилось! Правда, все удовольствие испортил критикан Никитич, придирчиво осмотревший результат трудов. Проворчал, что так можно и загубить «струмент» и хорошо, что дал старую, и вообще.

– Ну што, Сярежа, давай нацнем косьбу.

Сергей даже теоретически не представлял, как нужно держать косу, не говоря уж о том, как косить. Первая же попытка закончилась вогнанной в землю по самую пятку косой и тяжким вздохом Никитича.

– Вот, смотри, Сярежа, здесь держишь левой, здесь – правой... – Левая рука Сергея легла на заостренный конец косовища, правой он ухватился за развилку в середине косовища (у косы Смерти такого наворота не было). – Вот так становишься, пятку упираешь в зямлю, носок чуть приподнимаешь...

Сергей принял позу косца.

– ...отводишь назад, и полукругом... Быстрее!

Шшшуух!

– Да-а-а... – протянул Никитич. – Ты зачем так много травы сразу косой ухватил?

Вышинский молчал. А что скажешь?

– Немного, вот та-ак.

Шшшуухх.

А, вот в чем косяк. Коса скользит по самому краю прокоса, снимая буквально несколько сантиметров травы.

– Дай-ка еще разок попробую.

Шшшуухх.

– Вот, уже лучше.

Шшшуухх.

– Плохо.

Да, блин, сенсей, что плохо-то?

– Ты зачем косу в конце приподнимаешь? Видишь?

Ну да, косу надо все время держать прижатой к земле, иначе прокос выглядит, как вырезанный в траве желоб.

Шшуухх. Шшуух.

– Плохо.

Сам вижу. Неаккуратно махнул, поторопился, между двумя чистыми прокошенными полукругами осталась узенькая полоска торчащих травинок.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

– Ну и ладно, – подытожил Никитич, – давай за мной. Только не торопись.

Началась косьба. Никитич, мерно взмахивающий косой, отдалялся от Сергея все дальше и дальше, приближаясь к

кустам, выглядывавшим из тумана. Как ни старался Сергей, но косить с такой скоростью не получалось. Тут же появлялись огрехи, которые приходилось смахивать косой. Наконец Вышинский понял, что не сможет соревноваться со старым гуру косьбы (в этом новоявленный хозяин напоминал приснопамятного Конунга – с тем тоже трудно было сравниться во владении мечом), и принялся размеренно косить, поймав ритм.

Косьба – занятие утомительное, особенно для непривычного человека. Не увлекайся Сергей мечемашеством – наверняка выбился бы из сил сразу же. А так усталость только-только начала подкрадываться. Здорово помогали мозоли, натертые рукояткой меча, иначе стер бы руки до кровавых пузырей. Как в начале увлечения реконструкцией. Так что, если бы не меч, ему пришлось бы туговато. Да и при встрече с беспризорниками (по спине пробежал холодок – он вспомнил о снах). С другой стороны, если бы не меч, сиречь не увлечение проклятой реконструкцией, не поехал бы на турнир, не поперся бы ночью в треклятый музей, не схватил четырежды клятый артефакт и не оказался бы ЗДЕСЬ! А значит, не пришлось бы убивать беспризорников, махать сейчас неудобной железякой и пытаться понять, что же теперь делать!

Мозги, не занятые во время косьбы, отреагировали на поставленную задачу.

Итак. Что же делать?

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Ситуация была не просто сложной – безвыходной. Дело даже не в самом факте провала во времени – сознание воспринимало произошедшее как вполне вероятное. Спасибо горе прочитанной макулатуры. Проблема не в психологическом шоке – в шоке интеллектуальном.

Практически из любого места на Земле можно, пусть и приложив значительные усилия, оказаться у себя дома. Даже из Антарктиды, если сразу не крякнешь от мороза, можно выбраться, выйдя к побережью и найдя станцию полярников. Даже из Алькатраса – американской тюрьмы на острове из фильма «Скала» и то бежали. Даже с другой стороны планеты, то есть из Южной Америки, можно добраться до Москвы. Просто, как бы далеко ты ни оказался, всегда знаешь дорогу (или можешь узнать). Она может быть сложной и извилистой, но она есть. Сейчас дороги не было.

Провалившийся в прошлое в определенном смысле сравним с человеком, оказавшимся на другой планете, – ты знаешь, где находишься, знаешь, куда тебе надо, но преодолеть промежуток между «где» и «куда» невозможно. Не в человеческих силах.

Ситуация безвыходная. Безвыходная? Дудки! Выход из безвыходного положения там же, где и вход!

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Кстати, а где у нас вход? Через какую дыру мы попали сюда, Сергей Аркадьевич? А через одну медную штуковину,

которую мы неосторожно облапили в музее. Это был вход? Ага. Значит, это же и выход. То есть все очень просто – найти артефакт и вернуться.

Просто-то просто, да где ж его найдешь? Стой-ка. Там на табличке в музее было написано, что артефакт откопал (откопал!) какой-то крестьянин в 1940 году. Да, да, да, точно, за год до войны! Значит? Дрянь сейчас закопана где-то в районе Загорок. Правда, найти ее... Перекопать все здешние поля и леса? Как раз к войне и закончишь. Если раньше в дурку не увезут.

Второй вариант: подождать пятнадцать лет, поймать за грудки товарища Донцова (точно-точно, однофамильца знаменитой писательницы, может, даже дедушку) и отобрать так необходимый артефакт. Минусы: пятнадцать лет косить траву, пасти коров и пахать «зямлю»?! Без телефона и Интернета? Да он сдохнет! Да к тому же как соотносится время его пребывания здесь и время отсутствия там? Что, если, найдя через пятнадцать лет артефакт, он окажется в 2025 году? Старым, замшелым крестьянином, ничего не знающим об окружающем мире? Впрочем, оказаться старым, замшелым крестьянином в 2010 году тоже не фонтан. Это если слегка повезет и артефакт возвратит его в ту временную точку, из которой он попал сюда. Идеальный вариант, конечно, это вернуться в ту же точку и оказаться опять молодым, двадцатипятилетним. Такое частенько случается в фантастике. Но стоит ли рассчитывать на такое везение? Ой, боюсь, это не

наш случай...

Выходит... Ничего не выходит. Не сможет он вернуться назад в ближайшее время.

Невозможно.

Шшшуухх. Шшшуухх... Блин, огрех. Шух. Шшшуухх.

План «Б»: остаться здесь и попытаться, так сказать, натурализоваться. Вот оно то приключение, о котором мечтает каждый читатель фантастики! Ключевое слово – «мечтает». Всерьез оказаться в прошлом и стать крестьянином не хочет никто! И Сергею не хотелось! А вот пришлось!

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Вспомним-ка славных предшественников из многочисленного потока фантастики. Чем они занимались, попав в прошлое?

Отбросим сразу тех, кто отправлялся в путешествие «навстречу течению» во исполнение приказа или некоего задания. Они – люди подготовленные, вооруженные знаниями, справочниками и компьютерами с любой необходимой информацией. Сергей же не подумал активировать пластинку артефакта, держа ноутбук под мышкой. Еще и потому, что ноутбук в стандартное оснащение средневекового воина входил не всегда.

Случайные же попаданцы, по крайней мере, те, кого смог вспомнить Сергей, от подготовленных практически не отличались. Они почему-то всегда помнили ход всех сражений Великой Отечественной, фамилии более-менее извест-

ных людей – от Жукова до сержанта Васильева, даты солнечных затмений, имена лошадей, выигравших на скачках сто лет назад, устройство автомата Калашникова и состав пенициллина. Еще они всегда очаровывали окружающих людей (несмотря на то что частенько были неприкрытыми хамами), легко могли войти в контакт с правителями Руси-России-СССР – от Рюрика до Сталина, благодаря чему становились если не теми самыми правителями, то, по крайней мере, советниками, которым глупые цари смотрят в рот, слушая их мудрые речи...

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Так, собрались, вытряхнули мусор из головы и начали думать!

Путь первый: по примеру предшественников найти правителя (то есть Сталина. Он уже год как захватил власть после смерти Ленина), рассказать ему все, что известно о будущем (ну, то есть для Сергея – о прошлом) и... И что? Предшественники становились министрами и канцлерами, а он? Насколько он будет интересен Сталину после того, как выложит все о будущем? Вот то-то и оно... Навряд ли его интересуют мысли, родившиеся в голове Сергея. Тем более за дарма кормить и снабжать деньгами, просто по доброте душевной, его никто не будет. Так что, скорее всего... Коридорчик-стенка-бах! Неприятная перспективка.

Впрочем, добраться до Сталина еще надо суметь. Вот прямо сейчас сказать Никитичу: мол, прости, хозяин, отправля-

уюсь я в столицу лучшей доли искать. Иди, скажет тот. И что? Переть в Москву?

Без денег?

Те странные червонцы, которые он нашел в кошельке безпризорника, конечно, деньги. Вот только неясно, большая это сумма или нет, не старые ли это купюры, обесценившиеся после какой-нибудь деноминации, и можно ли ими вообще расплачиваться. Может, это только для расчетов между банками. Или вообще фальшивки.

Без документов?

Паспорт наверняка просто так никто не даст.

Не зная ничего об окружающем мире?

Сболтнешь, где-нибудь, что видел Колчака, и все. Будешь потом в ЧК доказывать, что имел в виду фильм «Адмираль», а не живого адмирала. Да и вообще: как тут продаются билеты на поезд, во что обычно одеваются, как берут такси и есть ли они сейчас, где жить и как питаться – миллион вопросов. Добраться до Москвы опять-таки не означает сразу встретить Сталина на улице. Наверняка ведь не ходит он по улицам, болтая с прохожими и жуя пирожки с капустой, купленные у торговки. Судя по тому, что о Сталине известно, сидит он в кабинете с бронированными стеклами, окруженный охраной. Непонятного сектанта, называющего себя пришельцем из будущего, не пустят дальше входной двери. Возле нее и застрелят.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Коса затупилась, не резала траву, рвала и мяла, оставляя клочки. Сергей достал песчанку.

Дзинь-дзинь-дзинь!

Никитич оглянулся и одобрительно кивнул.

Дзин! Сергей попробовал пальцем лезвие. Бритва! Можно продолжать.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Есть вариант, следуя за предшественниками, кинуться спасти человечество (или хотя бы Россию), изменяя историю. Отправиться в Германию и убить Гитлера. Или поехать чуть поближе и убить Сталина. Если же что-нибудь менее кровожадное, то можно кого-нибудь известного спасти. Например, Пушкина. Правда, тот уже сто лет как умер... Ну другого поэта, современного. Например...

Поразмыслив немного, Сергей пришел к выводу, что не помнит ни одного погибшего в двадцать пятом (или хотя бы чуть позже) поэта. Очевидно, в двадцатых годах жизнь поэтов была достаточно безоблачной. Впрочем, были ли тогда поэты, Сергей тоже не помнил. На ум приходил один Маяковский, но тот-то умер своей смертью. Спился, кажется... Вообще ни один более-менее известный человек, которому нужно было бы помочь, не вспоминался. Да и попытки спасти мир упирались в отсутствие средств, знаний об окружающем мире и необходимых навыков. Как говорил Хаук, без навыка даже мышь не убьешь. Не то что живого человека...

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Так, что еще можно сделать?

По примеру опять-таки фантастических предшественников можно сделать карьеру во времени пребывания, не раскрывая секрета о путешествии во времени. Вариантов, как помнится, два. Стать великим (условно говоря) воином или же, используя неизвестные здесь секреты технологии, прослыть великим (условно говоря) изобретателем и разбогатеть на продаже патентов (или найти компаньона, открыть вместе с ним компанию по производству всяких хитрых штук и огрести кучу бабла). Есть и более экзотические пути: вспомнить выигрышные номера лотерей или победителя в чемпионате и в одночасье стать миллионером (отпадает по простой причине: Сергей не помнил ничего подходящего), вспомнить написанные великими писателями книги или стихи, выдать их за свои и получить баснословные гонорары (отпадает по той же причине: никаких книг он наизусть не помнил, а из стихов – только тексты современной попсы, за которые здесь навряд ли дадут что-нибудь, кроме гнилого помидора), спасти от какой-нибудь беды дочку миллионера или здешнего короля, за что благодарный папа опять-таки отсыплет денежку (отпадает: такие дочери крайне редко попадают в беду, и шансов, что Сергей при этом окажется рядом, немного).

Значит, или воин, или изобретатель.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Воин... По здравом размышлении – однозначно нет. Не то

что великим, даже просто воином стать не очень получится. Сейчас в ходу все больше пистолеты да винтовки, из которых надо уметь стрелять. Некоторые шансы еще были, попади он в Средневековье, где в ходу меч. Да и то... Даже в клубе бойцом он был очень средненьким. А уж среди тех, кто меч в руке держал с рождения, его умения по шкале Кельвина тянули градуса на два. Плюс чтобы сделать карьеру воина, нужна (кроме желания, которого тоже нет) хоть какая-нибудь война. А сейчас мир: Гражданская закончилась, а Отечественная еще очень нескоро. Так что этот вид карьеры отпадает.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Изобретатель... Этот путь в книгах выбирается чаще в том же Средневековье, когда придумал колесо или там порох – и ты гений. В более-менее современности изобретателями обычно становились люди, имевшие доступ к информации: либо тот же ноутбук под мышкой, либо возможность иногда возвращаться в настоящее. Ну или с памятью, как у слона. Не пойдет.

Это что же получается?! Ему весь остаток жизни быть крестьянином?! Нет! Нет!! Нет!!!

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

«Покричал?» – прорезался внутренний голос. Молодец, что хоть мысленно. А теперь скажи-ка, Сергей Аркадьевич, не обманывая хотя бы самого себя: а чего ты ожидал? Никаких особо ценных умений у тебя нет. Если уж в настоящем, где тебе известно все о жизни, пик твоей карьеры – старший

помощник младшего менеджера по влажной уборке, то почему ты решил, что здесь, в прошлом, где ты не знаешь ничего, ты сможешь подняться выше. Здесь что, люди глупее? Вон Никитич быстренько тебя приватизировал в батраки, и оглянуться не успел. Так что здесь, где стартовые условия у тебя еще ниже, твоя карьера закончится на должности старшего батрака. И то лет через ...надцать. Скажи, неправ?

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Прав. Просто... Не хочу.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

А придется, голуба. Придется учиться и траву косить, и лен жать, и самогон гнать. Жрать-то хочется каждый день. А дармоедов не терпят нигде. А уж при большевиках-то... Кем сказано: «Кто не работает, тот не ест»? А? То-то же.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Ладно, смирился Сергей, поживу пока тихонечко у Никитича, поработаю. Авось нагрянет какой-нибудь случай поудачнее, смогу придумать что-нибудь, ну или как-нибудь все само собой образуется.

Шшшуухх. Шшшуухх. Шшшуухх.

Закончивший прокос Никитич оглянулся и увидел, что его работничек, глядя под ноги стеклянными глазами и мерно взмахивая косой, движется поперек луга по сложной траектории, оставляя извилистую полосу скошенной травы.

«Да... – сдвинул кепку на затылок Никитич, – видать, рановато я Сярежу на работы выпустил. Он еще в сябя не при-

шел...»

* * *

Позвольте нам немного вмешаться в нить повествования ради небольшого уточнения. Как стало известно из произведения «Азазель» гениального, не побоимся этого слова, автора, у каждого человека есть определенный талант. Важно только вовремя его раскрыть и взрастить, и тогда человек удивит окружающих своими успехами. Автор умолчал, что талант человека очень часто не ограничивается чем-то одним. Вот и в нашем герое дремали две искры, вовремя не раздутые. Как стало понятно после его вступления в клуб, он имел прирожденный талант к метанию ножей, который при должном его развитии мог сделать из него одаренного жонглера. Может быть, даже великого. Чего, к прискорбию, не произошло, поэтому Сергей и посчитал себя бесталанным. А ведь в нем спит, пожалуй, даже более значительный, чем дар жонглера, талант... Но тсс! Обо всем в свое время.

* * *

Блямс! Сергей отлетел. Щека опухала, рот наполнялся кровью. Командир остался стоять, наблюдая, как Хриплый и Андрюха приближаются к жертве.

– Ребята, погодите...

Блямс! Искры из заплывающего глаза!

Хэк! Кулак воткнулся в живот, Сергей скрючился...

Бух! Сапог Хриплого ожидаемо ударил в грудь, отбросив к стене. Сергей сполз вниз, закрывая голову руками. Спина прижата к доскам стены, колени подгибаются к груди.

Почки, почки беречь!

Бац! Сапог ударил по ребрам, попал по голени.

Бац! Бац! К Хриплому присоединился Андрюха.

Бац! Бац! Бац! Руки, ноги, ноги, руки.

Бац! Бац! Бац! Бац! Больно, больно...

Не получилось тихонько пожить...

* * *

Началось все хорошо. Никитич оказался хозяином невинным, не орал, не ругался, терпеливо принимал полное незнание «батраком» крестьянской работы. Сергей никогда и не подозревал такое разнообразие навыков, казалось бы, в простом труде. Тут тебе и косьба и резьба. Была, правда, у пасечника, некая странность: пару раз он пропадал куда-то на всю ночь, возвращался довольный, как кот. По молодкам он ходит, что ли? Или браконьерит тихонечко? Не будешь же спрашивать...

Сильно портил понимание выговор Никитича, да и всех односельчан. Эти бесконечные яканья и цоканья да плюс еще

куча незнакомых слов. Иногда казалось, что ты не в России, а где-то в Чехии. К тому же знакомые слова иногда ясности не добавляли. Вот что значит выражение: «Привести пестерок губ»? Оказывается: «Принести корзину грибов»! А «шум в избе пашет»? «Мусор в избе метет»? Это что русский язык?! Почему они не могут нормально говорить?

Но тут, хочешь не хочешь, а придется понимать: пока ничего не подворачивалось, что помогло бы избавиться от деревенской трясины и добиться чего-то более существенного. Временами Сергей ловил себя на том, что ему вся эта тягостная, скучная и тяжелая жизнь начинает нравиться. Со всем немного. Чуть-чуть.

Сейчас они с Никитичем возвращались из лесу, куда хозяин возил ульи, поближе, так сказать, к местам медосбора. Сергей покачивался в телеге и размышлял о своем.

– Анисим Никитич, а кто у власти в стране сейчас?

Должен же он как-то замотивировать свое знание того, что у власти сейчас Сталин.

– Известно кто. Большевики...

Логично.

– А кто у них там самый главный будет?

Никитич почесал затылок:

– Да ня помню я яго, беса. Раньше Уладимир Ильич был, а сейчас этот... как яго... еще водку его именем называют...

Жириновский, что ли? А Сталин где?

– Не грузин?

– Кто?

– Ну этот, в честь которого водку называют?

– Да не. Какой грузин? Русский он.

Интересно... Сталин уже год как у власти, должны были начаться расстрелы, а Никитич о нем даже не слышал. Наверное, новости сюда доходят долго. Оно и правильно: радио нет, телефона нет, телевизора и Интернета тем более.

Кстати, а куда так скачет хозяин? Сергей обратил внимание, что обычно флегматично сидевший на носу телеги Никитич сейчас нервно ерзает и периодически хлопает вожжами, подгоняя недовольно фыркавшего мерина.

– Анисим Никитич, а куда торопимся?

– Да в байню бы успеть попасть.

– А-а...

Стоп. В смысле? Баня-то не общественная с графиком работы «с часу до трех». Чай, своя, собственная.

– Анисим Никитич, так что с баней-то случится? Не убежит...

– Так тьмнеет уже. Скоро и полуночь.

– Свечку возьмем да и помоемся...

Никитич даже развернулся:

– Ты што? Или с луны свалился? А-а, да ты же сяктант. У вас и байнь поди не было. Нельзя в бане после полуночи мыться. Там же нина!

Нина? Что еще за Нина после полуночи припрется мыться в нашу баню? Не было в Козьей Горе никаких Нин.

– Какая Нина?

– Ну, нина... – Никитич опасливо взглянул на краснеющий над верхушками ольхи закат. – Церт банный.

Никитич быстро перекрестился.

Церт? В смысле, черт? Правда, что ли?

– Какой... – Да, к ночи всякую нечисть лучше не помянуть. Не то что страшно приманить, а вот хозяин точно обользится. – Какой он, этот нина?

– У-у, нина... Нина он такой... В байне живет...

В голове Сергея пробежал домовенок Кузя с криком: «Нафаня-а-а!»

– Домовой, что ли?

– Какой домовой? Говорю же тебе, в байне он живет, не в дому! Сам голый...

Выглядит неизвестный нина, как небольшой голый старичок, весь облепленный листьями от банных веников.

Симпатичный товарищ. Вспомнил. В некоторых романах (точно Сергей не знал, не любитель славянской фэнтези) встречалось такое описание. Правда, там именовалась нечисть не «нина», а «банник», но хрен редьки не слаще.

– А где же она... в смысле он прячется?

– А за печкой. Или под полом. Ночью доску поднимает и выходит мыться. А если кого застанет, то запарит насмерть. Или угара пустит да головой в каменку засунет...

Блин, ни фига себе ужастик. И такая чертовня живет в бане? Теперь туда и днем-то страшно зайти будет... Погоди,

Сергея. Ладно, Никитич – человек темный, деревенский, но ты-то в чертей не веришь. Нет там на самом деле никакого нины! Или... Или есть?

Никитич, может, в Интернете порыться и не сумеет (и то не факт), но на тупого не похож. Умный он, гад, и хитрый, так неужели в сказки верить будет?

А что, если нина не сказка?

Существование различной нечисти автоматически подразумевает наличие магии, колдовства и чародейства. Что тянет за собой возможность заклинаний, волшебных предметов и магических артефактов.

И наоборот.

Ведь он попал сюда с помощью как раз магического артефакта! Ну, если принять за аксиому, что это не розыгрыш. Значит, по крайней мере один такой здесь есть! А где один артефакт, там и целая куча. Навряд ли его подкинули инопланетяне. Судя по надписям на старославянском, его сделали здесь, в России, и, значит, одним не ограничились. Раз есть артефакты, существуют и те, кто их сделал, то бишь колдуны и маги. А раз есть они... То и нина вполне может жить под баннным полом. Вот чер... в смысле, вот блин...

Появилось желание схватить вожжи и поддать как следует ленивому мерину. Как-то сразу расхотелось проводить эксперименты с мытьем после полуночи. Благо, Никитич продолжал поторапливать лихого скакуна.

Тут Сергея зацепило что-то в собственных рассуждениях.

Так, так, так... Нина?

Сергей вздрогнул и перекрестился. На глухой дороге, в темнеющем ольшанике, это смешным не казалось.

Колдуны? Маги? Инопланетяне? Артефакт? Нет! Блин! Артефакты!

Сергей с размаху ударил себя кулаками в лоб. Бом!

– Цего ты, Сярежа? – оглянулся Никитич.

Бом! Еще раз.

– Мысль одна в голову пришла...

– Так это инаце лецится, – хихикнул Никитич, – бяжишь в лясок, бярешь стяжок... говорят, из бярезы хорошо помогают... и с размаху по башке. Пока не пришибешь мысль. Как прибьешь, бяри яё за хвост...

– Ну тебя.

– Так цего? Пойдешь лецится? Или разбежались мыслишки?

– Разбежались...

Мысль наконец-то ясно сформировалась.

Кто сказал, что артефакт путешествий во времени только один?

Ведь их может быть и несколько, а значит, можно не искать этот, закопанный невесть где. Нужно найти тех, кто знает, где находятся другие артефакты!

Сложно? Конечно! Выполнимо? Вполне!

Кто может знать об артефактах путешествий (надо же их как-то называть)? Для начала те, кто ими пользуется. Во-вто-

рых, те, кто их сделал. В-третьих, те, кто их хранит. Каким словом можно назвать все три группы?

МАГИ.

Конечно, они надежно законспирировались, но если начать поиски, то найти их можно. Для начала нужно выйти на тех, кто знает, где эти самые маги могут прятаться. А кто это может знать? Близкие им по духу, то есть колдуны, ведьмаки и прочие экстрасенсы. Девяносто девять процентов из них ничего не знают о магах, но ведь есть еще один процент! А уж их-то найти гораздо проще: у нас объявлениями типа: «Снимаю порчу» завалены все газеты. Блин, это в двухтысячных! А сейчас, при большевиках? Наверняка разогнаны в рамках борьбы с суевериями. По крайней мере, объявлений точно не дают. И как их искать?

«Как-как... – очнулся внутренний голос. – Путем опроса местных жителей. Спрашиваешь, где: мол, у вас колдуны или там ведьмы живут? А тебе и говорят: «Иди-ка ты, мил человек...» И называют адрес. Ничего не получится».

А не пошел бы ты, уважаемый внутренний голос, в пешее эротическое путешествие. Так уж и пошлют. Вон сидит один местный житель, возьми да спроси, проведи эксперимент. Правда, откуда в деревнях колдуны? Стоп! То есть как это откуда? Да ведь все колдуны из деревень!

– Анисим Никитич...

– Ась?

– А у вас в окрестностях колдуны есть?

– Колдуны? В Козьей Горе?

– Да нет, вообще в окрестностях...

Никитич задумался:

– Не-э, колдунов нет...

Что и требовалось доказать.

– Колдовка есть.

Что?!

– Колдунья?

– Колдовка.

– Где? В Козьей Горе?

– Да нет, – усмехнулся Никитич, – в окрестностях. В Загорках то есть. Живет там одна... Аленой зовут.

– И что, колдует?

– Ну как... Иногда... Травами еще лечит, сглаз опять же снимает и так, по мелочам...

Ничего себе! Под боком живет колдунья.

– А она не шарлатанка... в смысле не жулик?

– Какой жулик? Говорю же тебе, колдовка.

– А можно к ней съездить?

– А тебе зачем?

– Да, так... Нужна она мне...

– Так чего няльзя. Вон, в воскресенье и иди.

Вредный Никитич наверняка не отпустил бы работника в другой день, но в воскресенье-то сам бог велел отдохнуть. А уж если бестолковому Сяреже охота бить ноги – пусть идет. Может, Алена сделает с ним что-нибудь, чтоб стал понор-

мальнее.

– Только ты смотри, – хихикнул Кузьмич, – с Аленой осторожнее. А то приворожит – будешь под окнами у няе по ночам стоять...

Юмор был непонятен, а в сгущающейся темноте становилось страшновато. Может, не ходить? Чер... в смысле кто ее знает эту старуху, еще действительно заколдует. Сходить к другой... А где ее найдешь? Может, эта Алена вообще последняя на всю округу... Сходить? Страшно... Или не ходить?..

В баню они успели.

Укладываясь спать, Сергей решил, что все будет зависеть от настроения. Захочет идти к колдунье – пойдет. Не захочет – останется дома.

* * *

Следующее утро у Сергея началось очень даже удачно. Проклятые беспризорники сегодня не пришли, впервые за все время пребывания в прошлом Сергей не вскочил с криком, обливаясь потом, а проснулся под утро самостоятельно и даже выспавшимся. Настроение, правда, препаршивое: сон был хоть и не о беспризорниках, но все равно отвратный.

Снился тот момент, когда он согласился стать батраком у Никитича. Вернее, как раз во сне он и не согласился, гордо отказался и ушел в сторону заката. Точнее, в Загорки. По-

том, как это бывает в снах, он оказался на каком-то железнодорожном вокзале в обличье бомжа, спящим под лавкой в грязных и вонючих тряпках. Потянулся дрожащей рукой (с обломанными черными ногтями) к валявшейся рядом бутылке с мутно-белой бормотухой, отхлебнул... От мерзкого вкуса проснулся.

Тихо. Ранее утро. Сергей спал на сеновале, на собственноручно скошенном, собранном и уложенном в сарай сене. Пахло одуряюще... Становилось понятно, почему крестьяне предпочитали любовь именно на сеновале. Правда, возникало подозрение, что после окончания сенокоса от одного запаха сена начнет тошнить.

Где-то рядом заорал петух. Петух у Никитича был знатный: огромный, черный, с роскошной красной короной-гребешком. Его поддержали другие пернатые будильники. Эхма, пора вставать...

Уже выползая из сарая, Сергей вспомнил, что работ пока не предвидится. Конечно, сено не стало бы ждать, но ночью прошел дождик, шуршал по крыше, а значит, по крайней мере до обеда скошенное должно высохнуть. Пчел по такой сырости везти к малине, наверное, бессмысленно.

То есть можно было и отдохнуть, но спать совершенно не хотелось. Сказалась годами выработанная привычка вставать в пять утра, чтобы успеть на метро. Чер... проклятый (вот фобия появилась) начальник фирмочки «Купи-продай энд корпорейшн» требовал, чтобы работники появлялись

точно к началу рабочего дня. То есть к восьми утра. Тирану-то что, он жил в двух шагах, а вот планктону приходилось просыпаться кому в пять, кому в шесть.

Интересно, Никитич уже поднялся? Сергей проскрипел по ступенькам крыльца и бесшумно открыл дверь. Привычки стучаться здесь не было.

Когда за ним закрылась дверь, из курятника высунулась жена Никитича. Обвела острым носиком двор. Пусто. Решила, что шаги ей слышались, Сергей, наверное, еще спит. Анисим просил не пускать его в дом...

На кухне никого не было. А вот в горнице за занавеской слышались голоса. Откуда гости с утра пораньше? Знакомый только один: Никитича. Вот только незнакомые подобострастные интонации...

— ...не знаю я, господин хороший, уж простите старика. Не говорят мне таких вящей. Так, дружбу водят... Ну иногда помогают, но против присяги не пойдут, не смогу я уговорить...

Как подчиненный на ковре у начальства. Интересно...

Не подозревая плохого, Сергей откинул ткань.

За столом сидели трое. Рядом маялся на ногах четвертый... Ба, знакомый! Андрюха из деревни. Что здесь за сходка?

В красном углу – Никитич. Вот только хозяином он не смотрится – опущенные в стол глаза, улыбка приторная, как эта... сладкая тянучка... да, патока. Рядом с ним и напротив

– двое незнакомцев.

По левую руку, почти упираясь плечом в хозяина, сидел мужик лет сорока, в отличие от местных жителей – бритый. Правда, не до синевы, щетина проступала тенями на щеках и шее. Из-под черной кепки торчал крупноватый нос. То ли кавказец, то ли еврей...

Напротив развернулся на табурете в сторону вошедшего второй, помоложе. Сергей взглянул в его лицо и понял – сейчас хозяин он. Подбородок, как броня у танка, плотно сжатые губы и взгляд... Как у Терминатора из первой части.

– Это кто у нас тут? – прохрипел первый.

Командир (да... судя по взгляду, именно командир) промолчал, разгладил большим пальцем усы, с интересом и даже с улыбкой рассматривая Сергея. Как биолог крысу...

Молчал и Никитич. На лице за сладенькой улыбкой ясно читалось: «Ну и чего ты приперся?»

– Сяктант... – злобно прошипел Андрюха.

Похоже, встрял... Только во что?

– А, сектант, – произнес Командир (они не представились, а надо же как-то идентифицировать). – Твой батрак, Анисим?

– Плямянник... – обреченно промолвил Никитич. Судя по тому, что назвали его по имени, сейчас он на вторых ролях.

Сергея бы это покорило – он не любил, когда пренебрежительно относятся к людям, которых он уважает... Но не

сейчас...

– Племянник? – нарушил паузу Командир.

– Врет. – Да с чего Андрюха-то смотрит волком? – Не плямянник это, нет у Никитича плямянников. Батрак это. Он его плямянником зовет, чтобы с Советами не ссориться...

– Ай-а-ай, Анисим, как же так. Нехорошо власть обманывать. Тем более народную... – Голос Командира сорвался, в нем чувствовалась злость. – Самими же выбранную...

Сергей стоял в проеме, как дурак на кастинге. Что это за братва? Может, Никитич связался с криминалом? Пообещал, теперь не может исполнить?

Командир лениво мотнул головой. Хриплый встал, подобрал со стола... Вот блин! Только сейчас заметил, что на столе перед ним лежит... Револьвер!

Ой-е-ей! Бандиты!

Хриплый подошел к замершему Сергею, направил ствол ему в переносицу. От оружия пахло железом и смазкой. Мерзкий запах... В животе похолодело, противно обмякли ноги...

– Запомни, сектант. Ты нас не видел, сюда никто не приходил, ты ничего не знаешь о нас...

Какая-то глупая часть паникующего мозга отметила, что ни Хриплый, ни Командир не якают и не цокают. Значит, не местные. Вот только как это спасет от пули?

– Ты меня понял?

– Д-да, – судорожно закивал Сергей. Неужели пронесло,

отпустят живым?

Хриплый повел револьвером вправо, Сергей, как загнип-
нотизированный, сдвинулся за дулом.

– Ну что, – поднялся Командир, – хорошо у тебя, Анисим,
но пора и честь знать. Заглянем к тебе еще разок дня чрез
два, может быть, образумишься. Пойдем, – махнул он рукой
Андрюхе.

– Господин капитан, – внезапно заговорил тот, – дозволь
сяктанту ребра пересчитать?

Стойте! Погодите! За что?!

Командир взглянул с недоумением:

– Это еще зачем? Не замечал... Ах да... Ты же, помню,
рассказывал. Ну давайте. Только быстро.

Стойте! Стойте-стойте-стойте!

Хриплый переложил револьвер в левую руку...

Блямс! Сергей отлетел к стене...

* * *

– Ох, Сярежа, Сярежа... – Жена Никитича промывала по-
битую, как пасхальное яйцо, физиономию Сергея, а неуго-
монный хозяин прохаживался туда-сюда, капая на и без того
пострадавшие мозги.

Сергей сидел на лавке. Слава богу, в зеркале его не бы-
ло видно. И так понятно, что после такого массажа лицевых
мышц выглядел он страшновато. Хватало ощущений и без

этого. Левый глаз заплаыл так, что даже не открывался. Распухла щека, кровоточили губы. Зубы, по странной случайности, не пострадали, зато из-за разодранной внутренней поверхности щеки во рту стоял противный вкус крови. Вытекая из рта кровь склеила бороду в некую дизайнерско-панковскую находку. Болели руки, ноги, на которых оставили следы сапоги Хриплого. Ныли ребра, по которым отпинал сволочной Андрюха. Да, Андрюха...

– Ан... кхм Анишим Никитичш. – Дикция тоже пострадала. – Кхто это был?

– Да это... А я говорил тябе, не заигрывай с Андрюхиной жаной. Злой он и рывнивый, как черт.

– Такх он иж-жа жены?

Вот блин... Сергей вспомнил немного тускловатую, замороженную, но стройную и очень даже ничевошную жену Андрюхи...

В тот день (среда, кажется, была) Никитич послал его к одному из односельчан, отнести меда.

По дороге Сергей встретил жену Андрюхи, немного поболтал с ней. Уж слишком девчонка выглядела замороженной, Сергей просто из человеколюбия попытался хоть немного ее развеселить. По крайней мере, улыбнулась... Видимо, кто-то донес Андрюхе...

Вот же гад ревнивый... Постой-ка, Никитич. При чем здесь Андрюха? А кто это с ним был? Что-то хозяин как-то увернулся от ответа.

– А кхто с ним был?

Никитич, стоявший спиной, хмыкнул, крикнул и повернулся.

А взгляд... Это был взгляд не пасечника, не крестьянина... Это глаза охотника... вернее, нет, не охотника. Так смотрят на тебя дула двустволки.

– Господа это были. Бывшие.

– Белые?

– Ага, – хехекнул повернувшийся незнакомой стороной Никитич, – белее некуда. Все им неймется, все вернуть хочется...

Погодите-ка. Или голову слишком сильно ударили, или Сергей что-то не понимает в происходящем.

– Никитичш... Так ведь война уже давно жакончилась...

– Война-то закончилась, да люди остались. Или ты думаешь, что они в ангялочков прявратились? Не-эт, еще злее стали. – Никитича явно прорвало. – Озлобились на тружаников. Сами ницего, кроме как жилы тянуть да на готовом жить, не умеют, да и не науцаться. Как волка траву жевать не выучишь, так и их на крястьян да работников не пряделеаешь. Вот они из Эстонии к нам через границу и лезут, пакости творят, сено жгут, зярно, большавиков... да и людей убивают...

Взгляд Никитича все больше холодел, явно видел он перед собой сейчас не бревенчатую стену своей избы, а того самого Командира, и, скорее всего, через прорезь прицела.

Ой, непростой ты мужик, Никитич...

– Взрывают в городах это... разное... Ницего, дождетесь.

Мы царя с шеи спихнули, господ да немцев с земли повыгнали, даст бог, час и до них доберемся. Тяррористы... Тьфу!

Пасечник повернулся и вышел, видимо, покурить, успокоить расстроенные нервы, оставив Сергея приходить в себя.

Если бы Никитич достал гитару и запел одну из песен Егора Летова, Сергей, может быть, удивился бы меньше. «Тяррористы»! Откуда в двадцатые годы могли взяться террористы? Да еще белогвардейцы? Террористы-белогвардейцы! Звучит как «хакеры-красноармейцы». Бред. Может быть, все вокруг – действительно бред? Сергей огляделся. Изба не изменилась, и деревянные стены не превратились в обитые мягким поролоном, ну или чем их там в психушках обивают. По-прежнему болело все тело, пахло травяными примочками жены Никитича (вспомнил, Татьяна ее зовут), немного дымком от печи, кашей, деревом от стены... Не похоже на бред-то.

Правда, смутно вспомнилось, что террор – не изобретение бородатых ваххабитов. Был в свое время сериал, еще Хабенский в нем играл, там в дореволюционное время были террористы, вроде бы большевики, как раз взрывали всяких важных лиц. Но так то лиц! В городе! Даже чеченцы не носятся по деревням и не избивают ни в чем не повинных пришельцев из будущего! А уж малейшая информация о существовании белогвардейцев, которые пытаются вернуть власть, уби-

вая большевиков по селам, в мозгах Сергея вообще отсутствовала. Тогда откуда они здесь взялись? Загадка. Не по пострадавшим мозгам. Отложим до выздоровления.

Покачиваясь и постанывая (больше всего болели ноги, отбитые Андрюхой, как котлета), Сергей вышел на крыльцо. На завалинке сидел и размеренно пыхал дымом Никитич.

Кстати, таинственная завалинка, смутно знакомая из детских книжек, на ней еще постоянно сидели и грелись на солнце, оказалась вовсе не лавочкой, а деревянным настилом вокруг избы, внутри которого насыпана сухая трава, опилки и прочий утеплитель. Сидеть на ней было удобно.

– Хозяин, дай закурить.

– Да какой я хозяин... – протянул мешочек с табаком Никитич. – Хозяин, скажешь тоже... Не видал ты настоящих хозяев, которые из тябя душу вынут и копейку заплатят...

Сергей свернул самокрутку, щелкнул зажигалкой (самодельной, из винтовочной гильзы) и затянулся. Можно прикрыть глаза, расслабиться и на минутку поверить, что провал в прошлое, убийство беспризорников, работа крестьянином, сегодняшнее избиение – все это тебе приснилось, примерещилось. Сейчас докуришь, встанешь и пойдешь в офис, лазить в Интернете и отвечать на дурацкие звонки...

– Солнце-то жаркое. Сено скоро подсушит. Пойдем в копны уложим.

Размечтался. Даже право сидеть в офисе надо заслужить. В воскресенье пойдешь... поползешь в Загорки, найдешь

там старуху-колдунью и вытрясешь из нее информацию о том, где можно найти магов или хотя бы их следы. Ниточка тонкая, а что делать. Или всю оставшуюся жизнь складывать сено в копны. Кстати, что это такое?

* * *

Непонятные копны оказались всего-навсего кучами сена, точно такими же, какие они с Никитичем складывали на полях целую неделю. Сено нужно было укладывать по хитрой методике, переворачивая пласт и прижимая им предыдущий так, чтобы копна не развалилась, не разметалась ветром и не промокла насквозь.

Уже ближе к вечеру, когда поле покрылось аккуратными мини-стожками, Никитич взглянул на солнце, на горизонт, понюхал ветер и сказал, что, во-первых, по всем приметам, ночью начнется дождь, а во-вторых – почему бы не сложить сено сразу в стог? И так запарившийся Сергей, тихонько мечтавший хотя бы о небольшом отдыхе, гениальную идею руководства воспринял без энтузиазма. Однако крестьянский труд отличается от вкалывания в офисе не только общей тяжестью, но и тем, что офисное начальство, придумав тебе работу, само может сидеть в мягком кресле и болтать по телефону с Кисонькой или Пусиком, а Никитич пашет наравне с тобой, а точнее (если быть честным с собой) – выполняет большую часть работы. Пришлось разваливать свежеуло-

женные копны и таскать их к месту, предназначенному для установки стога.

Если уж копны не были простыми кучами, то стог, высотой метров в пять, был далеко не примитивной конструкцией. Огромный шест, вкопанный в землю, назывался стожаром, вокруг него следовало укладывать по спирали сено, уминая каждый пласт с перекрытием (примерно как в копне) до тех пор, пока сенной круг не достигнет диаметра, достаточного, по мнению руководителя, для того, чтобы крикнуть: «Хорош!» После этого сено нужно утоптать и укладывать сверху новый слой, точно так же по спирали и с перекрытием, и утаптывая ногами. Уминанием занимался Сергей (после того как все копны были переташены и образовали огромный шуршащий вал вокруг стожара), вспоминая при этом анекдот: «В специальную коробку для яиц помещается двадцать штук. А если их уминать ногами, то поместится в десять раз больше». На третьем слое Никитич перестал укладывать пласты сена, и Сергею пришлось самому подхватывать и класть их на место, что и с двумя-то глазами непросто, а уж с одним... На шестом слое Сергей поднялся метра на два, и Никитичу пришлось закидывать сено с уха-нем, не столько от тяжести, сколько предупреждая Сергея, чтобы не напоролся на вилы, которые хоть и были деревянными, а получить их в ногу неприятно. В конце концов, под чутким руководством Никитича, стог гордо встал посреди покоса, проглотив все окрестные копны. Был он немного вы-

тянутый вверх, кривоватый и лохматый, но Никитич принял и таким. Сергей к вечеру еле стоял на ногах, руки просто отваливались, а запах сена вызывал тошноту...

* * *

На следующий день действительно полил дождь. Такой, что ни о каком выходе наружу не могло быть и речи. У Сергея приоткрылся глаз, а руки и ноги покрылись черной синевой и болели, как пропущенные через мясорубку.

Никитичу дождь был нипочем. Осмотрев глаз Сергея, он хмыкнул что-то одобрителное, нарезал задач, натянул брезентовый плащ с острым капюшоном, делавшим его похожим на монаха, и удалился в водяную даль по своим таинственным делам. На Сергея же он повесил одну веселую работенку, видимо, исповедуя принцип «Батрак всегда должен быть занят делом. Иначе для чего он нужен?». Правда, заделье оказалось не напряжным.

Сергей стоял в сараюшке, в которой хранились пасечные принадлежности: медогонка, воскотопка, разнообразные кривые и прямые ножи и другие хитрые приспособы, каждая из которых имела свое предназначение. Перед ним стоял стол, солидный, из толстенных досок и брусьев. На стол из малюсенького застекленного окошка падал пасмурный, серый свет. Перед Сергеем лежала его работа на сегодняшний день.

Стопка светло-желтых листов вошины, то есть листов пчелиного воска, приятно пахнущих медом и немного церковью. Моток веревки. Ровная, гладкая доска. Острый нож. Вот и все, что нужно для организации ма-аленькой свечной мастерской.

В исполнении Никитича, который показал, как делать восковые свечи, все было просто. Раз – кладется лист вошины на доску. Два – отрезается кусок веревки по размеру для фитиля. Три – заворачивается край вошины. Четыре – второй доской вошина скатывается в ровный цилиндр и оп-ля! На столе лежит готовая аккуратная, ровная, толстенная свеча с маленьким хвостиком фитиля. Еще раз, два, три, четыре и вот свечей уже две, одинаковых, как будто их делали на станке. Все просто.

Ну что ж. Видел, как это делал другой, значит, можешь сделать и сам. Попробуем...

Раз... Два... Три... Четыре... И... Ого! Свеча получилась «замечательная»: кособокая, кривая и к тому же толстая в середине. Сергей попробовал исправить, прокатав ее еще раз, и получил длинную тонкую колбаску. К тому же без фитиля.

– Да... – Сергей поднял недосвечку двумя пальцами, та тоскливо переломилась в середине, превратившись в маленькие восковые нунчаки.

Оказывается, даже простое дело, когда приступаешь к нему сам, совсем непростое.

Выдернув фитиль, Сергей использовал его при второй попытке. Свечка получилась настолько похожая на первую, что даже страшно стало. Ее он даже исправлять не пытался, смял и бросил к первому комку. Вышинский давно заметил, что в крестьянском быту не выбрасывалось ничего: все шло в ход, даже треснувшие горшки обматывались березовой корой – берестой, и в них хранились разные крупы. Тем более воску найдется применение.

Более-менее нормальной получилась только десятая свеча. Причем именно более-менее и на очень непритязательный взгляд. Сергей осмотрел ее, вздохнул, и повышение квалификации свечкодела продолжилось.

Тем временем та часть мозга, которая не была задействована в попытках разобраться: «Как же, шьерт побьери, сделать эти свечи правильно!», проснулась и потихоньку начала анализировать сложившуюся ситуацию в целом.

Как уже понятно, застрял в прошлом Сергей надолго: либо ждать до сорокового года, когда отроют проклятый артефакт, либо самому рыть землю (фигурально выражаясь), отыскивая здешних магов. Начать поиски нужно будет со здешней колдуньи Алены. То есть завтра, благо воскресенье, придется пилюкать в Загорки пешком. А там путем опроса местных жителей найти бабку и задать ей пару вопросов.

...Раз-два-три-четыре... Свечка... Почти удачная.

Ну должна же она знать хоть что-то о коллегах!

А вот если подумать как следует... Сами по себе маги ему

не очень интересны, только как ключ к артефакту. Так, может, есть смысл сначала спросить у бабки Алены про артефакт? Вдруг (если повезет) она просто скажет, где его искать? Или (если очень повезет), может быть, артефакт у нее? Действительно, кто сказал, что если старинный предмет откопали в сороковом году, то закопали в глухой древности? Вполне вероятно, он сейчас лежит у старухи на полочке, а зароет его она через пару лет, когда за ней придут чекисты товарища Сталина. Кстати, не совсем ясно, почему Никитич не помнит Сталина. Тот ведь уже год у власти. Сведения об этом должны были доползти даже до Козьей Горы. Странно... Но вернемся к бабке, тьфу, к магам.

Раз-два-три-четыре... Свечка... Просто удачная.

Мечтать о том, как колдунья достанет из буфета артефакт и ты мигом окажешься в таком уютном и родном двадцать первом веке, это, конечно, хорошо. Но вот шансов на это... Скажем так – столько же, сколько обыграть казино. Поэтому дорогой госпо... в смысле товарищ Вышинский (господ пока лучше не вспоминать, это сейчас не модно) настраивайся на до-олгий поиск. Лет на... несколько. А раз так, нужно составить список необходимого.

Раз-два-три-четыре... Свечка... Вообще удачная!

Первое – деньги. Заначенный кошелек со странными червонцами, конечно, греет душу, но нужен все-таки некий постоянный источник дохода. То есть работа... Впрочем, это в отдаленной перспективе, поэтому подумаем об этом потом.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Второе – документы. С этим хуже. Паспорт неизвестному бродяге-сектанту, конечно, никто не даст, но, может быть, удастся разжиться хоть какой-нибудь бумажкой, удостоверяющей личность. Пусть даже справка об освобождении... брр, нет, любой другой вариант! Этот вопрос нужно уточнить... Потом.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Третье – информация. Легенда ничего не знающего о жизни сектанта, это, конечно, хорошо, но ведь сведения о жизни нужны. А то рано или поздно кто-то примет за шпиона. Хотя бы нужно точно знать, кто у власти, быт народа, традиции, привычки... Особенно важны запреты. Чтобы случайно не накосячить, перекрестившись, когда не надо (вроде бы верующих большевики недолюбливали), или ляпнув что-нибудь по-английски (окажешься в тюрьме, как американский шпион).

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Также нужна вся возможная информация о магии, колдовстве и прочем чернокнижии. Начнем сбор с бабки Алены, а там – как карта ляжет.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Итак, какие планы у нас на завтра? Ну, во-первых, добраться до Загорок. Желательно не встретившись с ревнивым Андрюхой... Кстати! А ведь у нас образовалась проблемка, от которой опух глаз и болят конечности. Что де-

лать?

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Если опять попадутся навстречу господу белогвардейцы (брр, даже думать об этом неприятно, в животе холодеет и ноги слабеют), то... А что то? Ничего ты им не сделаешь. Ткнул в харю стволом, и все: против пистолета даже твой меч не катит. Тем более что шляться по деревьям с мечом наперевес – верный способ загреметь в больницу. Значит, один способ избежать проблем с ними – не показываться на глаза. Короче говоря, быстро бегать и умело прятаться.

Раз-два-три-четыре... Свечка... Не получилась... Брак.

Однако возможны и другие нежелательные встречи. Типа тех же беспризорников...

ТЬфу! При воспоминании о стычке с гопотой и особенно о постоянных кошмарах с их участием руки Сергея затряслись так, что очередная свечка превратилась в абстрактную скульптуру. Раздраженно шмякнув ее в общую и так немаленькую кучку брака, Сергей вышел под навес покурить и успокоиться.

Табачный дым продрал горло, обжег легкие и ослабил натянувшиеся нервы. Заработал мозг.

Брать с собой меч на прогулку глупо. Получить пику под ребро – еще глупее. Значит, надо вооружаться «неглупым» оружием. В идеале таким был бы пистолет... Нет. Сергею пистолет, как и любому обывателю, не защита, а лишняя нагрузка. Стрелять он не умеет (разнообразные шутеры не в

счет), пока достанет пистолет из кармана, противник его не то что застрелит – ножом зарежет. «Нужно выбирать то оружие, которым можешь владеть» – цитата из Конунга. А владеть Сергей может: а) мечом (отпадает, таскать его с собой тяжело и неудобно и против пистолета не катит), б) метательным ножом (отпадает, ножом можно только сразу убить, чего не хочется). Что остается? Ничего. Нападут, можешь только упасть и кричать дурным голосом: «Дяденька, не бей меня!» Противно...

Докурив самокрутку, Сергей вернулся к прерванному занятию и размышлениям.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Ладно, об оружии для самообороны подумаем потом. Что-то много на потом остается... Хорошо, подумаем сейчас! В любом случае отправляться в Загорки, когда можно наткнуться на тех же беспризорников, которых, по слухам, много отирается в окрестностях. Город-то близко. И пусть не все они мечтают о славе Япончика (или кто тут кумир нынешнего криминалитета), пусть большинство ограничиваются героическими налетами на курятники и сушащееся белье, но наткнуться на меньшинство безоружным как-то не хочется.

Раз-два-три-четыре... Свечка.

Думаем... Основной минус меча – смертоносность, как это ни глупо звучит. Убивать Сергею никого не хотелось. Мало кошмаров ему, что ли, снится. Значит, нужно оружие се-

рьезное, как меч, и несмертельное, как... как... резиновая дубинка! В смысле, просто дубинка, можно деревянная... Деревянный меч! Боккен!

Свечка опять превратилась в абстрактную фигуру. В отход!

Боккен – вот выход! Вернее, не настоящий боккен – тренировочный меч в айкидо. Тот длинный, изогнутый, сделан из бука, который фиг найдешь, а найдя – фиг из него что-нибудь сделаешь. Нужная прочная деревянная палка, размерами и балансом схожая с мечом. Пользуясь фехтовальными приемами, таким квазимечом можно отбиться от гопоты и не убивать никого...

Взгляд обежал сарайчик-мастерскую. Не то... не то... странный изогнутый нож – совсем не то... Ага! На полке лежала длинная, достаточно толстая березовая палка. Бог его знает, для каких надобностей нужна Никитичу. Но неужели он откажет в такой малости? Сергей снял ее и попробовал взмахнуть. Раз! Раз!

Удобно. Немного остругать ножом, и грубый, но опасный в более-менее умелых руках деревянный меч готов. Можно отправляться в полное приключений и опасностей путешествие в Загорки.

* * *

Бродяга Никитич вернулся домой только под вечер. К

этому времени Сергей успел перекатать в аккуратные свечи и неаккуратные комки воска весь наличный запас вощины. Отдохнуть. Потом раскатать комки в пластины и скатать в свечки: страшненькие, но симпатичные. В промежутке в сарайчик заглянула жена Никитича, тетка Татьяна (она так просила ее называть). Долго смотрела на старания Сергея (тот уже занервничал), а потом спросила, собирается ли тот есть или будет весь день работать голодный. Чуть ли не силой покормила. Сергею неожиданно не хотелось отрываться. Впервые в жизни из-под его рук выходило что-то. Что-то, чего только что не было, а потом – раз-два-три-четыре – и оп! Свечка! Просто здорово. Это вам не картинки в Фотошопе рисовать, это вещь! Настоящая! Еще теплая!

Никитич, грязный, усталый, но довольный, как удав, утащил в дом свой покруглевший сидор, а затем пришел принять работу. Довольно поцокал языком, потом быстро рассортировал свечи на две кучки: поровнее – на продажу, а первые пробные и сделанные из вторсырья скрутил обрывком бечевки в связку и вручил Сергею.

– Держи! Завтра же в Загорки собирался? – заметил он непонимание Сергея. – Вот, отнясешь батюшке, отцу Афанасию. Я яму давно обещал, да все недосуг.

– Ага... А где я его найду?

– Как где? В церкви. Воскресенье же. Ну или дома... Рядом с церковью дом, с крестом не воротах.

Понятно. В церкви... Стоп!

– В какой церкви?! А разве... Нет, ничего.

Оба-на! Церковь при большевиках? Да еще и с батюшкой? Они же все церкви взрывали, закрывали. Ну ладно, колхозов еще нет, может быть, рано, чуть позже начнут загонять. Но церкви-то? Ничего не понимаю... Что тут происходит?..

– Как в какой? В Загорской. Церковь преподобного Ильи Муромца.

Кого? Не-эт, похоже, Сергей все-таки бредит. Преподобный Илья Муромец! А святого Алеши Поповича у вас нет?!

– А насчет Андрюхи, – неправильно понял его размышления Никитич, – не бляри в голову. Поговорили с ним, не должен он тябя задывать...

На том и порешили, оставив Сергея в полном непонимании происходящего.

Палку добрый хозяин подарил.

* * *

Подошвы сапог мерно стучали по пыльному проселку.

Топ-топ-топ...

Вокруг светилась зеленым листва залитых солнцем кустов. Тихо пели в яркой синеве неба незнакомые пташки. Пахло водой из протекающих в лесу ручьев, пылью от дороги, немного грибами, а еще тем особенным неопишуемым запахом летнего леса. По спине в такт шагам постукивал вещмешок солдатского цвета с забавным названием «сидор», в

котором ехали к загорскому батюшке церкви святого Ильи Муромца (надо же!) собственноручно вылепленные восковые свечи – подарок от Никитича.

Топ-топ-топ...

Кепка на голове, вытертые, но относительно приличные (по местным деревенским меркам) штаны, светло-серая рубаха, настолько русская, что даже неловко – вышитый воротник и подпояска из крученого шнура. Стоптаные и облезлые сапоги – подарок от доброго Никитича. Угадайте, кто это? Нет, не сельский комсомолец идет в город учиться. Прощу любить и жаловать – Сергей Вышинский, бывший менеджер по продажам, бывший игровик Вышата, а сейчас – сектант и батрак в деревне 1925 года Сярежа. Уже ровно три недели. Судьба...

Топ-топ-топ...

Дареные сапоги оказались хоть и разношенными (а в одном месте даже с дыркой), но относительно мягкими и удобными. По непонятной Сергею причине были они из натуральной кожи, а не из кирзы. Хотя вроде бы именно кирзовые сапоги – самые дешевые. И вообще чуть ли не символ Советского Союза. Никитич вовсе не знал ничего о таком загадочном материале, как кирза. Странно...

Топ-топ-топ...

Многовато странностей накопилось. Червонцы, церковь при большевиках, неизвестна кирза, Сталина (Сталина!) Никитич «не припоминает», святой Илья Муромец, белогвар-

дейцы-террористы. Очень, очень много странностей... Что все они должны значить? На досуге нужно все обдумать и найти каждой объяснение. Или одно общее объяснение для всех. Оно уже просто само собой напрашивается, но как-то не хочется, чтобы оказалось правдой. Лучше прошлое, приятно хоть немного чувствовать себя пророком...

Топ-топ-топ...

Идти до Загорок часа два, есть время составить план действий. Первое (по списку, но не по значению) – найти отца Афанасия, ага. Отдать ему свечки и отвязаться от поручения. Второе – найти библиотеку.

Приятно, конечно, думать, что артефакт окажется у бабки Алены. Но глупо надеяться. Нужно рассчитывать на то, что придется идти по следу либо артефакта, либо местных магов очень долго. А значит, нужно запастись информацией. А то чувствуешь себя лохом... Ближайший же источник знаний – загорская библиотека, которая называется конечно же не библиотекой, а избой-читальней. Все здесь не как у людей...

Вот там, в этой самой избе, нужно порыться в газетах и составить примерное представление о стране и особенно о структуре власти. Найти Сталина. А то непонятно, почему его Никитич не знает. Сталин нужен. Вдруг все-таки можно будет улучшить момент и попасть к нему, рассказать о будущем. Авось чего обломится. Министром делать не надо, но может быть, хоть денежек отсыпет.

Топ-топ-топ...

Третье же (по списку, а по значению – первое!) – найти Алену. Сергей представил себе: входит он в избушку... Нет, не на курьих ножках! Потряс головой, успокаивая разыгравшуюся фантазию. В обычную избушку, встречает его...

Баба-яга.

Блин, посмотрелся сказок! Обычную деревенскую ведьму представить не могу! Воображение услужливо подогнало ему образ ведьмы из женского фэнтези: рыжую, наглуую стерву. Не-ет, от такого счастья тоже избави Бог! Читать про такую – забавно, а вот общаться... Пусть свой юмор на других оттачивает! Остается надеяться, что такая ведьма – плод фантазии и в жизни не встречается. Иначе хана.

Топ-топ-топ...

Дорога изогнулась хитрой буквой и повернула направо. Сергей продолжил борьбу с воображением.

Наконец удалось представить бабушку-колдунью как обычную деревенскую старушку. Ну и пусть она была вся в черном. Подходит он, Сергей, значит, к ней и говорит... Нет, сначала здоровается вежливо. Спрашивает, как здоровье, потом говорит, я: мол, по делу. Ага, пошло...

Топ-топ-топ...

Спрашивает, значит, не знает ли она о местонахождении некоего предмета, чрезвычайно потребного... Да, примерно вот так, только более человеческим языком.

Дальше Сергей отдался на волю фантазии. Можно же немного помечать? В мыслях бабка лезла в огромный око-

ванный железом сундук (попавший в фантазию все-таки из сказок про Бабу-ягу) и доставала артефакт, завернутый в тряпочку. Примерно в такую, в которую завернуты свечи в сидоре... Кстати, почему тетка Татьяна назвала ее холстинкой? Холст – это же то, на чем картины рисуют? Интересно...

Топ-топ-топ... Блин, да где эти Загорки?! Уже час плетуть!

Сергей обнаружил, что несколько отклонился от, кхм, планирования общения с бабушкой. Значит, достает она артефакт, разворачивает тряпочку-холстинку, кладет он руку на ту сторону, где написано: «Обратно»... Или «Туда»? Что-то забыл... ладно, на месте вспомнит... Кладет он руку, и хоп! Он уже опять в родном, привычном и уютном двадцать первом веке. Где все говорят по-русски, а не по-чертзнаеткаковски. Где не надо работать в поле, а можно спокойно просиживать в офисе. Где есть Интернет и телевизор. Где если тебе и набьют морду, то родные гопники, а не злобные белогвардейцы. Меча, правда, нет... Конунг убьет...

Топ-топ-топ...

Сразу возникнет проблема, как добраться до Москвы. Прошло-то уже две недели, ребята давным-давно уехали, а денег нет. Придется звонить кому-нибудь, просить помочь уехать из проклятых Загорок. Стоп. А куда именно он вернется? В смысле, в какую пространственную точку? По логике, он должен оказаться рядом с артефактом, то есть в Загорском музее. Но ведь здесь-то он почему-то оказался в лесу...

– Ага!

Ой, блин...

Из кустов поднимался... Андрюха!

– А, сяктант! Вот ты мне и попался!

Блин... Ну чего ему нейдется? Взрослый мужик, воевал, а ведет себя, как подросток, которого в классе шпыняют, и он ищет, над кем самоутвердиться. Нашел самого молодого...

– Думал, за Никитицем спрятаться? Сейчас я тебе покажу!

А довольный-то какой! Даже шрам как будто улыбается. Еще бы, видимо, шел Андрюха в Загорки злой, недовольный, устал, присел отдохнуть на камне (вон, здоровенный, серый, бок из кустов показывает), а тут такое счастье – мальчик для битья мимо идет!

Сергей шагнул назад и перехватил поудобнее палку. Тот самый деревянный меч. Тщательно ошкуренный еще утром.

Противник увидел движение, ослабился, как волк. Шрам на лице налился кровью.

– Ня балуй... – прошипел Андрюха и выхватил из-за ремня револьвер. Рисуясь, перебросил его в левую руку. В правую. В левую...

Огнестрельное оружие, как известно, уравнивает шансы бойцов. Неважно, насколько ты быстр, владеешь ли приемами карате или фехтуешь, как бог, не имеет значения твоя сила или ловкость. Главное, у кого ружье.

Вот только одно замечание...

Самое главное, чтобы тот, у кого ружье, находился хотя бы на сантиметр дальше предельной дистанции взмаха мечом. Пусть даже деревянным.

Р-раз!

Хрустнули перебитые пальцы. Револьвер, кувыркаясь, упал в траву. Андрюха завыл, как сирена, и бросился на подлого противника. Конечно, вместо того, чтобы покорно принять побои от такого героя, проклятый сяктант сделал больно. Очень больно.

Жжах! Гудящий полукруг!

Реакция на уровне: Андрюха успел отпрыгнуть. Сергей быстро скинул с плеч мешок и встал в боевую стойку. Совесть, некстати вякнувшая, что нехорошо бить палкой безоружного, быстро заткнулась. Андрюха подхватил с земли сук.

– А-а!

Боже, как глупо. Замах даже не как дубиной...

Бац! Бац! Хруп!

– А-А-А!

Простейшее дело: блок, выбить оружие из корявых рук и, завершая прием, ударить в шею. В последнее мгновение перед глазами мелькнуло лицо длинного беспризорника, рука дрогнула и меч (участвовавший в бою и заслуживший это гордое имя) ударил в плечо, с хрустом ломая ключицу.

Андрюха, покалеченный, отпрыгнул назад, упал, пополз, отталкиваясь каблуками сапог и завывая. Оперся на левую

руку, вскрикнул, кое-как поднялся... Повернулся к Сергею.

Тот стоял, чуть наклонившись, левая нога выставлена вперед, правая – позади, полусогнутая левая рука держит невидимый щит, правая отведена назад, деревянный меч дрожит в ожидании. Лицо Андриюхи искривилось, шрам теперь еще больше уродовал его, превращая в гротескное чудовище. Покалеченный вскочил, прорыдал что-то громкое и невразумительное и бросился бежать в сторону Козьей Горы. Кусты вскоре скрыли его спину.

Сергей выдохнул и сел на землю. Пот заливал глаза, пришлось утереться трясущейся рукой. Потом рукавом. Адrenalин продолжал бушевать в крови, но неприятная слабость уж подкосила ноги.

Вот это да... пусть и быстротечная, но вполне боевая схватка.

Этот урод вполне мог и застрелить (надо поискать револьвер)... и забить дубинкой, и просто затоптать ногами.

Повезло...

Как повезло...

Отдышавшись, Сергей поднялся, подобрал палку-меч (спасибо, дружище). Котомка валялась в отдалении. Узел не хотел развязываться: то ли туго затянулся, то ли руки дрожали. Свечи тихонько лежали в тряпочке, целые. Наверное, в шоке от произошедшего. А вот и мешочек с табаком... Кисет...

Пальцы тряслись и сворачивать самокрутку никак не хо-

тели. Получилось нечто, смахивающее на первые его свечи. Сергей чиркнул зажигалкой, той самой, из гильзы, и затянулся.

Несколько жадных затяжек, и сигаретоподобный монстр истлел до самых пальцев. Сергей даже не почувствовал вкуса табака, но нервы, получив привычное успокоительное, пришли в норму.

Револьвер... Надо подобрать револьвер... и валить отсюда... Пока Андрюха не привел дружков...

Долго искать не пришлось. Трофейное оружие лежало на обочине в невысокой траве, хмуро поблескивая стволом.

Сергей подобрал револьвер, хотел сразу спрятать в котомку, но заинтересовался. Никогда до этого не приходилось держать боевое оружие в руках... Разве что в «Call of duty». Но это не то: тяжелый (почти килограмм) револьвер, не сравнить по ощущениям с невесомой мышью...

Интересно, как он называется? Какой-нибудь кольт или магнум? Или смит-и-вессон? Никаких пояснительных надписей не обнаружилось. Недлинный ствол, под которым торчал совсем уж коротенький шомпол, полукруглая мушка. Барабан с семью желтенькими патронами почему-то никак не хотел открываться, как это показывают в фильмах... Кривая рукоятка с рифлением... Курок, охваченный круглой скобой... Крючок позади барабана. Вспомнились пояснения приятелей, как раз повернутых на оружии и не вылезавших с оружейных сайтов: то, что у револьвера торчит позади бара-

бана, – и есть курок, а то, что все называют курком, – спусковой крючок... Кажется, так...

Нет, названия трофея найти не удалось. Обнаружились некие цифры (видимо, серийный номер) возле барабана, еще одни – на скобе, вокруг спускового крючка. Над рукоятью – полустертое овальное клеймо «Императорский ту... ору... завод». Русский, что ли? Тогда пас, названия русских револьверов Сергей не знал. Даже не подозревал, что такие были.

Подавив мальчишеское желание нажать на курок (на крючок, в смысле) и посмотреть, что получится, Сергей завернул безымянный револьвер в ту самую холстинку и спрятал в котомку. Прямо как в компьютерной игрушке: победил противника, получил дроп... Или лут... В общем, трофей. Не настолько сильно увлекался Сергей игрушками, чтобы помнить всю терминологию.

Некогда думать и переживать – нужно валить отсюда. Чер... кто его знает, кого может встретить Андрюха по дороге. Наткнется на своих друзей-белогвардейцев, припрутся сюда и хана. А так хотя бы есть шанс добраться до людных мест.

Сергей вскинул котомку и зашагал по дороге к Загоркам. Люди не попадались, вышел Сергей поздногато, когда большинство уже отправилось в Загорки на воскресную службу. Однако дальше повезло: за спиной раздалось мерное топанье копыт (сердце остановилось, живот застыл – попал-

ся...), из-за поворота показался рыжий мерин Кузьмича. А за ним телега и сам Кузьмич.

– А, сяк-тант. В Загорки идешь? Садись, подвяжу.

Сергей присел на сено, Кузьмич чмокнул, и задумчивый мерин потащил вперед.

Сегодня печник был разговорчивее, чем в первую встречу. Понятно, тогда его мучило похмелье, а сейчас подбадривала ожидаемая рюмка у кого-нибудь из многочисленных знакомых либо родственников.

Сергею говорить не хотелось, поэтому нашедший свободные уши Кузьмич болтал за двоих. И про племянницу кумы Аннушку, у которой как раз сегодня «имянины», там его, Кузьмича, обязательно угостят, «потому что и вообще».

Именины, как недавно неожиданно для себя узнал Сергей, это вовсе не день рождения. Именины, они же день ангела, – день празднования памяти того святого, в честь которого назвали (вернее, крестили) человека. И с днем рождения они совпадают не всегда...

Поведал Кузьмич и об Андрюхе, который ковылял, несчастный, в Козью Гору. Обматерил Кузьмича в ответ на вежливый вопрос и двинул дальше. Хорошая новость...

То ли монотонное жужжание говорливого печника сокращало время движения, то ли нервы у Сергея шалили, не позволяя отвлечься на посторонние мысли, но Загорки появились неожиданно быстро.

Зеленый туннель кустов неожиданно раскрылся, дорога

скользнула вниз по длинному склону, и вот они – Загорки – перед остановившейся на минуту телегой. Поселок, в который Сергей должен был попасть 14 июля 2010 года, а добрался 27 июня 1925 года. За 85 лет до... Вот бред.

На огромном открытом пространстве, скомканном зелеными складками холмов, рассыпались маленькие коробки домов: крыши, покрытые бурой соломой, как в Козьей Горе, и с непонятной мелкой серой чешуей, и стальные, как у Никитича. Все домики смотрелись основательно, как вросшие в землю валуны. Пока на глаза Сергею откровенные развалюхи не попадались. В центре наблюдались даже двухэтажные дома... двухэтажные? Ничего себе, крестьяне живут! Что-то Сергею не припоминались случаи, чтобы в двухтысячных крестьяне жили в таких доминах. А еще Сталин разорил крестьян... Может, еще не успел?

– А где школа? – вырвалось у Сергея раньше, чем он успел понять, к чему он это спрашивает. Действительно, единственного знакомого ему загорского строения почему-то не было видно.

– Какая школа? – удивленно обернулся Кузьмич. – Отродясь в Загорках школ не было. Зямскую собирались открыть, да так руки и не дошли, а церковную... так батюшка наш уже в возрасте, не потянул бы...

К слову о батюшке. Сергей пропустил мимо ушей непонятный термин «зямская школа» и оглядел панораму Загорок. Ага, вон и церковь: темный купол с крестом торчит в

центре поселка.

– Кузьмич, – тронул он за плечо, – ты мимо церкви не поедешь?

– Нет, – мотнул возница бородой, – мне вон туда.

Он указал совсем в другую сторону.

– А тебе к чему?

– Да Никитич просил батюшке кое-какой товар отвезти.

– Никитич? Батюшке? – ошалело развернулся Кузьмич. – А... Это... У них с батюшкой... разве батюшка...

– Свечи, свечи восковые. – Сергей сообразил, что Кузьмич как-то неправильно его понял. Видимо, решил, что батюшка связан с ночными походами Никитича.

– А, свечи. А я-то было... подумал... решил...

Сбившись, Кузьмич хлопнул поводьями, телега медленно поползла вниз по склону. Мерин порывался пуститься вскачь, но бдительный возница его придерживал. Иначе действительно разгонится, а тормоза в телегах не предусмотрены. И себе коняга ноги переломает, и пассажиров в канаву вывернет...

Путники спустились по склону, пересекли мостик через медленный ручеек и остановились.

Спрыгнув с телеги и попрощавшись с Кузьмичем, Сергей потянулся и огляделся. Длинная, судя по ширине, центральная улица, в начале которой они остановились, круто поднималась на холм и пропадала из поля зрения. Отсюда определить ее длину было нельзя. Не Ленинградский проспект,

конечно, но после Козьей Горы – практически центральный бульвар столицы. Между двумя стоящими на верхушке домами, как мушка в прицеле, торчал купол церкви. Первый пункт назначения.

Сергей поднялся на холм, там улица стекала вниз, пыльная, утоптанная, и разливалась в центральную площадь Загорок. Слева стояла церковь.

Невысокая, дощатая, когда-то выкрашенная тускло-зеленой краской, сейчас изрядно стертой дождями, снегами и временем.

Сергей двинулся к ней, разглядывая первый после Козьей Горы населенный пункт двадцать пятого года. В принципе, насколько мог судить городской житель, Загорки немногим отличались от поселков двадцать первого века. Разве что нет столбов с проводами, над домами не торчат телевизионные антенны, не видно ни автомобилей, ни тракторов... Кучки людей после малолюдства Козьей Горы воспринимались как толпы. Одежда не отличалась от козьегорской: те же сапоги, те же длинные юбки, платья, разноцветные косынки и платки у женщин, те же мешковатые штаны, рубахи-косоворотки и кепки-картузы у мужчин. Никого, резко отличающегося от общей массы: ни красноармейцев в этих... как их... буденовках и комиссаров в кожанках, ни девчонок в топиках и парней в джинсах.

Нет, подумалось Вышинскому, все-таки это не розыгрыш. Слишком уж много людей должно быть задействовано... До-

ма опять-таки построены...

В отличие от Козьей Горы, где дома были произвольно раскиданы по косогорам, здесь они тянулись вдоль обеих сторон улицы почти по линейке. Кряжистые, массивные, темные даже под солнцем, они смотрели на шагающего Сергея низкими маленькими окнами. Казалось, огромные ленивые животные глядят из-под нахмуренных бровей на неизвестного гостя. Заборы возле домов, как и в Козьей Горе, были только от «добрых людей» – две жердины, приколоченные к столбам. Кое-где разбитые под окнами палисадники – маленькие такие клумбы с цветами – были огорожены низеньким плетнем, высотой чуть выше колена.

Сергей шел по улице, а вокруг кипела обычная жизнь.

...Около одного из заборов играли дети, пищащая команда азартно закручивала маленькими кнутиками деревянный цилиндр с заостренным концом – кубарь. Тот лихо вертелся волчком, показывая, откуда взялось выражение «покатился кубарем»...

...От одного из домов, как из-под земли, выскочила кудлатая собачонка и потрусила за Сергеем, иногда хрипло влзлаивая. Черная, облезлая, с надсадным хрипом, на одном глазу – мутное бельмо. Чего она привязалась?..

...Вот справа торчит высоченная жердь колодезного журавля – конструкции, похожей на подъемный кран, с помощью которой опускали и поднимали ведра из колодца. Журавль торчал неподвижно, никто воду не доставал, однако

возле колодца стояли несколько женщин и что-то обсуждали...

...Собачонка еще раз тьякнула, победно задрала баранку хвоста и отправилась назад. Как же, герой, прогнала врага от родной хаты...

...Мимо бежала маленькая девочка в белой косынке, пискнула: «Здравствуйте» – и пошлепала босыми пятками дальше...

Уф, вот и церковь. Длинная была улица.

Возле входа торчала группа молодых парней. Они неприязненно покосились на подходившего к крыльцу Сергея.

– А батюшка здесь?

Парни поглядели чуть ли не с ненавистью (чего это они?). Наконец один, медно-рыжий, видимо главарь, нехотя пробурчал:

– Тама.

Сергей поднялся по ступеням, потянул за ручку и вошел в темное, прохладное после летнего тепла помещение...

Церковь... Желтоватые бревенчатые стены, узкие окна... Пахнет ладаном (наверное) и теми самыми свечами из воска... На стене напротив дверей висят иконы, темные, с еле заметными ликами святых... Никого...

– Есть тут кто? – Сергей спросил так тихо, что сам себя еле расслышал.

Бесшумно открылась дверца справа от... иконостаса... кажется, так называется эта стенка. В темном проеме пока-

залась низенькая фигура...

Сергей не представлял, как должен выглядеть деревенский поп, однако здешний его удивил.

Отцу Афанасию было на вид лет сто, ну, восемьдесят точно. Низенький, коренастый, он удивительно походил на мастера Йоду из «Звездных войн». Лысина, светившаяся сквозь редкий пушок седых волос, покрыта коричневыми старческими веснушками. Морщинистые руки, тоже пятнистые, сжимали рукоять палки. Реденькая седая борода мелко дрожала от старости. На кнопке носа висели большие круглые очки. Он, казалось, тихонько улыбался.

– Э... – не сразу нашелся, как представиться этому чуду, Сергей, – добрый день... святой отец.

Священник оперся на трость, став еще больше похожим на Йоду. Казалось, сейчас произнесет: «В дом скромный мой привело тебя что, юный падаван?»

– Бенедикат вос, ми фили, – важно кивнул священник.

Чего?..

– Э... Э... – ошарашенный непонятым приветствием Сергей растерял весь словарный запас.

– С чем пришел, сын мой? – Было ощущение, что священник трясется не от старости, а от сдерживаемого смеха.

А с чем я пришел? Ведьму... в смысле, колдунью ищу. Ну еще свечи отдать.

Сергей отдал свечи и попытался окольными путями выспросить, где живет бабка Алена. Батюшка хитро жмурился

и усмеялся чему-то своему. Наконец Сергей мысленно махнул рукой и попросил показать ему, где находится здешняя власть. Батюшка вызвался провести.

Они подошли к выходу. Из открытой двери в тишину и прохладу церкви ворвались теплый воздух летнего дня, яркий солнечный свет, запахи травы и цветущих деревьев, а также противный голос, мерзко заоравший: «Ня надо нам монахов, ня надо нам попов!»

Громкий хор вразнобой подхватил: «Мы на небо залезем, разгоним всех богов!»

Те самые парни, что так неприязненно смотрели на Сергея, теперь орали болотными лягушками дурацкие лозунги. Чего это они?

Отец Афанасий зажмурился навстречу солнцу и, улыбаясь, начал спуск со ступеней. Сергей шел рядом, не зная, то ли поддержать священника за руку (все-таки старенький), то ли не надо (все-таки шагает он довольно лихо для столетнего).

Спустившись, священник двинулся на замолкшую толпу. Парни медленно, нехотя, но расступались. Тут один из них, тот самый рыжий главарь, выскочил наперерез батюшке и заорал чуть не в лицо:

– Бога нет!.

Отец Афанасий остановился и оглядел его с веселым интересом натуралиста, нашедшего в болотной жиже неизвестную, возможно, ядовитую, но занимательную тварь.

Комсомольцы, что ли? Кажется, в двадцатые годы они так себя вели. Священников оскорбляли, церкви взрывали, иконы жгли... Или нет?..

Главаря, видимо, спокойствие священника бесило, но сделать что-то серьезное он, похоже, побаивался. Оглядев свою молчаливую банду, Рыжий еще раз рявкнул:

– Бога нет!

Братва поддержала почин невразумительным гулом, но продолжать не стала.

– Я вам батюшку обяжать! – погрозил палкой проходивший неподалеку мужик.

Толпа слегка сдулась. Видимо, их выступления взрослыми не поощрялись, можно было и той же палкой по хребтине огрести.

Рыжий, поняв, что концерт провалился, плюнул под ноги батюшке и прошипел:

– Когда ты уже сдохнешь, старый хрен?

Батюшка беззаботно прищурился:

– Каждый уходит к Богу в свой черед. Вот ты, например... – Конец трости указал на грудь главаря. – И двадцати лет не проживешь. Убьют тебя нехристи.

Рыжий вздрогнул и попятился.

– А меня? – высунулся из-за плеча главаря губастый парень с наглой мордой.

– И тебя, – безмятежно проговорил священник, – вот он убьет.

Трость опять указала на рыжего.

Сергей машинально подсчитал: через двадцать лет – сорок пятый год. Не прожить эти двадцать лет, значит, где-то сорок третий – сорок четвертый. Ну да, немцы и убьют. Только зачем он своего дружка будет убивать? Непонятно...

Трость священника описала круг, как бы примериваясь, на кого еще послать мрачное пророчество. Парни отступали от нее, как от ядовитой змеи, круг расширялся. Наконец молодые люди не выдержали и начали расходиться. Последним остался стоять Рыжий, побледнел, на носу проступили веснушки.

– Посмотрим... – пробубнил он, резко развернулся и пошел прочь.

Батюшка преспокойно двинулся дальше. Сергей поплелся за ним.

Понятно, почему мужики за батюшку не заступились. Его, пожалуй, обидишь... Интересно, он просто пугал или правда будущее может предсказать? Случись такое раньше, Сергей только посмеялся бы, но сейчас, после попадания в прошлое, поверишь и в летающие тарелки, и в черта лысого с рогами... Одно дело, когда ты провалился в прошлое и теперь, воображая себя пророком, можешь хвастать перед слепыми предками знаниями о том, что будет. И совсем-совсем другое, когда ты сам сейчас услышишь собственную (не страны, не Сталина!) судьбу...

– Батюшка... – спросил Сергей, обмирая от возможно-

го предсказания будущего. – Батюшка... А можешь... можете... А когда я...

– А тебе зачем? – усмехнулся своей хитрой улыбочкой священник. – Ты-то своей смертью умрешь...

Сердце подпрыгнуло и чуть не остановилось. Вот и поди пойми, то ли батюшка от старости плетет ерунду, то ли и правда будущее видит...

Задумаешься...

Странная парочка – старичок-священник и бородатый высокий парень с котомкой за плечами – пересекла площадь и подошла к длинному дому, стоявшему аккурат напротив церкви.

– Вот они, новая власть, – усмехнулся тонкими губами батюшка, – безбожники...

– Как же вы с ними уживаетесь? – Сергея поразили сам факт нахождения церкви и большевиков в одном поселке. А тут они вообще чуть не рядом стоят.

– Всякая власть от Бога... – Улыбка мешала понять, всерьез отец Афанасий говорит или шутит. – Одному – в утешение, другому – за прегрешения...

Сергей хотел было уточнить этот вопрос, но батюшка, продолжая добро улыбаться, развернулся и посеменил обратно к своей церквушке.

«Это что, он чисто меня проводить ходил? Не мог рукой показать, вон туда: мол, идти? Ну и батюшка!»

Над широкой дощатой дверью висел потрепанный, ко-

гда-то красный, а сейчас выгоревший до светло-розового транспарант с большими серо-белыми буквами: «Загорский волисполком».

Интересно, что это может значить? Понятно, что сокращение, вот только как это расшифровать?

Загадочный волисполком мысленно разбился на три части: «вол-испол-ком», Сергей задумался над значением каждой, и они тут же перемешались и превратились в «волис-полком». То есть какой-то загадочный Волис, видимо, командовал полком, запись о чем и оставил на транспаранте...

Сергей встряхнул головой, выкинул ненужные сейчас размышления и вошел внутрь.

Темный коридор тянулся вглубь, там изгибался хитрым углом и терялся из виду. До перелома в стенках виднелись в полумраке две двери: справа и слева. Обе абсолютно одинаковые: широченные, сколоченные из толстых досок, с двумя толстыми деревянными поперечинами и здоровенными деревянными ручками. Ну и в какую зайти?

Левая дверь хранила таинственное молчание, а вот из-за правой слышались некие звуки, бормотание, тихие ругательства. Может, заглянуть? Там явно кто-то есть...

Сергей потянул ее... Потом потянул сильнее... Потом дернул. Дверь сказала «чпок» и резко распахнулась.

Сумрачное помещение, слева стол, как и вся мебель здесь, сколоченный из толстенных досок. Столешница завалена бу-

магами, поверх которых скромно лежит револьвер. Почти точная копия трофейного, что в котомке. А может быть, и точная – в полумраке комнаты видно плохо. Стена за столом сплошь заклеена плакатами, выглядевшими, как страницы из комиксов (комиксы? у большевиков?). В глаза бросался один пожухлый плакат, на котором из-под розовой милой маски выглядывало огромное жирное мурло толстяка в цилиндре...

– Товарищ, вы по какому вопросу? – раздалось справа.

Сергей повернулся, у окна стоял...

Фашист?

По крайней мере, выглядел стоящий в точности, как гитлеровец в военных фильмах: начищенные сапоги, этакие забавные брюки, раздувающиеся по бокам парусами (га... га-лифе... кажется), белая рубашка с закатанными рукавами, широкие черные подтяжки... Сергей поднял взгляд выше. Лицо тоже соответствовало стереотипу: квадратная челюсть, светлые волосы (белокурая бестия), прозрачные глаза...

– Вам чего надо? – цокнул по-песковски «фашист», чем сразу разрушил образ оккупанта. Просто белобрысый парень, даже ненамного старше Вышинского, немного странно одетый...

– Чит... Изба-читальня... – пролепетал Сергей. Уж больно цепко вглядывался в него местный начальник. («Волис?» – мелькнула абсурдная мысль.)

– А... Направо по коридору вторая дверь.

Сергей повернулся к выходу...

– Стоять! Ты кто такой?

– Я, это... – забормотал немного испуганный Сергей, – из Козьей Горы...

– С Козьей?! – в глазах начальника (как он правильно называется?) вспыхнула подозрительность, тут же, впрочем, сменившаяся пониманием. – А, сяктант... Иди.

Сергей повернулся...

– Стоять! Как зовут?

– Се-сергей... Вышинский...

Страх впился в сердце ледяной иглой. Никогда ранее Сергей не видел, как белеют от ненависти глаза у человека. Казалось, их затянул смертельно холодный иней.

– Поляк?!

Начальник (уже гораздо больше похожий на фашиста) странно перекрестился: его рука несколько раз хватанула воздух у правого бедра, потом у левого... Сергей с ужасом понял, что он ищет рукоять сабли или пистолета. Сейчас начальник вспомнит, где лежит револьвер, и его, Сергея, будут убивать...

– Нет! – отчаянно выкрикнул он. – Не поляк! Белорус!

От страха в памяти всплыли, казалось бы, прочно забытые рассказы отца о происхождении фамилии.

Иней в глазах начал отступать.

– Белорус?

– Да, да, да! – закивал Сергей. – Просто фамилия похожа

на польскую. Как у... как у...

Как назло, все похожие фамилии напрочь смыло из памяти. Мелькал только Дзержинский, который удачным примером не был.

– Белорус?

– Да!

– Иди. Вторая дверь направо.

Дверь закрылась. Сергей прислонился к ней мокрой от пота спиной. Ну и дела... Чуть за собственную фамилию не убили... Чего у начальника такая аллергия на поляков?

На дрожащих ногах Вышинский отправился искать вторую дверь направо. Коридор повернул, изогнулся, вот и дверь. Такая же, как и та, за которой стоял несостоявшийся убийца. Уже и эту открывать страшно...

Может, ну ее, эту библиотеку, в смысле, читальню? Дойти до ведьмы, то есть колдуньи Алены, вдруг у нее найдется артефакт, вернуться назад и забыть все это как страшный (очень страшный) сон. Пусть герои книжек предупреждают Сталина, изобретают автомат Калашникова, убивают Гитлера и Хрущева и перепевают песни Высоцкого... Он, Сергей, не герой ни в каком смысле. Пусть здешние сумасшедшие сами разбираются между собой...

А если у Алены нет артефакта? Или она даже не знает, где он? Ведь придется жить еще какое-то время. А тут шастают террористы, ревнивые мужья и безумные полякофобы. Нет, читальня нужна. Нужны знания о мире. Иначе в следующий

раз просто грохнут. И фамилию не спросят...

Сергей взялся за ручку двери. Страшно... Кто его знает, что ждет внутри... Он резко выдохнул, как перед нырком в холодную воду, и распахнул дверь.

Слева от двери стоял стол. Такой же, как в помещении местного начальника. Вот только здесь он не казался таким уж огромным. За столом восседал...

На мгновение Сергею показалось, что он провалился не в прошлое, а в какой-то безумный фильм, в котором смешались все киногерои разом: священник – мастер Йода, начальник – фашист Ганс, а теперь еще и библиотекарь – Илья Муромец.

Здесьний книгохранитель действительно выглядел в точности как богатырь из старого фильма-сказки. Огромный торс, мощные руки, волосы, каштановой волной падающие на плечи, окладистая борода колечками. Пронзительный взгляд темно-синих глаз. Казалось, гигант так и рывкнет сейчас: «Коршун ты чебуркуевской!»

– Добрый день! – рывкнуть не рывкнул, но будь голос чуть погромче, и деревья бы пригибались.

– З-з-здравствуйте... – После общения с полякофобом-начальником Сергей начал бояться людей. Особенно больших.

Широченная, как лопата, ладонь протянулась в жесте приветствия. Сергей шагнул вперед, протягивая руку навстречу...

Интересно, не вовремя проснулось чувство собственного достоинства, обиженное всеми сразу, начиная с Ингвара и заканчивая начальником, – почему это я должен к нему подходить, чтобы руку пожать? Здоровый, да? Чуть приподняться не может, лень задницу от стула оторвать...

Богатырь, действительно, даже не подумал приподниматься. Было в нем что-то неправильное, но что, Сергей не успел понять. Возмущение кипело и бурлило.

– Данила, – добродушно пробасил богатырь.

– Сергей... мм... Вышинский... – настороженно ответил наш герой. Кто знает, может быть, тут все ненавидят поляков?

– С Павлом пообщался? – хохотнул догадливый Данила, кстати, судя по всему, ровесник Сергея.

– Откуда...

– Да уж больно испуганно ты фамилию назвал. Да и слышал я его крик...

– За что он так поляков не любит-то?

– Так он в двадцатом в плену в их концлагере, в Тухоле, побывал...

– А-а... – понимающе протянул Сергей, на самом деле ничего не поняв. Концлагерь? У поляков?

Концлагерь у Сергея ассоциировался только с немцами. Ну, в крайнем случае, с большевиками. Уж никак не с Польшей. Все страньше и страньше...

– А ты, Сяргей, откуда?

– Из Козьей Горы. – Сергей внутренне поразился тому, как привычно он произнес это название. Это он-то, москвич!

– А, сяктант...

– Ну да...

– Почитать пришел? Только учти, библий мы не держим.

Шутник, блин...

– Да нет, мне бы газет... Нам в секте газет не давали...

Вот хочу узнать, что за ситуация в мире и стране...

Данила оживился:

– Про революцию хоть слышал?

– Ну да... Кто ж про нее не слышал...

– В мире сейчас капитал процветает, душит рабочих, крестьян. У нас в стране революция победила, строим мы страну, где угнетения нет и не будет...

Ну-ну... Данила начал разочаровывать. Сергей помнил то светлое будущее, которое построил в этой стране чуть позже товарищ Сталин... Кстати, о товарище Сталине...

– Постой, – прервал Сергей горячую речь, – мне бы газеты посмотреть. Уж больно интересно, что за люди такую неподъемную задачу на себя приняли...

– И не только приняли! Делают!

Данила махнул рукой в сторону мощного, как он сам, деревянного стеллажа, на котором лежали худосочные стопки газет. Сергея опять задело: здоровенный молодой парень сидит в библиотеке (ну пусть читальне!) вместо того, чтобы трудиться. Хорошо устроился! Работа непыльная – выдавай

книжки, газеты разные да вешай на уши лапшу о том, как хорошо будет жить при коммунизме...

Сергей, мысленно кипя, шагнул к полкам... Успел подумывать, что для полного комплекта, хаму Даниле осталось вытянуть ноги... Успел сообразить, что ноги и так должны торчать из-под небольшого столика до середины комнаты... Подумал о том, куда же Данила их спрятал... Оглянулся...

Все возмущение улеглось мгновенно и остыло. Сергея бросило в дрожь. Холод, морозный холод жуткого стыда...

У Данилы не было ног.

Видимо, Сергей слишком пристально уставился на ноги, вернее, на то место, где они должны были быть.

– Что смотришь? – усмехнулся Данила. – Нету у меня ног, нету.

– А...

– На войне.

Ну да. Сергей вспомнил – в это время малейшая рана и сразу все, хана. Гангрена.

– Ранили? – сочувствующе спросил он.

– Не-а, – махнул головой библиотекарь, – казаки шашками отрубили.

– В бою? – В представлении Сергея казаки и такая зверская жестокость не очень сочетались.

– Да нет, в плену. Сказали, чтобы слишком шустрым не был. Хорошо, что наши отбили, а то бы кровью истек.

Брр... Как это возможно? Казаки, они же должны рус-

ский народ защищать. А более русского, чем обычный мужик-крестьянин, Сергей не мог представить. Казаки мужика защищать должны, а не ноги отрубать... Нет, лучше не думать об этом... Вернемся к тому, зачем пришли.

Теоретически государственное устройство любой страны, с персоналиями, можно описать за полчаса. Ну максимум за час. Вместе с безногим Данилой Сергей разбирался в принципах Страны Советов несколько часов, до самого вечера.

Первое, что понял в этом устройстве Сергей, – большевики двинулись на переименовании всего и вся. Не было ни одной более-менее серьезной должности, которая после революции не получила бы другое, иногда совершенно непредсказуемое название. Второе – не меньше большевики двинулись на сокращениях. Бойцы, наркомы, командиры, шкрабы, полпреды, наркомюст, вэсээнха и тому подобное...

Начать он попытался, казалось бы, с простой вещи – кто управляет страной. Получив в ответ предсказуемый ответ – народ, Вышинский начал ходить вокруг да около, пытаясь выяснить для начала название главной должности в стране. Президентов Данила категорически отверг, заявив, что они только у буржуев. А других вариантов не знал уже Сергей. Можно было, конечно, прямо спросить, какую должность занимает товарищ Сталин, однако не стоило показывать подозрительную для сектанта осведомленность. Наконец до Сергея дошло, что раз Сталин занял должность Ленина, то нужно узнать, какую должность тот занимал. Вот тут и началась

вся путаница...

Правительство СССР называлось Совет народных комиссаров или сокращенно (ну еще бы!) Совнарком. Главой его был председатель, он же предсовнаркома. То есть, подумал Сергей, в переводе на нормальный русский язык, премьер-министр. Изначально этот пост занимал дедушка Ленин, а после его смерти... Не Сталин.

Предсовнаркома был некий неизвестный Сергею товарищ Рыков. Судя по мутноватой фотке в газете – приятный мужчина лет сорока, с аккуратной бородкой, чуть побольше ленинской. То есть ни фига не Сталин. Даже не похож.

Придя в себя после первого изумления, Вышинский предположил, что, возможно, товарищу Рыкову недолго осталось, а вот после него уже к власти придет Сталин, который, возможно, сейчас зам Рыкова или один из министров Совнаркома. А никто про Рыкова не помнит из-за его краткосрочности. Говорила же молодая практикантка, заменяющая учительницу истории, что после Брежнева к власти пришел Горбачев, а Андропова и Черненко можно не считать – слишком недолго правили.

Заместители у Рыкова действительно были. Целых два. Товарищ Каменев и товарищ Цюрупа. Первый – абсолютно неизвестный, второй смутно припоминался как герой какой-то замшелой шутки («Товагищ Цюгупа!»). Оба, естественно, тоже не Сталины. Сергея зацепило, и он начал методично вместе с Данилой перебирать весь Совнарком и со-

предельные структуры в поисках неуловимого Сталина.

Обрадованный энтузиазмом неофита, Данила спрыгнул со стула и, ловко переваливаясь на культях, подскочил к стеллажу. Пристыженный Сергей пытался отказаться от помощи, однако библиотекарь не обращал внимания на робкие попытки, ловко стаскивая с полок новые стопки прессы. Про каждого человека на фото он рассказывал, не только называя должность, но и уточняя, что тот сделал для блага революции. Сергей, узнав, что на самой вершине власти Сталина нет, предположил, что, по-видимому, тот взял имя Сталин чуть позже, а сейчас пользуется какой-то другой. Поэтому приходилось обращать внимание не только на фамилии, но и на внешность. Ее-то Сталин не смог бы поменять, слишком уж характерные приметы: усатый грузин с трубкой.

Газеты шуршали, мелькали страницы, фотографии, заголовки статей, названия стран и учреждений... Фамилии, фамилии, фамилии...

Всего в Совнаркоме Сергей нашел десять министерств, обозванных наркоматами, то бишь народными комиссариатами, во главе которых вместо министров стояли, понятное дело, народные комиссары, сокращенно называемые наркомы. Здесь Сергей хихикнул, потому что при нем до сих пор «наркомы» называли наркоманов.

Кстати, стала понятна страсть к переименованию. Данила объяснил, что прежние названия напоминали о старом времени, поэтому приходилось придумывать новые: наркомы

вместо министров, к примеру. Действительно, в описании Данилы царские министры представляли такими мерзкими – сальными, глупыми, хапающими взятки, – что будь Сергей в большевистском правительстве, он первый бы отказался называться министром. Чтобы все люди, услышав «министр Вышинский», сразу представляли себе жирного дурака-взяточника? Вот уж нет!

Министром иностранных дел, то есть, простите, конечно же наркомом, наркоминделом был некто товарищ Чичерин, Сергею незнакомый. На фото он был лысоватым дяденькой с ленинской бородкой и выпученными глазами, на Сталина не похожий.

Военным министром, наркомвоенмором (народным комиссаром по военным и морским делам) являлся товарищ Фрунзе, человек с явно кавказской фамилией. Сергей уже было воспрянул, решив, что это – псевдоним Сталина. К тому же смутно припоминалась в Москве улица Фрунзе, а также, кажется, город с таким названием. Правда, Сергей ни за что не смог бы сказать, город ли назвали в честь Фрунзе или Фрунзе – в честь города. На должность тот встал недавно, буквально в этом году, поэтому фотографию искали долго. Вместе с ней пришло и разочарование: товарищ Фрунзе не был похож не только на Сталина, но даже и на кавказца – вполне русское лицо, аккуратные усы...

Потом всплыл нарком внешней торговли, товарищ Красин – залихватский суворовский хохолок на макушке, бород-

ка (странно, само словосочетание «бородатый большевик» казалось Сергею нелепым), немного забавные острые уши... Нет, не Сталин...

За ним – товарищ Шейман Арон Львович, нарком внутренней торговли. Сергей даже и фотографию смотреть не стал, и так понятно, что сей товарищ на роль Сталина «по профилю» не подходит.

Следом нашелся товарищ Рудзутак, который, несмотря на фамилию, на прибалта не был похож, в особенности бородой (а как же!). Трудился он наркомом путей сообщения. Не Сталин...

После Рудзутака Сергей понял, что немного тонет в этих неважных наркомах, встретить среди которых товарища Сталина было нереально: нарком почт и телеграфов товарищ Смирнов, нарком труда товарищ Шмидт (несмотря на фамилию, вполне русская внешность, чем-то напоминал актеров из фильмов годов пятидесятых, и без бороды, как ни странно), наркомфин (финансов то бишь)...

При упоминании финансов Сергей подобрался – возможно, Сталин окопался именно здесь, деньги, как известно, правят... Ан нет. Наркомфин носил заковыристую фамилию Сокольников-Бриллиант. Представить Сталина с таким псевдонимом Сергей не смог. Да и на найденной картинке было видно, что у товарища с хитрой фамилией черная узкая бородка и высокий лоб. Не похож...

Товарищ Куйбышев, глава хитрого ведомства – наркомата

РКИ, или рабоче-крестьянской инспекции, – Сергея немного напугал. Внешностью Куйбышев крайне походил на Франкенштейна – здоровенная, просто огромная, квадратная челюсть, слегка безумный взгляд. Да и контора у него, судя по названию, особым человеколюбием не отличалась. РКИ, или Рабкрин, по словам Данилы, занимался проверками деятельности чиновников, выявлением бюрократов, финансовыми ревизиями... Увидев, что Сергея это заинтересовало, библиотекарь начал было рассказывать всю историю ведомства, но наш герой, уже понявший весь энтузиазм Данилы, остановил того как раз на словах: «Первым наркомом РКИ был...»

На Рабкрине список наркоматов Совнаркома СССР неожиданно закончился. Данила упомянул еще некий Высший совет народного хозяйства, ВСНХ СССР, который занимался вопросами промышленности. Сергей решил было, что это некий аналог министерства промышленности, только почему-то не входящий в структуру правительства. Но тут оказалось, что ВСНХ объединял различные тресты. Насколько Сергей помнил немногочисленные лекции по экономике (те немногие, на которых он присутствовал), трест – это форма монополии. Откуда в СССР взялись монополисты, да еще под управлением государства? В общем, ведомство было очень странным. Названия трестов тоже удивляли: «Главспичка», например. Представить людей, назвавших так собственное предприятие, Сергей не мог. И тут Данила его добил. Главой сей странной конторы оказался... Дзер-

жинский!

Да-да, тот самый Феликс Эдмундович, которому по всем историческим законам положено было быть главой милиционеров и чекистов! А он промышленностью занимается! Что за бред?! Что происходит?!

Странные деньги, белогвардейцы-террористы, Сталин не у власти, Дзержинский-промышленник! Что это значит?! Дзержинский должен быть главой этого... как его... НКВД, народного комиссариата внутренних дел. Стоп! А почему ни НКВД, ни вообще хоть чего-нибудь по внутренним делам в Совнаркоме нет?

Немного успокоившись, Сергей плюнул на конспирацию и начал трясти Данилу, требуя объяснений. Тот откровенно не понимал волнения Сергея. Ну Дзержинский, ну глава ВСНХ. Ну да, был он главой НКВД (ах, все же был!), и ЧК (ага, вот и чекисты!), и наркомом путей сообщения (что?), и главой комитета по борьбе с беспризорниками (что??). Что в этом такого-то?

Сергей потряс непонимающе головой. Дзержинский – промышленник и железнодорожник? И кто тогда сейчас глава НКВД, если не он?

Отчетливо вспомнились уроки истории из школы. Учительница истории, старая жаба, крайне похожая на Новодворскую всеми повадками, когда дошли до истории СССР двадцатых – тридцатых годов, прямо тряслась от злости. Кончилось тем, что ее надолго забрали в больницу с припад-

ком, но цепочка «кровавых палачей Сталина» в мозг оказалась вбита надолго: Дзержинский – Менжинский – Ягода – Ежов – Берия. Значит, глава НКВД – Менжинский? Раз уже не Дзержинский? И почему НКВД нет в Совнаркоме? Данила, отвечай!

Данила ответил, что НКВД в Совнаркоме есть, только не в Совнаркоме СССР, а в Совнаркоме РСФСР. Тут Данила решил объяснить попонятнее: «В Совнаркоме Российской Федерации». Сергею чуть плохо не стало. ОТКУДА в двадцать пятом году взялась Российская Федерация? Может, там еще Путин у власти??

Данила медленно, как тупому, объяснил: СССР – это союз, Союз Советских Социалистических Республик, а РСФСР – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, которая входит в состав СССР, как и другие пять республик: Украина, Белоруссия, Туркменская ССР, Узбекская ССР и Закавказская Федерация. У каждой республики – свой Совнарком. То есть свое правительство. Есть наркоматы общесоюзные, только в Совнаркоме СССР – НКВД, НКПС, наркомы по военным и морским делам, внешней торговли, почт и телеграфов. Есть наркоматы, которые есть и в союзном совнаркоме, и в республиканских: совнархозы (в Союзе – ВСНХ), наркомпрод, наркомтруд, наркомфин и Рабкрин. А есть наркоматы только республиканские: то же НКВД, а также наркомюст, наркомпрос, наркомздрав, наркомзем...

Никакого государства под названием Закавказская Федерация Сергей не знал. К тому же он помнил, что республик в Союзе было побольше, чем шесть, но пока с географией он решил не заморачиваться. Тут с политикой бы разобраться... Может, Сталин (пока) – глава Совнаркома РСФСР? А потом поднимется до уровня СССР? Он затребовал от Даниила расшифровки всех наркомюстов и наркомземов. Пошли по второму кругу.

Главой Совнаркома РСФСР был опять-таки неизвестный товарищ Рыков с заместителями Каменевым и Цюрупой. Данила вспомнил, что товарищ Цюрупа был еще и главой Госплана. Сергей отмахнулся, продолжили дальше по персоналиям.

Наркомзем, то бишь народный комиссариат земледелия, возглавил товарищ Смирнов. Но не тот, что был наркомом почт и телеграфов. Тот был Иван Никитич, а земледельный – Алексей Петрович. Наркомюст, народный комиссариат юстиции – товарищ Курский, носивший богатые моржовые усы и круглую лысину. Народный комиссариат просвещения – товарищ Луначарский, судя по фамилии – соотечественник Феликса Эдмундовича, даже немного похожий на него, только в очках и лысый. Народный комиссариат здравоохранения и социального обеспечения – товарищ Семашко...

НКВД, кто глава НКВД?! Сергею хотелось быстрее разрешить эту загадку, некогда было слушать про главу собесов и пилюлькиных. По логике после Дзержинского должен ид-

ти Менжинский... Нет. Совершенно, ну просто абсолютно незнакомая фамилия.

Товарищ Белобородов. На вид молодой человек лет тридцати, с приятным лицом, безусый и безбородый для разнообразия. Даже странно, как он умудрился оказаться во главе такого кровавого ведомства. И уж тем более как жаба-училка не упомянула о нем. И где, в конце концов, Сталин? Все возможные правительства уже закончились.

Парламент! Парламентская республика!

Что, если советский аналог парламента (конечно, названный каким-нибудь Народным Съездом) главнее правительства? Точно этого Сергей не помнил. Что, если Сталин – как раз глава такого суперпарламента? Данила!

Парламент конечно же бывает только у буржуев. А вот высший законодательный орган имелся – Всероссийский центральный исполнительный комитет. И председатель в нем был – товарищ Калинин. Судя по всему, это в его честь назвали Калининград. Внешностью Михаил Иванович напоминал доктора Айболита – круглые очки, бородка, усы. Ему бы еще белый халат и фонендоскоп.

Так... Ну и что думать? Где Сталин-то? Сергей с тоской взял ближайшую газету. «Правда»... Центральный орган ВКП(б)... «Б» – это большевики... «В» – это вендетта... Большевики!

Ой, дурак... Перебирает правительство, ищет Сталина среди наркомов юстиции и земледелия. Большевики! Пар-

тия! Всем известно, что власть в СССР принадлежала кому? Правильно, большевикам! А у большевиков есть кто? Правильно! Вождь! То есть Сталин! Молодец, Вышинский!

– Данила, скажи, а кто у большевиков вождь?

Данила помрачнел:

– Нет больше вождя.

Оп-па...

– Умер Владимир Ильич еще в прошлом году...

А-а, он про Ленина... А кто на его месте?

Никого... Ленин был вождем, а это должность неофициальная, на нее не назначают. Управляет же партией орган под названием Политбюро.

Да-да-да, Политбюро, что-то такое припоминается... А кто в него входит?

В Политбюро входили семь человек. В принципе их всех можно было назвать вождями.

Бухарин. Ух ты, знакомая личность! На фото – забавно ухмыляющийся дяденька с клочком бороды и усами, очень похожий на какого-то комедийного актера из сериалов. Главный редактор газеты «Правда».

Зиновьев. Незнаком. Несмотря на русскую фамилию, типичная еврейская внешность. Взлохмаченные черные волосы, длинный нос... Председатель исполкома Коминтерна.

Сергей вздохнул. Большевистские шифровки уже начали напрягать.

– Данила, что это значит?

Исполком – Исполнительный комитет. Коминтерн – Коммунистический Интернационал, международная организация, объединяющая все (все!) коммунистические партии мира. И глава всей этой мафии – товарищ Зиновьев. О котором Сергей даже не слышал. Вот это да...

Каменев. Незнаком. Взгляд доброго доктора, роскошные усы, небольшая бородка. Председатель СТО СССР. Блин... – Данила...

СТО – Совет Труда и Оборона. Аналогий в современном мире Сергей придумать не смог. Орган, в случае войны подчинявший себе все другие учреждения... Ого! Вот именно во главе такой организации Сергей ожидал увидеть Сталина: глава СТО – готовый диктатор. Ан нет, не Сталин, товарищ Каменев... Ладно, кто там еще...

Рыков. Ну этого мы уже знаем, глава правительства, Совнаркома то есть. И на этом месте ожидался Сталин... Кто там пятый?

Пятый... Крупный грузинский нос... Пышные усы... Кепка-фуражка... Сталин...

Сталин. Сталин. Сталин.

Вот он. Наконец-то...

Неожиданно Сергей обрадовался товарищу Сталину, как вновь обретенному родственнику. В принципе-то Сталин был здесь наиболее близким ему человеком: все друзья и знакомые еще не родились, родственников (прабабушек и прадедушек) Сергей не знал, никто из известных личностей

ему незнаком, разве что смутно и понаслышке. Остается только Сталин, про которого Сергей уже отчаялся услышать. Даже начал подозревать, что угодил не в прошлое, а в альтернативную вселенную, в которой нет Сталина. А он – вот он. И даже среди вождей... Кстати, а кто он по должности-то?

Сталин – генсек! Да! Точно! Генсек – значит, главный в партии. В ООН же генсек – это главный, правильно? Значит, и у большевиков так же! Правильно, Данила?

Так. Стоп. Данила утверждает, что в партии главы нет, управляет ею Политбюро, а генсек – сокращенно от «генеральный секретарь»... Это и так понятно! Почему он не глава партии?!

Ага...

Сталин никакой не глава партии. Генеральный секретарь – всего лишь глава Секретариата ЦК. А Секретариат ничем не управляет, занимается исключительно второстепенными вопросами, типа подбора кадров, организации съездов, бумаготворчества и тому подобного. То есть практически Сталин – глава отдела кадров и канцелярии, а это не те должности, в которых можно претендовать на власть.

Сергей вспомнил начальницу отдела кадров в фирмочке, где он работал, – громогласную вредную тетку. Менеджеры перед ней лебезили, но никакого влияния в фирме у нее не было. Вообще кадровик, как всегда казалось Сергею, – должность женская, особого ума не требующая. И на таком заштатном месте – Сталин? Сталин, который уже год как дол-

жен прийти к власти? Что за бред?

Ладно, сказал себе Сергей, успокоимся. Ведь товарищ Сталин все-таки в Политбюро, а туда кто угодно бы не попал, правильно? Здесь наверняка только люди, имеющие влияние и власть...

Ага, например Бухарин – редактор газеты. Офигенная власть.

Кстати, кто там еще остался из членов?

Томский. Незнаком. Неприятная личность, с зализанной челкой и нехорошим взглядом. Хотя усы и обычные, а не квадратиком, но почему-то возникли ассоциации с Гитлером. Как выяснилось, глава ВЦСПС – лидер советских профсоюзов, отчего неприятное впечатление только усилилось. С российскими и советскими профсоюзами Вышинский не сталкивался (бог их знает, чем они там занимаются), поэтому цепочка возникла следующая: профсоюзы-Америка-мафия.

Троцкий. Троцкий?! Ну да, узкая козлиная борода, лохматые волосы, небольшие очочки – тот самый товарищ Троцкий, который якобы был смертельным врагом Сталина, конкурентом в борьбе за высшую власть. И вот они оба преспокойно работают бок о бок...

Правда, насчет преспокойно Сергей немного погорячился. На просьбу рассказать о роли Троцкого Данила замялся и пояснил, что товарищ Троцкий уже не совсем товарищ, в частности возглавляет некий уклон в партийной политике,

расходящийся с общим направлением советского строительства... Короче, Троцкий попер против большинства, в результате его повытолкали со всех должностей и не сегодня завтра выпрут из Политбюро. Пост, который занимал Троцкий еще в начале года, тоже оказался для Сергея неожиданностью – военный министр, в смысле наркомвоенмор.

Итак, подведем итог. В Политбюро находятся: редактор газеты, лидер всех коммунистов мира, потенциальный диктатор, глава правительства СССР, начальник партийной канцелярии, то бишь Сталин, профсоюзный лидер и безработный по фамилии Троцкий. Если бы Сергея спросили, на кого бы он поставил в борьбе за лидерство, то Сталин бы оказался пятым в списке. Хуже, чем у него, шансы были только у Бухарина и Троцкого. Даже у профсоюзного Томского была весомая поддержка. А что у Сталина? Только его Секретариат.

Сергей встряхнул уже немного гудевшей головой. Так сразу загадку Сталина не решить, нужно хорошо подумать.

Спина уже ныла. Сколько же времени Сергей провел в библиотеке? Солнце опустилось по-вечернему низко, пора идти обратно в Козью Гору. Иначе есть риск часть пути пройти в темноте и наткнуться на злых волков или не менее злых белогвардейцев-террористов.

Сергей тепло распрощался с Данилой. Судя по тому, что в библиотеку за полдня не зашло, кроме Сергея, ни одного человека, чтение не было популярно среди жителей Загорок. А тут такой благодарный читатель и слушатель.

Проскочил мимо двери начальника Павла, вышел на крыльцо. Да-а... Пора, пора домой.

Сергей подхватил палку-меч, оставленную у крыльца, повернулся в сторону Козьей Горы... Вот растяпа!

Забыл! Забыл, зачем вообще приходил в Загорки! Колдунья Алена! Артефакт!

Нужно срочно убираться из этого мира. Сергей все понял. Это НЕ ПРОШЛОЕ.

У власти не Сталин, а некий Рыков, Дзержинский – министр промышленности, вместо рублей ходят червонцы, большевики спокойно относятся к церкви, через эстонскую границу переходят террористы, да не просто террористы, а белогвардейцы, хотя война уже три года как закончилась... Польские концлагеря, казаки-садисты, святой Илья Муромец.

Ничего этого в прошлом Сергея не было. А значит...

Он в параллельном мире. Альтернативная история.

Сергей лишился единственного преимущества провалившегося в прошлое – знания того, что будет. Теперь все, что он знает о будущем, – то, что умрет своей смертью. И то, если верить батюшке Йоде. Невеликое преимущество.

Нужно срочно найти бабушку Алену. Раздобыть, выпросить, отобрать артефакт (думать о том, что у нее его нет, Сергей не хотел) и срочно, сегодня же отправляться обратно в будущее, вернее, в свой мир, где не нужно вкалывать с утра до вечера, где можно просто жить.

Без предзнания Сергей превращается в того, кем, собственно, и являлся всю жизнь, – неудачника и лентяя. Любой из местных жителей – и пасечник Никитич, и безногий Данила – умнее его хотя бы потому, что лучше знают здешний мир. Разве можно без сведений о мире, без знания традиций, обычаев, суеверий, правил, законов и порядков, разве можно на таких условиях стать кем-то, кто будет лучше местных жителей. Посмотри правде в глаза, Сергей, здесь ты всего лишь сектант, способный только работать батраком у крестьян. «Сяктант Сярежа», который постоянно огребает по лицу.

Сергей свернул в узкий проулочек между двумя заборами, из-за которых торчали ветки кустов, и остановился. Фингал под глазом болезненно напомнил о себе.

Те самые парни, которые орали перед церковью: «Не надо нам монахов!» – прижали к забору девчонку лет четырнадцати. Нет, не с пошлой целью полапать, девчонку даже не трогали. Однако от этого ситуация остроты не теряла. Вероятно, собирались бить.

Парни обступили свою жертву полукольцом, так что вырваться она могла, только растолкав их. Судя по интонациям, доносившимся до Сергея, девчонке предъявлялись некие претензии, от которых она активно отбрехивалась. Пока удачно. Однако рано или поздно, когда парни исчерпают аргументы, им придет в голову, что перевес в грубой физической силе гораздо лучше любых слов доказывает их правоту.

Глаз дернулся еще раз, предупреждая хозяина, чтобы не вздумал вмешиваться. Синяк был достаточно велик и красив и не хотел ни меняться в сторону увеличения, ни приобрести близнеца под вторым глазом.

Сергей на ватных ногах тронулся в сторону пока не замечающей его компании.

– Ну и что? – уперла руки в боки девчонка, наседая на заводилу Рыжего.

Невысокая, пухленькая, курносая, с косой, торчащей из-под косынки, она выглядела как множество краснощеких девушек из советских фильмов о сельской жизни. Ей бы еще деревянные вилы в руки.

– Что вы мне сделаете? А?

– Смотри, – закипал Рыжий, – мы тебе сказали, перестань...

– А то что? Ты-то мне ничего не сделаешь...

Рыжий не выдержал и потянулся к ней рукой.

– Руки убяри! – отшатнулась девчонка. – А то будешь у меня всю ночь свой дом искать...

– Ах ты...

– Рябята, а давайте ей хвост оторвем! – высунулся из-за спин дружков Губатый.

Сергей кашлянул. Компания быстро обернулась.

– А-а, – протянул Рыжий, – сяктант...

«А я предупреждал», – напомнил фингал. Заныли ребра.

– Я пройти хочу, – уточнил Сергей.

– Прой-ти? – Компания нашла более удачный предмет для развлечения. – А сяктантам у нас в Загорках делать нечего!

Девчонка могла сбежать, но не стала:

– А ну отстаньте от няго!

Рыжий отмахнулся, медленно приближаясь со своей свитой к Сергею.

Сергей перехватил поудобнее палку-меч. Отмахаться от семи человек... Может, проще дать деру?

Вожак увидел движение Сергея:

– Ня балуй... – Он картинно полез за пазуху и резко выхватил...

Попытался выхватить. Что-то запуталось в одежде. Сергей хотел подойти поближе, Рыжий задергался, как рыба на крючке, и наконец-то достал, что хотел.

Револьвер. Еще одну точную копию того, что лежал в котомке у Сергея.

– Ня подходить!

Сергей замер. Да что это такое, все с оружием! Большевики оружие у населения не любили!

«Альтернативка...» – шепнул некто бестелесный.

Рыжий, увидев замешательство противника, приободрился:

– Ну цто, сяктант, испугался?

А ты подойди чуть поближе, смельчак...

– Ну и что здесь происходит? – раздался за спиной Сергея ленивый голос.

Рыжий побледнел, даже веснушки выступили. Сергей медленно обернулся, пытаясь не выпускать из виду Рыжего, даже глаза чуть в стороны не разбежались.

У входа в проулок стоял Дзержинский. Сергея чуть кондратий не хватил.

Натуральный Дзержинский, в точности как стоял на площади: высокий, худой, с бородкой клинышком, в фуражке. Только вместо шинели – подпоясанная узким ремешком гимнастерка без погон. На груди – три полосы светло-красного цвета. На рукаве – следы от споротых нашивок (длинная, узкая – от обшлага к локтю, в виде ромба – над локтем).

В руке – пистолет.

– Что здесь происходит? – размеренно повторил Дзержинский.

– А... мы... это... – начал объяснение Рыжий.

Зашуршали кусты: Губастый, а за ним еще двое перескочили через забор и дали деру.

Взгляд бесцветных рыбьих глаз незнакомца – Сергей уже понял, что это не Дзержинский, просто похож – обежал Сергея, Рыжего, притихшую компашку и остановился на девчонке.

– Все вон.

Компания борцов с религией (может, девчонка – внучка батюшки?) послушно двинулась мимо Сергея к выходу из проулка. Ствол пистолета уперся в грудь Рыжего.

– Оружие.

Рыжий опустил револьвер в протянутую ладонь и скрылся.

– Все вон.

Пистолет смотрел на Сергея. Тот начал медленно отступать, мимо девчонки. Потом повернулся и быстрым шагом – насколько он мог быть быстрым – двинулся подальше от заутка с непонятными разборками. Только успел ухватить кусочек разговора:

– Что ж это вы, гражданка Выреева, в неприятности встречаете? Ведь вам предлагалось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.